

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

**Московская школа
политических
исследований**

А.Э. Нольде

Австрийский Ренессанс

Интеллектуальная и социальная история Австрии
1848-1938 гг.

Московская школа
политических исследований

Москва 2004

ББК 63.3(2)
Н 80

Культура политика философия

Серия основана в 2000 году Московской школой
политических исследований и издается под общей редакцией
Ю.П. Сенокосова

Подготовка текста к публикации: А.А. Гапоненков

Нольде А.Э.

Н 80 М.М. Сперанский. Биография. — М.: Московская школа
политических исследований, 2004. — 304 с.

Жизнь и труды Сперанского послужили темой многочисленных исследований. С его деятельностью встречается всякий, кто задумывается над основными вопросами государственного развития России в XIX веке. Связанные с его именем конституционные проекты, оставшиеся неосуществленными, коснулись предметов, к которым наша общественная мысль всегда обращалась с неослабевающим интересом. Трудно назвать другого русского государственного деятеля начала XIX века, который оставил после себя такое богатое наследие, как Сперанский.

От судьбы Сперанский получил удел любимца богов, счастье, открывшее широкий простор для приложения дарований, и невзгоды, вызывающие сочувствие и интерес потомства. Слава его деяний усилена и окружена сиянием крупных исторических событий, к которым он был причастен, но эта слава создана им самим, его трудами и талантами. Если Россия XVIII века может гордиться великим ученым, благодаря личным дарованиям проложившим себе пути высшему служению науке, то в начале XIX века таким же самородком, на других поприщах, был Сперанский.

ББК 63.3(2)

*Издание осуществлено при поддержке
Совместной программы Европейской Комиссии и Совета Европы*

© Гапоненков А., вступительная статья, 2004
© Московская школа политических
исследований, 2004

ISBN 5-93895-054-6

**Барон Александр Нольде —
автор биографии М.М. Сперанского**

Барон Александр Эмильевич Нольде (1873–1919) до революции 1917 года был помощником статс-секретаря Государственного Совета и профессором Александровского лицея, видным юристом и историком права, автором многих исследований по проблемам кодификации русских, литовско-польских, прибалтийских законов, гражданского законодательства, истории Сената, Свода Законов Российской империи, судебной реформы, издания судебных уставов, знатоком римского права и иностранных кодексов.

Выпускник Петербургского университета, он защитил сначала магистерскую, затем докторскую диссертации, опубликовав их в виде «Очерков по кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском» (1906–1914). Кроме того, Нольде печатался в специальных юридических изданиях начала века: «Журнал министерства юстиции», «Вестник права», «Вестник гражданского права». «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона посвятил А.Э. Нольде словарную статью*.

Казалось бы, сама научная и творческая судьба вела его к тому, чтобы последняя книга, которую он написал в 1915–1919 годах, была биографией графа Михаила Ми-

* См.: *Нольде А.Э.* // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1911–1916. Т. 28. Стб. 814–815.

хайловича Сперанского. Рукопись ее была подготовлена автором к печати, сделана была последняя правка, но, увы, увидеть ее напечатанной барон А. Нольде не смог. Вывезенная из России после его смерти она уже в 1950-е годы была передана в Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке. Последняя глава ее «Общие замечания» была опубликована в 1989 году Марком Раевым*. После долгих десятилетий забвения подготовленная к печати книга возвращается на родину как одна из пионерских работ, глубоко и на обширном материале осветившая труды и дни великого реформатора России.**

О бароне А. Нольде как историке права еще будут написаны специальные работы, переизданы его труды. Уже сейчас можно сказать, что это был выдающийся специалист по истории русской бюрократии XIX века и в целом российской власти с ее институтами (Государственный Совет, правительствующий Сенат, Кабинет министров, департаменты), власти местной и верховной, и прежде всего судебной, как поддающейся модернизации, так и противодействующей реформам. Либерал по убеждениям, Нольде с большим уважением относился к созданной Сперанским русской бюрократической машине, и символично, что с крахом ее вследствие большевистско-

* *Нольде А.Э.* Граф М.М. Сперанский. Опыт характеристики / Предисл. М. Раева // Новый журнал. 1989. Кн. 175. С. 264–277.

** См. еще биографические книги о Сперанском: *Корф М.А.* Жизнь графа М.М. Сперанского. СПб., 1861. Т. 1–2; В память графа М.М. Сперанского. 1772–1872 / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1872; *Южаков С.Н.* М.М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892; *Середонин С.М.* Гр. М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909; *Фатеев А.Н.* Сперанский — генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942. Т. 1–2; *Raeff M.* Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia. 1772–1839. Hague, 1957 (1969; Westport, Conn., 1979); *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1989 (2-е изд.: М., 1993); *Томсинов В.А.* Светило русской бюрократии (М.М. Сперанский). М., 1997; М.М. Сперанский. Жизнь, творчество, государственная деятельность: Сб. статей. СПб., 2000.

го переворота перестали обращаться и ко многим его (Нольде) трудам. Еще предстоит их открывать заново.

Биография — это особый жанр, в котором автор в обобщенном виде пытается представить жизнь своего героя такой, какой он ее *видит*, отбирая и оценивая реальные факты, пропуская их через свое сознание. Сама личность героя подсказывает автору форму претворения разнообразного жизненного материала, насыщена ли она яркими событиями, или она протекает медленно, незаметно, «внутри» самой личности. Автор может никак себя не обнаруживать в повествовании, сторонясь прямых оценочных суждений, или наоборот, активно вступает в диалог со своим героем и временем, в котором пишется книга.

Один из непревзойденных биографов П.В. Анненков в «Материалах для биографии А.С. Пушкина» (1855) сумел «внешнюю» картину жизни поэта синтезировать с его творчеством посредством «исторического чутья и художественного инстинкта, соединенных вместе»*. Барон М.А. Корф примерно в одно и то же время создавал «Жизнь графа Сперанского», по крупицам собирая факты у современников и воочию представляя образ Сперанского как его ближайшего сотрудника.

Но необходимо было после колоссальной биографической работы М.А. Корфа издать новые сочинения, прочитать неизвестные рукописи, осмыслить уже сделанное, соблюдая историческую дистанцию. Многочисленные тексты Сперанского были опубликованы в периодической печати, сочинениях и сборниках трудами А.Ф. и И.А. Бычковых, Н.К. Шильдера, А.Н. Пыпина и др. В 1905 и в 1915–1919 годах исследователям стали доступны материалы, находившиеся под цензурным запретом (например, архивные документы о следствии над декабристами). В 1916 году А.Э. Нольде вошел в комиссию по изданию сочинений, бумаг и писем графа Сперанско-

* *Анненков П.В.* Отрывок из статьи // Вопросы литературы. 1979. № 6. С. 144.

го при Академии наук (председатель комиссии — академик А.С. Лаппо-Данилевский), но работа ее в силу разрушительных исторических процессов прекратилась к 1920 году.

Спустя почти сорок лет в России вышло в свет лишь одно издание сочинений Сперанского*. В настоящее время заметным событием стало появление сборника его работ в серии «Русская государственная мысль»**. Как замечает составитель и редактор этого тома И.Д. Осипов, «большая часть» «рукописных произведений» Сперанского, «а также огромная переписка до сих пор не опубликованы и хранятся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в фонде М.М. Сперанского № 731 и в фонде К.Г. Репинского»***.

Жизнеописание Сперанского, написанное Нольде, поможет многим современным исследователям целостно обозреть систему взглядов Сперанского во всех аспектах его деятельности. Но биография Сперанского — это не только ученый труд, ее самостоятельная роль важна в качестве литературного произведения, рассчитанного на более широкий круг читателей. Опыт жизни великого государственного деятеля России имеет большое просветительское значение, нравственное и гражданское.

Привлекательны ли эпизоды жизни Сперанского для биографического повествования? А.Э. Нольде отмечает «бледность» личной жизни своего героя по сравнению с государственной деятельностью. Один лишь «эффектный эпизод» опалы — ссылка 1812 года — вряд ли может прибавить занимательности: «Биография Сперанского сводится к описанию его государственной деятельности, к рассказу о его работах на этом поприще и об участии в исторических событиях».

* *Сперанский М.М.* Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961.

** *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов / Отв. ред. И.Д. Осипов. СПб., 2002.

*** Там же. С. 657.

Сперанский вдохновляет автора своим незаурядным умом, душевной культурой, он «совершенно понятен нам, он представляется для нас современным человеком, иначе говоря, он обогнал свой век на много лет...». В отличие от вельмож начала XIX века Сперанский не любил распоряжаться чужой судьбой: «Его влияние приобретало формы современные, публично правовые и европейские».

Нольде подмечает характерную черту психологии героя: «Сперанский никогда не был экспансивным, всегда был сдержанным, в тайники своей души доступа никому не открывал». Это не было только проявлением его мистического опыта, к которому он часто обращался. Сперанский был увлечен самим процессом незаметной кабинетной работы, формулированием статей законов, их отвлеченным смыслом. Автор биографии стремится показать читателю, что двигателем кропотливой деятельности Сперанского была мысль о правовой культуре как самоудовлетворяющей ценности. В характере его не было ложного самолюбия, удел людей ищущих славы, но не истины. С этой точки зрения приводимое автором высказывание Сперанского по поводу «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина имеет характерологическое значение: «Не приобщайтесь, ради Бога, к толпе людей, к сожалению у нас еще многочисленных, людей, кои не умеют или не хотят отдать справедливости самым истинным достоинствам, когда не находят в них своих систем или своих предубеждений» (письмо к А.А. Столыпину от 5 марта 1818 г.).

Один из постоянных мотивов, который проведен через всю биографию, — мотив *судьбы* и *удачи*. Автор, рассуждая, задается вопросом, что же помогло Сперанскому подняться на высоты государственной службы: «Конечно, при неудаче обстоятельства могли сложиться так, что его затерла бы судьба, что он застрял бы надолго в очень подчиненном положении, медленно проходил бы все ступеньки служебной лестницы и оказался бы на высоте уже с

надломленными силами и разрушенной энергией». В этом отношении ему действительно сопутствовала некоторая удача, — он имел случай сразу же обнаружить свои способности, и к крупным задачам, которые были поставлены на очередь в «дней Александровых прекрасное начало», он приступил в полном расцвете своих сил и талантов.

Сперанский был призван к государственной деятельности новой исторической обстановкой, желанием императора Александра I совершать преобразования. Нольде отстаивает в биографии принцип «исторической перспективы», обусловленности личности, ее зависимости от движущих сил истории: «При оценке исторических событий нельзя брать явления вне исторической перспективы и, в частности, плана преобразования вне той исторической обстановки, в которой он слагался».

Одна из глав биографии носит название «Осуществленная реформа». Содержанием ее является детальный анализ по сути двух актов, связанных с именем Сперанского, — образование нового Государственного Совета и реформа министерств. «Доверенным лицом императора» была проделана огромная политическая и законодательная работа*. Попытка реформировать Сенат не удалась. Однако Нольде называет эти шаги «лишь малою частью крупного, всеобъемлющего проекта преобразования всего государственного строя империи»**. Была задумана Государственная Дума. Если смотреть в «исторической перспективе», то план коренной реформы Сперанским не был осуществлен. Нольде сожалеет, что долгое время о плане

* А. Нольде приводит высказывание Сперанского (в письме к Александру из Перми в 1813 г.) о трудностях, с которыми сталкивалась реформа: «Здесь каждый министр, считая вверенное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель государства, — и это был я. Мне одному противу осьми сильных надлежало вести сию тяжбу».

** См.: План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов в 1809 г.). М., 1905.

этом можно было упоминать «вскользь», и только *недавно* проект преобразований стал интенсивно изучаться.

Причины, по которым всеобъемлющие реформы оказались на бумаге, а те, что были проведены в жизнь, носили частичный характер, автор книги ставит в зависимость от «делового» характера связи реформатора с самодержцем. В самом деле, взаимоотношения Сперанского и Александра I, подробно развернутые в биографии, носили характер «заказа» свыше: «Конституционные идеи, которые проводятся им в его (Сперанского — А.Г.) планах, были предугазаны свыше. Он работал по заказу, и ему принадлежит только отделка и разработка».

А. Нольде рисует психологически сложный портрет императора со всеми оттенками его чувств и деталями поведения («замечательная скрытность и самообладание», «природная подозрительность», «виртуозное умение распорядиться интригою», «презрение к людям» и внимание к «мнению толпы»). Одно то, что Александр I держал при себе особую «тайную полицию» для слежки за сановниками, лично руководил деятельностью сыщиков и агентов, встречаясь с ними в закоулках дворцов, делает Благословенного императора в сознании читателя биографии отнюдь не «ангелом» на троне. Вспомним, как безошибочно разгадал его личность Пушкин: «...властитель слабый и лукавый». Как только император усомнился в своих же начинаниях под влиянием молвы, исходящей от царедворцев и дворянской элиты (великая княгиня Екатерина Павловна, Н.М. Карамзин и др.), Сперанский попал в опалу.

Автор допускает, что Сперанский умел приспособливаться к «изменившимся условиям», был «то более, то менее либеральным»: ссылка, жизнь в ссылке, письма царю, переписка с Аракчеевым, Сибирь, возвращение, отношения с Николаем I, суд над декабристами, работа над Сводом Законов. Эпоха Александра I ушла безвозвратно. Характер у нового императора был другим: «в полете мысли и фантазии младший брат сильно уступал старшему».

Нольде не скрывает от читателя того факта, что «Сперанский был негласным, но главным руководителем суда» над декабристами. Сложная психологическая атмосфера, в которой работал Сперанский, его терзания переданы в биографии достоверно. Он был со многими из подследственных близко знаком, а декабрист Г.С. Батеньков являлся его ближайшим помощником в Сибири. Между тем в главе «Суд над декабристами» Нольде не склонен преувеличивать влияние Сперанского на ход следствия, его способность изменить сложившиеся исторические условия: «С участием Сперанского или без такового процесс декабристов остался бы себе равным — актом расправы с побежденным противником, различия сказались бы только в деталях».

«Заказ» свыше устанавливал другой распорядок жизни империи. Историческая обстановка Николаевского царствования отразилась в самом великом творении Сперанского. Известный юрист Н.С. Таганцев в разных частях «Свода Законов» видел результаты деятельности как «Сперанского-реформатора», так и «Сперанского-исполнителя» (основные законы)*. Истории создания «Полного Собрания Законов» (56 томов) и «Свода Законов» (15 томов) в биографии уделено значительное место. Нольде определяет юридическую природу «первого издания» «Свода Законов» как «закон», и только жалеет, что в юри-

* Сравнивая двух императоров в отношении к Сперанскому Н.С. Таганцев писал: «Нельзя забывать, что именно в сфере основных законов Сперанский очутился лицом к лицу с верховным жрецом не того металла, а главное и не того отлива, каким был прошлый его повелитель, романтический искатель мировых приключений, который даже и в царственной галерее Романовых изображается скачущим на белом коне среди ласкающих пейзажей — Рюисдаля; встретился Сперанский с властителем, уже свыкшимся с тяжелою, одуряющею атмосферою храма власти, а главное, искренне верующем в непреложную мистическую силу самодержавной благодати, с жрецом во вкусе древнеегипетском: с мертвящим стальным взглядом и не стигающею дланью» (Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С.161).

дической литературе «удалось это окончательно установить только без малого через сто лет после утверждения Свода, накануне крушения законодательства, в нем воплощенного».

Концептуальной является в биографии мысль автора о *возможности* и *необходимости* политической свободы. Каждый период жизни Сперанского ставил перед ним проблему выбора между возможностью осуществления преобразований и их необходимостью: «Весьма возможно, что Сперанский не верил в *возможность* установления в России политической свободы, о которой мечтали более импульсивные друзья монарха (Александра I — А.Г.)<...>, но он все время сохранял веру в *необходимость* соответствующего переустройства государства и обдумывал наиболее пригодные способы».

В результате начавшихся реформ самодержавие получило «внешние формы» *закона*, но незавершенные преобразования оставили существо деспотического правления прежним. Сперанский, по мнению автора, это предвидел и этого хотел избежать. Нольде и соглашается, и расходится с К.Д. Кавелиным: французские порядки военного режима Наполеона, перенесенные в Россию, были водворены в стране неограниченной верховной власти, «где — вот тут только ошибся Кавелин — по самому составу общественных элементов политические социальные перевороты невозможны». Автор писал биографию в годы такого переворота и видел, как в одночасье разрушаются законодательные установления.

Сперанский обладал, по словам Нольде, «великим искусством выражать всякие обороты мысли». Он прошел школу семинарского стиля. Семинаристы не только хорошо владели основными правилами риторики в построении своих сочинений: «В переписке товарищей по семинарии чувствуется вычурность, желание поразить друг друга изяществом речи, словом, деланность». Когда же Сперанский начал писать деловые бумаги, записки он поражал всех красотой слога, логикой изложения: «И этот дар был,

конечно, прирожденным у Сперанского, но нельзя сомневаться в том, что он очень многому научился на французских образцах». Нольде определяет литературную манеру Сперанского как «классический дух». Биограф убедительно говорит о таких характеристиках стиля Сперанского, как *эlegantность* и *эластичность*: «В первый раз друзья императора и он сам получили в руки бумаги, свободные от невразумительной риторики и нагромождения бессвязных фраз, составленные с такой эlegantностью, какую им приходилось встречать в иностранной литературе».

Создателем русского литературного языка обычно называют Н.М. Карамзина. Вместе с тем великолепное стилистическое искусство Сперанского совершенно свободно от влияния языка этого писателя. Оно было менее известно широкому читателю, так как многие записки Сперанского не появлялись в печати. И только язык «Полного Собрания Законов», по мысли П. Струве, стоит рядом с языком Пушкина, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого*.

Нольде позволяет себе интересное филологическое сопоставление: «Сжатая, короткая, подлинно величавая речь Сперанского во многом отличается от стиля Карамзина, у которого гораздо более слащавости и галлицизмов и, правду сказать, — очень много сделанного». У обоих авторов Нольде справедливо усматривает и много устаревшего для *современного* вкуса. Стоит привести и упоминаемый биографом факт, что манифест о присяге новому императору Николаю I писал Сперанский, в то время как первый вариант этой бумаги, написанный Карамзиным, не удовлетворил государя.

Парадоксальна, на первый взгляд, но кажется справедливой мысль Нольде о том, что литературное дарование Сперанского способствовало усовершенствованию государственного механизма. Он умел *эластично* писать законы, организовать канцелярскую работу, «образцы его

* Струве П. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. Кн. 1. Отд. 2. С. 66.

редакторского искусства не пропали бесследно». Сперанского Нольде считает «творцом русской бюрократической машины последнего столетия», историческая служба которой не прошла незаметно.

Два основополагающих вывода, сделанные автором биографии Сперанского, необходимы строительству новой России: *о законности как проявления нравственного начала и порядка в государстве* и *о стремлении к усовершенствованию «формы»*. Этим идеям по мере своих сил служил, претворяя их в жизнь, граф Михаил Михайлович Сперанский.

Текст рукописи публикуется впервые и без купюр, с сохранением некоторых особенностей авторского правописания и стиля. В основном же орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Необходимые по смыслу пропущенные слова взяты в угловые скобки.

Рукопись хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке (BAR. Gen. Ms. Coll / A. E. Nolde. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University). Она состоит из 262 нумерованных листов большого формата (259 и 3 листа вставок), которые располагаются в трех архивных папках с титулом: «Nolde, Aleksandr Emilevich, baron, b. 1873. Biography of M.M. Speranskii, ca. 1915–1920». Машинописный текст напечатан по старой орфографии, в нем сделаны авторские исправления и пометы на полях («верстать на отдельной странице», «с нового абзаца» и т. д.). Авторского заголовка в рукописи нет.

Подготовка текста была осуществлена мной в качестве участника Программы Фулбрайт в 2002–2003 годах. Приношу искреннюю благодарность куратору Бахметевского архива Тане Чеботаревой и сотруднику отдела редких книг и рукописей библиотеки Колумбийского университета Кате Шраге за оказанную помощь в проделанной работе.

А.А. Гапоненков

I. Начало карьеры

Сын священника села Черкутина Владимирского уезда Михаил Михайлович Сперанский родился 1 января 1772 года, быстро выделился своими способностями среди своих товарищей по Владимирской семинарии. В числе лучших ее питомцев, по окончании курса, был послан для усовершенствования своих познаний в Петроград, в Александровскую семинарию, преобразованную впоследствии в Духовную академию, где тотчас же занял первое место среди сверстников. По желанию митрополита Гавриила, обратившего внимание на даровитого студента, Сперанский был оставлен при семинарии в качестве учителя математики, физики и красноречия (1792 г.), а затем — учителя философии, с назначением «префектом» (инспектором, 1795 г.). Митрополитом и другими покровителями Сперанский предназначался для высшего духовного служения, но обстоятельства сложились иначе.

Благодаря рекомендации одного из своих земляков, Сперанский получил занятия домашнего секретаря у князя Алексея Борисовича Куракина. В богатом и знатном доме Куракина Сперанский занимал очень скромное положение, жил со слугами высшего ранга (берейтором и др.), но сошелся и с губернатором молодого князя (Бориса Алексеевича) Брюкнером, человеком образованным, сторонником либеральных идей Вольтера и энциклопедис-

тов. В часы досуга Сперанский в это время изучал французский язык и быстро достиг совершенства.

После воцарения Павла Куракин, очень близкий к новому императору, был назначен генерал-прокурором, то есть на самую высокую по тем временам должность в империи. Куракин успел оценить способности своего секретаря и пригласил его на службу в свою канцелярию; 2 января 1797 года состоялось его назначение. Куракин быстро двигал своего любимца; через полтора года Сперанский был уже коллежским секретарем, иначе говоря, получил чин не малый для лиц в его положении.

Вскоре, однако, Куракин лишился милости Павла и был заменен Лопухиным, который тоже удержался не долго. После Лопухина генерал-прокурором был назначен Беклешов. Третий генерал-прокурор Павлова царствования, умный государственный деятель, сразу обратил внимание на Сперанского. В конце 1799 года Сперанский был произведен в статские советники и был назначен правителем канцелярии, комиссии о снабжении Петербурга припасами, учреждения весьма видного, ибо во главе комиссии стоял наследник престола. Но и Беклешов не долго оставался в должности; его сменил Обольянинов, человек не умный, малограмотный и невыносимого нрава. Однако Сперанский понравился и Обольянинову, который не только не подверг его гонениям, но даже покровительствовал ему и выхлопывал милости.

Первые шаги Сперанского на государственной службе очень интересны для его характеристики. Сперанский умел ладить с четырьмя начальниками, друг на друга во всех отношениях не похожими. Очевидно, что в этом отношении играли роль не только его чисто служебные таланты и искусство исполнять канцелярские дела, но и необычайный такт, умение угадывать то, что требовалось в данное время, и как-то естественно, без лакейской угодливости, сохраняя достоинство, идти навстречу различным требованиям.

В ноябре 1798 года Сперанский женился на англичанке, Елизавете Стивенс, которая приехала в Россию со

своею матерью (урожд. Планта, швейцаркою родом), вдовою английского священника. Теща Сперанского, талантливая особа, но обладавшая очень тяжелым характером, в то время состояла гувернанткой при младшей дочери графа Андрея Петровича Шувалова. Породнившись с английскою семьей, Сперанский быстро изучил английский язык и усвоил некоторые английские домашние обычаи. Эти обстоятельства имели некоторое значение, ибо в начале царствования Александра все английское было в моде. Супружество его продолжалось недолго — в конце 1799 года жена его скончалась после рождения дочери Елизаветы.

Сперанскому было 29 лет, когда вступил на престол Александр I; в это время он уже прошел через мелкие должности, в которых мог затеряться, приобрел некоторый деловой опыт и знания и уже обладал связями с влиятельными лицами; всем этим он был обязан единственно самому себе. Напротив, в той обстановке, в которой ему пришлось действовать, его способности сразу же сказались так ярко, что трудно было их не заметить. Его ясная мысль, умение быстро разобраться в очень сложных заданиях, необыкновенное и теперь еще поражающее искусство в стройной, литературной форме излагать самые, казалось бы, запутанные и сложные предметы, — все это было величайшею редкостью в тогдашних канцеляриях, все выделяло его из серой толпы приказных. Конечно, при неудаче обстоятельства могли сложиться так, что его затерла бы судьба, что он застрял бы надолго в очень подчиненном положении, медленно проходил бы все ступеньки служебной лестницы и оказался бы на высоте уже с надломленными силами и разрушенной энергией. В этом отношении ему действительно сопутствовала некоторая удача, — он имел случай сразу же обнаружить свои способности, и к крупным задачам, которые были поставлены на очередь «дней Александровых прекрасное начало», он приступил в полном расцвете своих сил и талантов.

Первое десятилетие правления императора Александра с полным основанием характеризуют как эпоху ре-

форм; много преобразований было осуществлено, еще больше было намечено, но осталось не выполненным. Юный император, при вступлении на престол (12 марта 1801 г.) ему было 23 года (род. 12 декабря 1777 г.), — с кипучей энергией, даже со страстью порывался осуществить огромные перемены в своем государстве, о которых втайне мечтал еще великим князем. Несомненно, он руководился прежде всего личным желанием, почти капризом, который толкал его не столько, впрочем, на осуществление своих туманных планов, сколько на игру с проектами грандиозных реформ. Но и помимо личных желаний императора, обстоятельства сами собой принуждали его к оживленной законодательной работе.

Прежде всего, было необходимо устранить много актов, состоявшихся при Павле и вызывавших всеобщее неудовольствие, а в связи с этим приходилось задуматься над приведением в некоторую стройность существовавшей организации управления, в особенности же центрального. В течение XVIII века преобладала у нас система коллегиального управления, в основных чертах восходившая к Петру Великому. Центром и средоточием всей власти был Сенат, первоначально состоявший из лиц, которым были поручены отдельные и самостоятельные области управления, а затем, после учреждения коллегий (1718 г.), — из президентов всех коллегий, иначе говоря, Сенат должен был быть кольцом, связующим все отрасли управления. Но вскоре, в видах усиления надзора, Сенат преобразовывается в собрание «тайных» и «действительных тайных» советников (1722 г.), не входивших в состав коллегий. Коллегии, состоявшие из советников, то есть членов коллегии, образовавших под председательством президента (или вице-президента) ее присутствия, обсуждали и решали дела в составе присутствия. Подготовка дел и исполнение решений лежали на канцеляриях, состоявших из чиновников разных рангов. Коллегии должны были решать дела по закону, а в тех случаях, когда законов на данный случай не оказывалось, должны были

представлять дела в Сенат, через своего президента, а Сенат в зависимости от обстоятельств дела либо решал его сам (если на то был прямо уполномочен законом, по делам превышающим ведомство коллегии) или же, в свою очередь, представлял о нем монарху. Коллегии ведали как дела управления, отрасли ей порученной, так и дела судебные, с нею в связи стоящие. Таким образом, по идее организация центрального управления была стройна.

Но эта система, задуманная Петром, подверглась большим изменениям при его преемниках. Сильно колебалось влияние Сената, то есть образовывались новые учреждения, оспаривавшие у него власть, в зависимости от того, какие группы правящих классов оказывались в большем фаворе у монарха. При Екатерине I всем распоряжался Верховный Совет, при Анне Иоанновне — Сенат был в загоне, ибо главные ее приверженцы вышли не из групп, тяготевших к Сенату, и сенаторам, а тогда правил «кабинет министров»; наоборот, дочь Петра, Елизавета, благоволила к Сенату, и при ней он был главою правительства. Екатерина II старалась держать Сенат по возможности в рамках деловой компетенции, сохраняя за собой последнее слово по всем важнейшим делам.

Наряду с властью Сената постепенно создается и крепнет власть генерал-прокурора. Должность эта, учрежденная еще при Петре, постепенно приобретала все большее и большее значение, генерал-прокурор делается первым министром, в руках которого соединяются и надзор за деятельностью Сената (а также и коллегий), и многочисленные особые дела, специально ему поручаемые. Некоторые лица, занимавшие эту должность, были полновластными владыками (например, Глебов при Елизавете) и даже при Екатерине, которая сама с великим вниманием и трудолюбием следила за государственной жизнью, генерал-прокурор кн. Вяземский имел большое влияние на ход дел, даже не связанных непосредственно с Сенатом. В отдельных коллегиях повторялась та же самая картина: если во главе ее стоял влиятельный человек, то

значение ее, как таковой, сводилось к немногому, и, напротив, оно возрастало при руководителе пассивном или не влиятельном.

При Екатерине II положение коллегий радикально изменилось — очень многие были закрыты, так как их обязанности перешли к учрежденным в 1775 году губернским учреждениям (палатам казенной, гражданского и уголовного суда, губернскому правлению и др.), в центре же остались только три главные коллегии (военная, морская, иностранных дел), Сенат и некоторые установления нового типа, с прежним коллежским строем имевшие мало общего. Екатерина одно время задумывалась над преобразованием Сената и созданием замены для коллегий как центральных установлений, но эти планы не были осуществлены. Влияние генерал-прокурора от этого еще более возросло, ибо дела юстиции, внутренние и финансовые, объединялись только в его руках. При Павле опять были восстановлены коллегии, но не в прежнем их виде. Над президентами были поставлены главные директора, которые не заседали в присутствиях коллегий, сносились с ними «предложениями», только наблюдали за ними и докладывали дела императору. Но вскоре личное влияние директоров сократилось, и фактически все дела были сосредоточены в руках генерал-прокурора и его канцелярии. Этим не ограничились перемены. Постепенно дела финансовые отошли из ведения генерал-прокурора к государственному казначейству, и появились министерства, сперва «департамент уделов», с особым «министром», потом министерство «коммерции». Соотношение этих «министров» и подведомственных им коллегий было неясное. Трудно сказать, кто по идее должен был быть хозяином дела; министр был посредником между коллегией и императором, мог не утверждать ее решений и возвращать для перерешения, но самостоятельно изменять их не мог.

Таким образом, в XVIII веке не удалось создать сколько-нибудь стройной системы центрального управления. Замысел Петра ни при его жизни, ни тем более при

его преемниках не получил полного осуществления. Центр тяжести перемещался то к одной, то к другой группе влиятельных сотрудников монарха, и в зависимости от этого получало преобладание то одно, то другое учреждение. Изменялись лица — менялось по существу и строение высшей администрации. На протяжении XVIII века ясно сказывается борьба двух систем организации управления, системы коллегиальной и единоличной. Многие можно было привести и в пользу первой, освященной авторитетом Петра Великого. Коллегия ограничивает произвол носителей власти, ибо должна действовать по закону, в строгих пределах своей компетенции; коллежский обряд обеспечивает интересы частных лиц; распределение функций делопроизводства между отдельными составными частями коллегий определяет, казалось бы, ответственность каждого, а формальный порядок действий коллегий облегчает ревизию, то есть надзор за ней; в составе коллегий можно было приглашать дельных специалистов, полезных своими знаниями, хотя бы, например, иностранцев, не выдвигая их на заметные должности и восполняя тем недостатки официальных руководителей, получивших должности благодаря случаю, удаче или знатности. Но по этим и другим причинам коллегиальная форма имела много убежденных приверженцев среди государственных людей XVIII и начала XIX века; в коллегиальном устройстве они усматривали оплот законности, основу благоденствия государства и власти самодержца.

Однако практика жизни учила другому. Не могло укрыться от наблюдательных людей, что на деле иные достоинства коллегиального порядка вследствие многих обстоятельств у нас обратились в недостатки. Практически законность им не обеспечивалась, напротив, прикрываясь присутствием коллегий, состоявших нередко из людей ленивых, бездарных и часто нечестных, искусные дельцы канцелярий сумели забрать дело в руки, эксплуатировали просителей и пренебрегали государственными интересами; ответственность оказалась фиктивной, а делопроиз-

водство медленным до невероятности, и мало-помалу коллегии обратились в очаги злоупотреблений. Традиции и формы действительно сложились в практике коллегий, но, к сожалению, очень часто не ко благу государства и частных лиц, а для дел шаблонных, постоянно повторявшихся, «текущих», громоздкий аппарат приготовления к слушанию <в процессе> самого слушания и исполнения создавал совершенно ненужные проволочки. Коллегиям плохо повиновались на местах все сколько-нибудь значительные единоличные органы управления. На сенатские указы обыкновенно никто не обращал внимания, а на коллежские распоряжения и тем более. По делам сколько-нибудь важным и крупным коллегия была бессильна бороться со своими же президентами и директорами, которые имели непосредственные сношения с монархами и всегда могли повернуть дело как хотели. Но, кроме того, как уже отмечено, единоличное начало формально получило преобладание в некоторых отраслях управления, а вследствие этого они оказались вне общей системы.

Результатом действия таких причин было то, что к началу царствования Александра I, как указывал Сперанский в своей записке о Сенате (1809 г.), «мало-помалу многие отрасли управления сами собою отторгнулись от Сената. Все дела военные и адмиралтейские приняли совсем другое направление. Вслед за ними и гражданское управление проложило себе путь через статс-секретарей, через министра коммерции, а наипаче через генерал-прокурора. В лице его соединились и без названия, но самым делом, основались все министерства, а Сенат остался при одних делах судебных». Но вместо разрушенного коллежского строя не создано еще новой и сколько-нибудь стройной иерархии других, иначе организованных и согласованных между собой учреждений.

Потребность реформы ощущалась почти всеми государственными людьми того времени, причем, конечно, взгляды были различные. Одни мечтали о возврате к старому порядку, достоинства которого не успели, по их мне-

нию, проявить в полной мере, так как основная идея его на практике была извращена преобладанием единоличного начала. Другие напротив тяготели к новым заграничным образцам, тем более что именно тогда Франции приходилось переживать самые разнообразные конституционные опыты, и ее образцы привлекали всеобщее внимание и симпатии многих. Но все государственные деятели этой эпохи сходились на одной конечной цели — на стремлении водворить прочный и законный порядок в империи и на убеждении в том, что такого порядка при существовавших условиях не было. И сам император мечтал о крупнейших преобразованиях, но определенного плана у него не было, отчетливо он не представлял себе, к чему стремиться и каким путем. Отдельные слова и письма его свидетельствуют, что он носился с туманным чувством необходимости даровать своему народу свободу и создать какую-то «конституцию» в России. Но все это было только словесным проявлением гражданских добродетелей и настроений, ничего законченного и продуманного за этим не скрывалось. Но это чувство существовало, и для осуществления замыслов необходимы были люди.

Вскоре по восшествии на престол Александр пригласил к себе из разных мест своих друзей: Николая Николаевича Новосильцова, графа Виктора Павловича Кочубея, графа Павла Александровича Строганова и князя Адама Чарторыжского. Из этих лиц был составлен «Негласный Комитет», деятельность которого и влияние в первые годы царствования Александра всем хорошо известны.

Через Комитет проходили все самые важные государственные вопросы, и в нем были намечены крупнейшие реформы, осуществленные в начале царствования Александра I и наложившие печать на эту эпоху, затрагивались в нем и такие предметы, которые остались в области проектов, а иногда даже только туманных набросков. Члены Комитета искренно увлекались своей задачей и, казалось, что император с таким же рвением, как и они, старался осуществить те перемены, к которым его влекли

настроения. Но деятельность Комитета определялась волею монарха, и участники работ Комитета очень скоро заметили, что поступки юного самодержца далеко не всегда находились в гармонии ни с его словами, ни с тем энтузиазмом, который одушевлял его советников, да как будто и его самого. Уже тогда, в самые первые годы самостоятельной жизни Александра, стали обнаруживаться некоторые свойства его характера, свойства необыкновенно тягостные и даже роковые для его сотрудников.

Император очаровывал в одно мгновение всех, кто с ним разговаривал, даже людей очень опытных и искушенных в интригах; собеседник уходил от него с сознанием, что монарх вполне разделяет его мнение и согласен осуществить его на деле, что он всегда готов на самые, казалось бы, решительные шаги, если речь идет об отказе его от своих неограниченных прав для общего блага, что он намерен твердо проводить свои возвышенные взгляды и не прислушиваться к тому, что кричит и шепчет отсталая толпа. На самом же деле обычная обворожительность, мягкость императора очень часто оказывалась только уклончивостью; в своих взглядах и решениях император оказывался очень упрямым, его трудно было переубедить в открытом споре, особенно же если он замечал или только подозревал намерение скрытно воздействовать на его волю; определенных намерений по таким вопросам, которые, казалось, им уже окончательно решены, у него в действительности не было вовсе, и он очень внимательно прислушивался к шуму и шепоту толпы. Совершенно неожиданно, когда уже все как будто было налажено и решено, император внезапно охладевал к такому делу, им особенно облюбованному, в последний момент принимал решение, совершенно несогласное с его прежним поведением; близкое ему лицо как-то сразу отодвигалось в отдаление вместе с тем делом, которое еще вчера казалось чем-то заветным для монарха, а доверенный сотрудник делался чужим человеком. Истинные мысли и чувства Александра умели разгадывать только очень немногие и притом почти всегда не те прибли-

женные, к которым были обращены светлые стороны его души и намерений; замечательная скрытность и самообладание, черты, которыми он отличался и в юности, и в зрелые годы, позволяли ему с мастерством разыгрывать все роли, какие он считал необходимыми, и одевать на себя какие угодно личины.

Самим собой, как говорится, он, кажется, никогда не был, ни перед кем не открывался, даже перед мелкими людьми, мнения которых не могли быть ни опасными, ни ценными для него. У него бывали любимцы, которыми он увлекался; иногда, в некоторых случаях Александр даже позволял им собою руководить, но это были только редкие случаи. Обыкновенно увлечения длились не долго, и предметом их бывали личности вовсе не выдающиеся. Доверенных людей, если не считать Аракчеева, у него не было; природная подозрительность и ревнивое оберегание тайников своей души от всякого постороннего проникновения брали верх над увлечением, парализовали влияние той возвышенной и сентиментальной «дружбы», которую император, на первый взгляд, так охотно наделял многих из окружающих. Вероятно, в первые годы своего управления и существовали у него дружеские чувства к ближайшим своим советникам, членам Комитета, но известно, что эта дружба скоро исчезла, и быстрее всего Александр охладил к наиболее благородным и ярким личностям, как, например, к П.А. Строганову. Та странная и даже отвратительная изломанность, которая сказывалась в его отношениях к своей собственной семье и близким родным проявлялась и в чувствах к «друзьям» и просто приближенным. Переменчивость взглядов Александра и неопределенность отношения к окружающим людям, его поклонникам, — а таких было не мало, — истолковывались, особенно в начале царствования, как результат его робости, нерешительности, скромности; эти недостатки выставлялись как следствие добродетелей, которыми фантазия царедворцев наделяла этого «ангела».

Но теперь, при свете истории, эти черты характера Александра объясняются иначе. Двуличность — коренная

черта его нрава, склонность к интриге и виртуозное умение распоряжаться интригою, несомненная страсть играть людьми, все время скрывая что-то от них, — вот те выводы, которые подсказываются сами собой при сопоставлении многочисленных данных, сохраненных историей. Желание действовать какими-то тайными нитями никогда не оставляло императора ни в его борьбе с врагами и их дипломатами, ни в отношениях со своими ответственными сотрудниками, послами и министрами, которых он морочил при посредстве их же подчиненных или мелких агентов, вроде камердинеров, пионов, секретарей и т.п. За всеми видными сотрудниками он старался следить сам, держал свою собственную тайную полицию, лично руководя деятельностью сыщиков и агентов, сам расспрашивал их, назначая свидания в закоулках дворцов и лично отдавал им указания. Эта тайная полиция не входила в состав ведомства полиции, она действовала самостоятельно, возглавлялась самим императором, который тщательно скрывал свои секреты от всех, в том числе и самых близких людей. Даже Аракчеев, по словам Батенькова, состоял под надзором такой полиции, главою которой был сам Благословенный император.

Но при всем презрении к людям, в отдельности взятым, Александр необычайно дорожил мнением толпы. В глазах общего мнения перед широкой публикой он тщательно оберегал излюбленную им личину «ангела», всеобщего благодетеля и тайников души своей не обнажал. Поэтому, где надо было скрыть какое-нибудь действие свое, которое шло вразрез с этим обликом, он иногда прятался за имя Аракчеева, диктуя ему свои свирепые решения по предметам, его особенно заинтересовавшим (например, по делу о бунте в Семеновском полку), которые обнародовались от имени Аракчеева, или, составляя черновики ядовитых писем к разным сановникам, которые переписывались затем его клеветом и шли как бы от самого Аракчеева. В других случаях он старался подстроить обстоятельства так, что в решающий момент оказывался чистым, не прича-

ственным к тому, что осуждалось общим мнением, а вся вина ложилась на его советника, который в сущности выполнял только то, что ему приказывал император. В этом отношении Александр также не щадил своих трудов, тщательно и лично подготавливал все необходимое для такого эффекта и искусно его разыгрывал. Такие отталкивающие черты, пожалуй, составлявшие основную сущность характера и души Александра, вполне обрисовались в его зрелые годы, но они развивались быстро и зачатки их можно проследить и в первых шагах его самостоятельной деятельности.

Очень скоро после воцарения Александра судьба приблизила Сперанского к кружку влиятельных друзей и близких сотрудников императора. Для разработки затеянных реформ сил было не много. За недостатком новых людей приходилось обращаться к прежним деятелям.

В первые месяцы царствования одним из близких сотрудников Александра был Д.П. Трошинский, которого император знал по прежней его службе. На Трошинского было возложено, между прочим, редактирование актов, исходивших от государя, а Александр в этом отношении был очень требователен. Трошинский пригласил себе в помощь, по совету своих знакомых, со званием статс-секретаря Сперанского, за которым уже утвердилась слава искусного пера; затем, когда вскоре же был образован постоянный совет для обсуждения важных государственных дел и Трошинский был поставлен во главе его канцелярии, то он назначил туда и Сперанского (март 1801 г.).

В этих должностях Сперанскому приходилось иметь дело с внешней формой многочисленных манифестов и указов, изданных в первые месяцы царствования Александра. Так при его участии разрабатывался не утвержденный, впрочем, проект грамоты русскому народу, документ, содержащий программу либеральных начинаний новой эпохи; его поправки встречаются в проекте указа о правах Сената и др. По-видимому, Сперанский сумел очаровать и нового своего начальника, ибо в июне 1801 года получил очень высокую по его молодости слу-

жебную награду — производство в действительные статские советники.

Звезда Трошинского стала быстро меркнуть, когда собрались приглашенные императором друзья, члены Негласного Комитета; он не умел угоняться за полетом их фантазии. Первое образование министерств (1802 г.) было издано помимо него, и очень скоро он остался совсем в тени. Но Сперанский уже успел оказаться полезным другим сотрудникам императора. Первый министр внутренних дел гр. В.П. Кочубей приблизил его к себе и очень внимательно прислушивался к его советам. Все преобразования этого министерства, приобретенное ранее других благообразное канцелярское устройство, были проведены Сперанским и им же писались многочисленные доклады и отчеты, восходившие к императору. К этому времени относятся и некоторые более общие и ответственные работы Сперанского.

В 1802 году, как следует думать, была написана им, вероятно, по поручению гр. Завадовского, записка о преобразовании комиссии составления законов. На эту комиссию возлагались большие надежды; от нее ожидали написания тех новых законов, в духе либеральном, которыми император хотел пожаловать Россию. В записке критически разбирается деятельность предшествовавших комиссий этого рода, Екатерининской 1767 года и времен Павла I, которым автор выносит суровый приговор, но главное внимание уделяется вопросу о новом «уложении». Оно определяется как «часть государственного постановления или конституция, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу». Оно необходимо для правления законного, по времени издания оно может предшествовать государственному постановлению, то есть конституции, к которому идет Россия. К обсуждению этого уложения должны быть привлечены все сословия государства, оно должно быть творением всего народа, всего государства. Характерно, что в записке рекоменду-

ется поручить написание истории законов А.Н. Радищеву, автору «Путешествия из Петербурга в Москву», с которым Сперанский поддерживал добрые отношения. Записка Сперанского, если она вообще дошла до высших инстанций, на ход дела составления законов влияния не имела; в редакционном отношении она уступает позднейшим трудам его как по расположению материалов, так и по внешней манере изложения.

К этому же времени, то есть к 1802 году, относится другая, несколько более поздняя записка, где затронуты еще более серьезные вопросы переустройства государства. Она представляет собой обширный политический трактат, в котором исследуются крупнейшие вопросы реформы политической и социальной. Основным является вопрос, «каким образом коренные законы государства сделать столько неподвижными и неприменяемыми, чтобы никакая власть преступить их не могла и чтобы сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела». Этот вопрос приводит прежде всего к общему обзору «образа правления». Первым в истории появляется образ деспотический, затем постепенно слагаются коренные государства законы, то есть конституция, и правительство, на них основанное, есть или ограниченная монархия, или умеренная аристократия.

Во всех царствах надо различать две конституции: внешнюю, то есть те нормы, которыми устанавливается равновесие между силами государственными, и внутреннюю, т.е. самое расположение этих сил, приводящее к их равновесию, иначе говоря, реальная сила народа, гарантирующая хартию. Поясняется это рассуждение примерами из истории Англии и Рима. В России, по мнению автора, есть видимость монархического правления, а в сущности, оно деспотическое; в силу «грамот состояниям, учреждениям, Сенату и т.п. актов, которыми обеспечивались некоторые права за корпорациями и установлениями, Сперанский не верит. Сила народа, долженствующая уравновесить силу правительства, умерщвляется главным образом

раздроблением состояний и исключительными правами каждого — это правило есть «уложение самовластия». Народ, раздробленный на многие классы ничего не имеет, им управляют под знаменем «раздели и властвуй».

Намечая необходимую для России реорганизацию основ государственного уклада, Сперанский приходит к выводу о желательности привлечь к охране прав народа высшие классы населения. Он руководится примером Англии и предлагает устройство палаты из представителей наиболее крупных дворянских родов, с признанием начала первородства. Эта мысль побуждает автора остановиться на обзоре сословного и социального строя России. Государственный строй России, по его мнению, ничьих прав не обеспечивает. В России есть только два состояния — рабы государства и рабы помещичьи. «Первые называются свободными только в отношении вторых, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов». Пользы дворян состоят в том, чтобы крестьяне были в их неограниченной власти, пользы же крестьян в том, чтобы дворянство было в такой же зависимости от престола; первые, не имея политического бытия, всю жизненную свободу должны основывать на своих личных доходах, а вторые взирают на престол, как на единственное ограничение власти помещиков. Все это вместе умерщвляет всякую силу в народе. На таком соотношении нельзя основать «прочного добра», но если оно останется без перемен, то надо отказаться: 1) от всякой мысли о твердости и постоянстве законов, 2) от всяких предприятий по народному просвещению («ибо оно вредно сему образу правления»), 3) от всех предприятий утонченной народной промышленности, 4) от всякого возвышения в народном характере, «ибо раб его иметь не может», 5) от всякого чувствительного возвышения народного богатства, ибо без законов собственность не обеспечена, 6) от улучшения домашнего состояния низшего класса народа, 7) «от всех прочих устроений не на лице Государя владеющего, а на порядке вещей основанного».

Преобразование должно выразиться соответственно английскому образцу в устройстве двухпалатного государственного сейма. В первую камеру входит дворянство первых четырех классов, на началах первородства и члены, назначенные монархом, а дворянство прочих классов заседает вместе с народом в другой палате, причем о системе выборов Сперанский не распространяется. Параллельно этому политическому преобразованию должно идти освобождение крестьян, разделяемое на две эпохи. В первую — ограничивается мера повинностей и устанавливаются инстанции для разрешения споров между помещиками и крестьянами, вводится судебная гарантия прав крепостных людей; подушная подать перелagается на землю. Во вторую эпоху крестьянам возвращается свободный переход к другим помещикам и «тем самым совершится уже и конечное их искупление».

Записка 1803 года, замечательная и по своему содержанию, и по изяществу изложения, написана во многом под влиянием сочинений Монтескье, Блекстона и Филанджиера и свидетельствует о тонком понимании исторического хода развития русской государственности, об отчетливом представлении о тех язвах, которые составляли ее основу, и о соотношении реальных сил, ее образующих. В критических частях трактата чувствуется самостоятельная мысль и личный талант автора, который, несмотря на очень легкий научный багаж и неподготовленность, сумел разобраться в трудных теоретических и практических проблемах. Несомненно, что составление этого трактата было поручено Сперанскому кем-либо из близких советников императора, и он должен был идти под его именем; вероятнее всего, если судить по свободному тону записки, поручение исходило от Кочубея. В то время все английское было в моде, поэтому в записке использованы английские образцы, которыми увлекались при дворе. До императора она не дошла; через девять лет Сперанский представил ему другую, по теме очень сходную с рассматриваемой, но трактованную несколько иначе. В этой второй уже меньше

указаний на аристократическую линию, которая к тому времени вышла из моды, а преобладают образцы французские. Ими тогда увлекался император, а, следовательно, и Сперанский, в этом духе осветивший свое первое произведение; в такой переработке оно приобрело и более демократический характер.

К этой же самой ранней эпохе относится, наконец, и третья обширная работа по вопросам государственных реформ. Она прямо была поручена Сперанскому императором через посредство Кочубея и касалась устройства судебных и правительственных мест (1803 г.). По своему заданию эта работа Сперанского относилась только к переустройству губернских мест «средних начальств», но она захватывает гораздо более обширные темы. Местное управление становится в ней в связь с общим государственным, и эта постановка дает автору возможность высказать ряд мыслей о высших задачах государственного строя, иными словами, приводит его к тем рассуждениям, которым он уделил внимание в своем политическом трактате 1802 года.

Более чем вероятно, что такой ход мысли был Сперанскому предуказан, ибо едва ли он решился бы заговорить по собственному почину о таких скользких и щекотливых предметах, зная, что императору будет известен автор этих рассуждений. В записке 1803 года не говорится прямо о необходимости освобождения крестьян, но указаны вредные для государства стороны рабства, стоящего поперек всяким улучшениям; не говорится в ней и о представительных учреждениях. Напротив, вопреки высказанному за год до этого недоверию к грамотам о правах отдельных корпораций и установлений, все переустройство существовавших вершин государственных установлений сводится к их техническому усовершенствованию*.

* Намеки на систему «первородство» и «представления», которыми Сперанский хотел воспользоваться как основами для устройства законодательного Сената, им вычеркнуты из первого наброска.

Высшей инстанцией является Сенат, законодательный и исполнительный. Первый состоит только из лиц, назначаемых императором, и ведает различные дела, связанные с изданием законов, гражданских и уголовных, в частности — соответствующих уложений, а также жалобы на министров; второй — образуется из министров, но решает некоторые разряды дел коллегиально (например, те дела, которые превышают власть отдельного министра, определение чиновников и т.п.). Наконец, Сенат судный оставляется в существующем положении. Разделение функций между законодательным и исполнительным Сенатами в корне своем определяется, по-видимому, различием между «законом» и «учреждениями» (*loi* и *geubement*). Эти понятия, противоположением которых Сперанский охотно оперировал во всех своих политических рассуждениях, ни в записке 1803 года, ни в последующих с достаточной полнотой и ясностью не определены и не описаны. Правда, в записке 1803 года имеются дефиниции вроде следующих: «...закон имеет предметом отношения постоянные и не применяемые; учреждения простираются на действия и происшествия непрерывной перемене подлежащие». К «законам» он причисляет законы государственный, гражданский и уголовный, а учреждения «относятся к полиции и экономии, к системе воинской, к внешним сношениям». Правило «без суда никто да не накажется» есть закон государственный, конституционный; «начальника такого-то, который без суда наказал помещика такого-то предать самого суду по законам — есть учреждение». Но очевидно, что такие признаки разграничения совершенно недостаточны, что это только намеки, афоризмы, но вовсе не определения, удовлетворительные хотя бы даже для чисто элементарных и приблизительных описаний. Ясно, что «закон» и «регламент», как ни определять эти трудные понятия, есть различные виды норм, то есть общих правил, различных по источнику и по обязательности не одинаковой силы, но из приводимых Сперанским примеров видно, что на это он внима-

ния не обращал и под понятие «учреждение» склонен был подводить акты приложения закона, квалификацию отдельных отношений или действий.

В основе всех преобразований должна лежать идея «неделимости власти самодержавной». Воля монарха определяет по-прежнему все, власть законодательная и исполнительная, не говоря о самодержавии, отделяются одна от другой. В отличие от того, что писалось им за год до этого, говоря о самодержавии, автор полон оптимизма. Государь благонамеренный будет считаться с сенатами, а самодержец, который захотел бы употребить во зло неограниченную волю, встретил бы твердую преграду своим насилиям, если не в самых сих установлениях, «то в мнении, в уверенности, в привычках народных, особливо когда привычки сии долголетним продолжением доброго царства в сердцах укоренятся». «Этот образ управления столько сближен с монархическим, сколько конституция России может сие позволить, не вводя великих переломов», а со временем он превратится в совершенную монархическую систему. Это приближение к истинной монархии и есть максимум того, что Сперанский ожидал от предполагаемой реформы.

Детальных предположений об устройстве высших государственных установлений, а тем более «средних начальств» в записке 1803 года нет. По-видимому, Сперанский имел ввиду осветить только основные принципы с тем, чтобы соответственно с ними потом можно было разработать подробности. На ход государственных дел и этот труд Сперанского влияния не имел; нельзя установить был ли и он представлен императору.

Таким образом, волею судеб, Сперанский уже в начале своей самостоятельной деятельности оставался выразителем и глашатаем тех светлых идей, духом которых обвеяны первые годы царствования Александра I. Не Сперанский вдохновлял просвещенных государственных деятелей, пытавшихся создать государственную реформу, это настроение он застал уже сложившимся и готовым.

Не он руководил этими деятелями и кругами, на это нет никаких указаний; а в 1802 и 1803 годах только начиналась, как теперь говорят, его карьера, и в глазах влиятельных вельмож он не обладал авторитетом вождя или руководителя; напротив, реформаторы были его покровителями и выдвигали его как искусного помощника.

Поэтому едва ли можно пользоваться указанной выше, да и позднейшими записками Сперанского, как материалом для изучения развития политического мирозерцания их автора. Эти записки, в сущности, ничто иное, как исполнение канцелярских дел, а по канцелярским бумагам нельзя судить об эволюции воззрений того делопроизводителя, который их составлял. Поправки в черновых набросках, свидетельствующие о колебаниях их автора, доказывают не только личные его сомнения, — они вызывались соображениями о том, как будут встречены данные мысли теми, для кого они предназначались. Это, казалось бы, ясно и без дальнейших доказательств и подтверждается сопоставлением записок 1802 и 1803 годов. По одним и тем же предметам в них изложены суждения, прямо противоположные друг другу, и способы устранения существовавшего в империи неурядка предлагаются различные и взаимоисключающие друг друга. Записка 1802 года, если ее характеризовать графяными словами, гораздо «либеральнее» записки 1803 года, а между тем за один год без всяких видимых причин не могла произойти радикальная перемена во взглядах Сперанского. Если же забежать вперед и сопоставить обе записки с «планом преобразования» 1811 года, то окажется, что этот последний еще более «либерален», чем оба первые. В этих трактатах правильнее искать не воплощение истинных взглядов автора, а тех, кто ему давал поручения, и находить в них отзвуки мнений чужих, литературную обработку того, что намечалось исполнителю в полутонах.

Но неизменным остается во всех записках искреннее сочувствие просвещенным начинаниям и осуждение существовавшего порядка, темные стороны которого так

были ясны для автора. Идеи, воплощаемые в записках, были родственны духу автора; отсюда то неподдельное увлечение, которое сквозит в бесстрастных фразах, то красноречие, которое и теперь увлекает читателя. Весьма возможно, что Сперанский не верил в *возможность* установления в России политической свободы, о которой мечтали более импульсивные друзья монарха, по крайней мере, следы таких мыслей отражаются в некоторых беседах его (с Дюмоном), но он все время сохранял веру в *необходимость* соответствующего переустройства государства и обдумывал наиболее пригодные способы. С таким знаменем вывела его судьба на поприще самостоятельной государственной работы и связала с ним славу глашатая тех общественных течений, которые всегда пленяли и будут пленять мысль передовых людей России.

II. План конституционного преобразования

Неудачная война с Наполеоном, закончившаяся Тильзитским миром, в сильной степени отразилась на внешней политике Александра. После Тильзитского свидания Россия оказалась неожиданно в союзе с Францией, а русский император «искренним другом» Наполеона. Общественное мнение враждебно отнеслось к этим новым событиям; многие из ближайших сотрудников императора также не могли примириться с этой переменной политики, и понадобилась их замена другими. Негласный Комитет, влияние которого уже до войны постепенно ослабевало, после Тильзитского мира окончательно распался. Новосильцов уехал за границу, Кочубей устранился, Строганов еще в 1806 году перешел на военную службу. Но император твердо знал, к чему он идет, и не смущался ни общественным ропотом, ни критикой друзей. В январе 1808 года Аракчеев был назначен военным министром. Александру было ясно, что это назначение всеми будет встречено несочувственно, но он считал необходимыми для реорганизации армии услуги этого страшилища. А заменой Негласного Комитета и некоторым противовесом Аракчееву должен был служить Сперанский, который, как уже отмечено, был посвящен в детали деятельности Комитета.

В конце 1807 года Сперанский был уволен с должности управляющего II экспедиции министерства внутрен-

них дел с оставлением при прочих должностях по званию статс-секретаря. С этого времени начинаются его непосредственные и близкие сношения с императором. Он сопровождает императора в его поездке в Витебск (1807 г.); в 1808 году он нередко приглашается к царскому столу, особенно в те дни, когда там бывал французский посол Коленкур. В августе 1808 года Сперанский назначается членом Совета комиссии составления законов, причем фактически именно Сперанский должен был быть руководителем ее деятельности. В сентябре 1808 года он сопровождает императора в его поездке в Эрфурт на очень важное политическое свидание с Наполеоном. В Эрфурте ему пришлось беседовать с Наполеоном, на которого он произвел благоприятное впечатление. В декабре того же года он назначается товарищем министра юстиции (вместо Козодавлева), и с этого же года он замещает Новосильцова в качестве докладчика дел государю.

Несомненно, император руководился в своем выборе тем, что ему уже было известно о дарованиях Сперанского; в нем он искал и обрел «свою правую руку», как он впоследствии говорил. Сперанский был необходим для него, ибо в это время он носился с самым обширным планом преобразований и считал полезным идти своим путем, не прибегая к помощи своих старых советников. Вскоре же он мог убедиться, что Сперанский по своим талантам и по трудолюбию способен единолично заменить много комиссий, комитетов и канцелярий. К тому же Сперанский не имел определенного политического прошлого; прежняя служба не обязывала его открыто высказываться по наиболее жгучим вопросам; ему не приходилось открыто выступать сторонником английского направления в политике и врагом Наполеона. Напротив, Наполеон очаровал и его, многие французские порядки Сперанскому по существу казались привлекательными, так что он мог искренно следовать новому господствующему течению.

К своему новому сотруднику император мог относиться с некоторым доверием еще и потому, что у Сперан-

ранского не было никаких связей, которые могли влиять на его деятельность и создавать для него прочное положение; Сперанский в полном смысле слова был его человек, зависящий от расположения царя, и, несомненно, ему преданный. Неудивительно поэтому, что Сперанский быстро подвигался в царских милостях, неудивительно, что постепенно, но быстро к нему перешли и все важнейшие государственные вопросы. Влияние его на все дела было очень велико, но он не гонялся за видимостью власти и оставался как бы в тени. В 1810 году он был назначен на вновь учрежденную должность государственного секретаря, функция которой была мало определенная и не связанная ни с какими ответственными административными обязанностями. В действительности же в период времени с 1808 года до ссылки, то есть до начала 1812 года, он был именно ближайшим секретарем самодержца, его доверенным лицом, причастным ко всем событиям этого периода.

Если обозреть деятельность Сперанского за указанное время, когда и влияние его достигло апогея, и силы были в полном расцвете, то необходимо прежде всего остановиться на участии его в реформах государственного строя. Два акта Александрова царствования неразрывно связаны с именем Сперанского — образование Государственного Совета и учреждение министерств, но оба они являются лишь малою частью крупного, всеобъемлющего проекта преобразования всего государственного строя империи. Этому плану реформы не суждено было осуществиться, долгое время он был скрывается от гласности, биограф Сперанского даже в шестидесятых годах мог только вскользь упоминать о нем. Лишь в недавнее, сравнительно, время он стал предметом оживленных научных исследований. С тех пор соответствующие документы и бумаги Сперанского изучаются как источник сведений о его политических идеалах, записки его рассматриваются как изложение его политического credo, как исповедь его искренних убеждений той эпохи, когда ссылка еще не

сломила его духовных сил, и когда он чувствовал в себе смелость открыто говорить царю то, что думал.

Но, кажется, нет основания придавать этим запискам и проектам преувеличенного значения, хотя бы даже в биографическом отношении. Прежде всего нет никаких данных предполагать, что инициатива в деле начала преобразований исходила от Сперанского и, напротив, имеются достаточные доказательства тому, что Сперанскому это дело было поручено Александром в числе всех прочих дел, что Сперанский продолжал то, что началось до него. Нет, далее, основания думать, что все написанное им есть душевное излияние прочно сложившегося у него политического мировоззрения, а не просто записка, каких им было написано вообще очень много. Но порученное дело Сперанскому было по сердцу, и благодаря его талантам ему удалось создать некоторое блестящее и законченное целое, удалось оставить после себя произведение, каких не много можно найти в архивах наших государственных людей, документ, к которому всегда с симпатией будет возвращаться внимание историка. Поэтому прежде чем перейти к рассказу об отдельных частных трудах Сперанского, получивших практическое завершение, или оказавшихся близкими к тому, следует обозреть как самый план преобразований в целом, так и обстоятельства, при которых работа над планом перешла в его руки.

Выше уже отмечены намерения Александра даровать своему народу конституцию. Эти мысли особенно окрепли после Эрфуртского свидания; трудно сказать — почему. Может быть, он имел ввиду этим путем разрушить то недоброжелательное отношение к его внешней политике, какое замечалось тогда в обществе, ему хорошо известное, и думал, что борьба с Наполеоном, на которую он втайне от всех решился еще в 1808 году, затягиваясь на долгое время, потребует особенного напряженного сотрудничества общества и власти. Может быть, объясняется все проще, тем, что такова была его прихоть в то время, и императору в это время особенно хотелось конститу-

ции. Этого не разгадать теперь, но намерения его произвести крупные реформы государственного строя были серьезны, и он был близок к осуществлению в очень скромных, конечно, пределах своих политических мечтаний.

Как бы то ни было, в числе прочих дел государь передал Сперанскому продолжение тех работ по составлению конституции, которые еще в 1803 году были поручены барону Розенкампу, а затем Новосильцову и Чарторыжскому. Едва ли эти труды представляли собой вполне законченное и совершенное целое; вероятно, это были только наброски проекта, которые ни в чем не связывали Сперанского. Ему открывался широкий простор в сочинении нового проекта, и рамками существовавшего административного строя Сперанский не был ограничен. И сам Сперанский был настроен в том смысле, что все надо переделывать; *il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap**, говорил он тогда. Он увлекался политической системой Франции, охотно принимал французские порядки за образец, «а милость Государя вдохнула в него полную отвагу».

О внешнем ходе работ над проектом реформ дает сведение знаменитое письмо Сперанского, которое он написал Александру из Перми (1813 г.)**»: «В конце 1808 года, после разных частных дел, Ваше Величество начали занимать меня постоянное предметами внешнего управления, теснее знакомить с образом ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к вам дошедшие и нередко удостоивая проводить со мной целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества, надлежало наконец составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования... В течение слишком двух месяцев <ок-

* Надо резать по живому, кроить из цельного куска. — *франц.* — *Прим. ред.*

** Из Перми, второго этапа ссылки, куда Сперанский был доставлен из Нижнего Новгорода 23 сентября 1813 г., им было отправлено несколько писем Александру. — *Прим. ред.*

тября и ноября>, занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и исправлений, Ваше Величество положили, наконец, приводить его в действие». Впервые отрывки из этих рукописей Сперанского были обнародованы Н.И. Тургеневым в его книге «*La Russie et les Russes*»* (приложение к III тому, 1847 г.), но у Тургенева соединены две записки Сперанского, одна 1802, другая 1809 года, без указания, откуда что взято; затем пересказ плана имеется в приложении к III тому «Александра I» Н.К. Шильдера, а самый подробный текст опубликован В.И. Семевским в «Историческом Обозрении» (т. X), с собственноручного черновика Сперанского, хранимого в Публичной библиотеке; эта редакция отличается от той, которая была в распоряжении Н.К. Шильдера. Несомненно, Сперанский очень многое изменял в течение работы. Если остановиться именно на этом последнем тексте, то в основных чертах содержание плана сводится к следующему.

Введение к уложению государственных законов содержит связное описание нового государственного устройства России. Начинается записка с изложения плана распределения материй, включаемых в уложение. Прежде всего, Сперанский обращается к классификации законов, которые распределяются им на государственные (определяющие отношения частных лиц к государству) и гражданские («учреждающие отношения лиц между ими»). Государственные законы делятся на преходящие и на коренные, определяющие «образ, коими силы государственные (законодательная, исполнительная и судная) спрягаются и действуют в их соединении». «Начало и источник сих сил в народе, ибо они ничто другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении их к общежитию». В состав этих законов входят три предмета: 1) права державной власти, 2) закон, возникающий из прав державной власти, и 3) права подданных. Если бы права власти были

* «Россия и русские». — *франц.* — *Прим. ред.*

неограничены (т.е. не оставляли бы никаких прав подданным!), тогда государство было бы в рабстве, которое может быть двояко: «политическое вместе и гражданское», или одно только политическое. Первое: «...когда подданные не имеют никакого участия в силах государственных, но и сверх того не имеют и свободы располагать лицом их и собственностью в связи их с другими»; в таком положении находятся, например, крепостные люди в России. Второе: «...когда подданные, не участвуют в силах государственных, имеют однако же свободу в лице их и собственности» — все русское государство находится в таком положении. Законы о власти должны содержать правила о силах законодательной, исполнительной и судной, об императоре, о порядке престолонаследия; правила о законе касаются составления и исполнения его. «Определив державную власть и главные ее действия, постановятся все существенные начала, по коим государственные силы действуют в их соединении». Остается после этого определить действие сих сил в раздельном их состоянии, и это есть общий предмет отдела изложения о правах подданных. В нем должны быть помещены: определение отличительных свойств российского подданного, разделение состояний, основания прав всем гражданам общие и права политические, присвояемые разным состояниям. Но силы государственные могут действовать лишь через установления, органы их действия, и, следовательно, четвертая часть («отделение») Уложения должна быть посвящена установлениям законодательному, судному и исполнительному, которые соединятся в верховной власти «яко в первом и верховном их начале». Но «лицо державное само собою и непосредственно на них действующая», не могло бы сохранить пределы этих установлений и их взаимоотношения, — отсюда необходимость четвертого установления, в коем бы три предыдущие «во всех их отношениях к державной власти сливались воедино, и в сем единстве восходили бы к верховному ее утверждению». Законы органические, таким образом, содержат устройство порядка зако-

нодательного, судного, управления (в частности министерств) и четвертой, объединяющей коллегии — Государственного Совета.

Описав этот стройный план расположения материй, Сперанский отмечает: «Сравнивая сие распределение со всеми известными конституциями, нельзя не приметить, что все его части столь естественно связаны между собой, что ни одной из них нельзя исторгнуть из своего места, не разрушив целого и что все они держатся на одном начале.

Преимущества сие весьма легко изъясняется. Конституции во всех почти государствах устрояемы были в разные времена, отрывками и по большей части среди жестоких политических превращений.

Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может иметь все способы дать ему самые правильные формы».

Желательность коренного преобразования доказывается историческою его необходимостью.

«Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коем стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предваряет сию степень, он ниспровергается с большим или меньшим потрясением.

Сим вообще изъясняются политические превращения, кои в древние времена и в дни наши предлагали и изменяли порядок правлений».

«Почему первый и главный вопрос, который в самом преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинаний».

Три системы разделяли политический мир — система республик, феодальная и деспотическая. Феодальная пережила два периода; второй характеризуется как период феодального самодержавия, когда «правление еще са-

мовластное, но не раздельное, ни политической, ни гражданской свободы еще не было»; дальнейший переход — переход к республиканскому правлению. Рассмотрев вкратце «покушения, какие правительство (в России) само собою доселе делало к политическому государству освобождению», Сперанский приходит к выводу: «1) что начинания, при императрице Анне и Екатерине II сделанные, очевидно были преждевременны и поэтому не имели успеха и 2) что в общем движении человеческого разума государство наше стоит во второй эпохе феодальной системы, т.е. в эпохе самодержавия, и без сомнения имеет прямое направление к свободе».

Но какими признаками «можно определить истинную точку развития»? Только это удостоверение может разрешить вопрос о времени, когда надлежит приступить к преобразованию и необходимости произвести его именно теперь. Следующие признаки представляются Сперанскому достоверными: «1) Перемена в предметах народного уважения. Не разумом, но силою воображения действует и владевает ими правительство на страсти народные. Для сего установлены между прочим чины и почести; доколе сила воображения поддерживает их на надлежащей высоте, дотоле они сопровождаются и уважением», но потом «внутренняя их очаровательная сила изглаживается и пропадает». И у нас это явление не случайное, так было везде в эпохи, когда феодальная система приближалась к падению; «когда разум начинает распознавать цену свободы, он отбрасывает детские так сказать игрушки, которыми забавлялся он в своем младенчестве». 2) Ослабление власти. В настоящем положении все меры правительства, требующие морального повиновения, не могут иметь действия. «Тщетно ищут изъяснить сие из личных свойств министров... одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления». 3) Невозможность частных исправлений. Ничего не поделат без твердых государственных законов. Как исправить гражданские законы, «когда скрижали их каждый день мо-

гут быть разбиты о первый камень самовластия», как исправить финансы, ускорить развитие просвещения и «промышленности». К чему послужит народу просвещение, — к тому только, чтобы яснее обозрел он всю горесть своего положения. 4) «Наконец, сие всеобщее недовольство, сия преклонность к горестным изъяснениям всего настоящего есть ничто другое, как общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка». Особых причин недовольствия как будто и нет, все осталось по старому, «а дух народный страдает в беспокойстве», это беспокойство можно объяснить только желанием другого порядка. По этим признакам, полагает Сперанский, «можно с достоверностью заключить, что настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый порядок вещей».

Преобразование можно осуществить двояко: или «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же его силу и то же пространство самодержавия», или «ограничить его внутреннею и существенною силою установленных». Первая система (пример ее Франция) «имеет только вид закона» и вводит совершенное самовластие; она может быть оправдана «в народе своевольном, непостоянном, преклонном ко всем новым умствованиям и особливо тогда, когда народ сей выходит из анархии с превратными привычками», вторая же «свойственна народу, который имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения, коего характер трудно обольстить, но легко убедить простою истиною, словом, она может быть более свойственной такому народу, коего нет нужды прельщать и обманывать по добронравию его и некоторой лености, всем народам северным природной».

Поэтому у нас необходимо провести действительное разделение властей, с ответственностью правительства перед властью законодательной. Инициатива закона предо-

ставляется исключительно правительству, кроме двух случаев, когда она переходит к законодательному сословию, а именно, когда правительство явно нарушает коренной государственный закон, или когда оно не представит узаконенных отчетов; исполнительная власть принадлежит власти державной, с ответственностью министров; судная власть вверяется лицам выборным, за властью же державной сохраняется надзор и охранение форм судебных.

Центральным понятием этого разделения функций является понятие закона. Все постановления, коими государство управляется, проистекают из одного общего начала: не делай другому того, чего не желаешь себе; их можно разделить на два разряда. К первому относятся те постановления, «коими вводится какая-либо перемена в отношениях сил государственных или в отношениях частных людей между собой», — это законы; ко второму — к «уставам и учреждениям» — те, «кои учреждают только образ исполнения первых». Законы составляют законодательным сословием; а уставы и учреждения «стоят под его ответственностью».

«По сему понятию о законе и учреждениях, сила и именование закона присвоается следующим постановлениям: 1) Уложению государственному и законам органическим, к нему принадлежащим; 2) Уложению гражданскому; 3) Уложению уголовному; 4) Уложению коммерческому; 5) Уложению сельскому; 6) Всем общим дополнениям и изъяснениям предметов, в уложении сии входящих.

Сверх сего вносятся в законодательное сословие и подчиняются порядку закона следующие уставы и учреждения: 7) Устав судебный; 8) Все уставы, определяющие положение какой-либо части в связи ее с другими; 9) Общие судебные и правительственные учреждения, как то, учреждения судебных и правительственных мест; 10) Все постановления о налогах и общих народных повинностях, как временных, так и всегдашних; 11) Продажа и залог государственных имуществ и исключительных на них привилегий;

12) Вознаграждение частных людей за имущество для общей пользы необходимых.

Исключая сих статей, все прочие уставы и учреждения остаются на ответственности правительства и в его расположении.

Сюда принадлежат: 1) Постановления о мире и войне; 2) Все великие меры, приемлемые правительством к спасению отечества среди каких-либо бедствий; 3) Все частные инструкции, учреждения и распоряжения, удостоверяющие, изменяющие и дополняющие прежние уставы и учреждения и разрешающие частные в них сомнения и затруднения.

Определив сим образом разум закона, уставов и учреждений и окончив сим действие государственных сил в их соединении, государственное уложение приступает к назначению их действия в отдельном их состоянии, к начертанию прав подданных».

Затем другим вопросом первостепенной важности является вопрос о сословиях, которых в России имеется три. Есть два источника разделения сословий — права гражданские и политические. Права гражданские суть первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество. Рабство, однако, существовало везде; «нет никакого основания предполагать, чтобы в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры. Но чтобы меры сии были действительны, они должны быть постепенны». Гражданская свобода слагается из личной и вещественной; первая состоит из двух положений: 1) без суда никто не может быть наказан и 2) никто не обязан отправлять личную службу, иначе как по закону, а не по произволу других. К этим словам сделано следующее весьма важное примечание: «...первое из сих положений дает крепостным людям право суда и, отъемля его от помещиков, ставит их наравне со всеми перед законом. Второе предложение отъемлет право отдавать на службу без очереди. На сих двух основаниях утверждается личная свобода».

Вещественная свобода также сводится к двум положениям: 1) всякий может располагать своею собственностью по произволу и 2) никто не обязан отправлять общественной службы, ни платить податей иначе как по закону или условию. Но должно ли оба рода гражданской свободы предоставить всем вообще подданным? На этот вопрос ответ дается отрицательный. Закон, определяющий личную службу, не может быть для всех одинаков. В свободе вещественной, то есть в отношении собственности также должны быть степени. Право собственности ненаселенной должно принадлежать всякому, собственность же населенная предполагает управление. Она не может принадлежать крестьянам. Таким образом, всем подданным могут принадлежать общие гражданские права*, а некоторым разрядам и особенные (свобода от службы общей, но не особенной, а для известных состояний, сверх того право приобретать недвижимую собственность населенную). И политические права не всем могут быть предоставлены. Участие в праве избрания и право представления (т.е. пассивное и активное избирательные права) могут принадлежать только имеющим собственность (размер ценза ближе не определяется).

На основании этих данных получается следующее разделение состояний: дворянство, люди среднего сословия и народ рабочий**, причем каждое пользуется особыми правами. Дворянство имеет все гражданские права, а политические — в зависимости от ценза, и свободно от личной очередной службы, но обязано отправлять военную или гражданскую не менее 10 лет по общему правилу,

* Они формулированы в следующих тезисах: 1) никто без суда наказан быть не может; 2) никто не обязан отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, определяющему род службы по состояниям; 3) всякий может приобретать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону, но приобретение собственности недвижимой населенной принадлежит известным только состояниям; 4) никто не обязан отправлять вещественных повинностей по произволу другого, но по закону или добровольным условиям.

** О духовенстве Сперанский ничего не упоминает.

без перехода. Дворянство потомственное приобретается только службою, так что дети потомственных дворян до совершения положенных лет службы суть дворяне личные, дети личных дворян суть среднего состояния и потомственное приобретают не одною только службою, а заслугами; утрачивается потомственное дворянство уклонением от службы.

Среднее состояние имеет общие гражданские права (но не имеет особенных), а политические по своей собственности; оно слагается из купцов, мещан, однодворцев и всех россиян, имеющих некоторую собственность. Наконец, народ рабочий (поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги) имеют общие права гражданские, но не имеют прав политических. Переход из этого класса в средний и из второго в первый законом не воспрещается и ставится в зависимость от приобретения собственности и исполнения повинностей или же от службы государственной.

Законы органические определяют Совет, законодательное сословие, Сенат и министерства, и также разделение империи в порядке законодательном, судном и порядке управления. Главного внимания заслуживает порядок законодательный. В каждой волости из владельцев недвижимой собственности образуется волостная дума, которая избирает волостное правление и депутатов в думу окружную и составляет список 20 отличнейших обывателей; из депутатов волостных дум образуется дума окружная (в окружных городах в губерниях предполагалось образовать от 2 до 5 округов). Окружная дума, помимо других дел местного значения, выбирает депутатов в губернскую и составляет список 20 отличнейших обывателей округа; губернская дума, кроме членов губернского совета и суда избирает членов в Государственную Думу и составляет список 20 обывателей. Государственная Дума, место равное министерствам и Сенату, собирается ежегодно в сентябре; она может быть распущена или заседания ее могут быть отсрочены актом верховной власти. Члены ее могут оставлять свое

место только смертью или определением верховного суда*. Дума распадается на 6 комиссий**, председатели и секретари которых избираются Думою. По-видимому, предполагалось всю работу сосредоточить в комиссиях; о деятельности общего собрания Думы в записке ничего не говорится. Дела предлагаются Думе одним из министров или членов Государственного Совета. Думе же предоставляется инициатива в отношении представления о государственных нуждах об уклонении от ответственности и о мерах, нарушающих государственные коренные законы. Образ действия, рассуждения и формы Государственной Думы предполагалось подробно описать в коренных законах.

Отправление правосудия на местах поручалось судам, волостным, окружным, губернским; председатели последних двух судов избирались министром юстиции из списка «20 отличнейших обывателей», а прочий состав — подлежащими думами; по делам уголовным предполагалось введение суда присяжных; «в сем случае сохраняется равенство состояний подсудимого и депутатов». Высшею инстанцией должен был быть Сенат в составе 4 департаментов, по равному числу в обеих столицах. Сенат составляется из определенного числа членов; места их по смерти или увольнению замещаются утвержденными державной властью лицами, избранными в губернских думах и внесенными в государственный избирательный список***, хранимый канцлером юстиции.

Обращаясь к порядку исполнительному, Сперанский прежде всего отмечает недостатки учреждения ми-

* О порядке замещения должности председателя (канцлера) Думы в проекте ничего не говорится.

** А именно: законов государственных, законов гражданских, уставов и учреждений, министерских отчетов или взыскания ответственности, представлений о государственных нуждах финансов.

*** О порядке составления государственного списка в записке подробнее не говорится; вероятно, его ведение имелось в виду поручить Государственной Думе или Совету; не определена также должность канцлера юстиции.

нистерств 1802 года, а именно — недостаток ответственности министров, недостаток точности в разделении дел, недостаток учреждений (т.е. правил внутреннего устройства ведомств) и соответственно с этим предлагает некоторые реформы относительно числа министерств и группировки отдельных отраслей, дел.

Носитель власти на местах, губернское правитель-ство, охватывает экспедиции полицейскую, народной промышленности и казенную, надзор за ними вверяется губернатору, а при правительстве состоит совет по избранию от землевладельцев. Управление окружное организуется на аналогичных началах.

В конце записки описывается устройство Государственного Совета, который представляет «сословие» (т.е. коллегии), «в коем все действия порядка законодательного, судного и исполнительного в главных их отношениях соединяются и через него, восходя к державной власти, и от нее изливаются. Посему все законы, уставы и учреждения в первых их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном Совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению в порядке законодательном, судном и исполнительном». Совет должен был быть именно собранием советников монарха; их помощь необходима для того, чтобы дать монарху возможность совладать со всею массою разнообразных дел, прошедших через инстанции законодательные, судебные и административные, дел, по которым монарх должен высказать свое окончательное решение. Из общей связи со всем остальным преобразованием можно заключить, что в Совете обсуждаются и проекты, поступающие впоследствии на уважение Думы*.

* Следует обратить внимание на то, что уже в проекте преобразования эти две статьи, определяющие сущность Государственного Совета, изложены в очень эластичной редакции; она не потребовала почти никаких изменений при учреждении одного только Совета, без введения в действие остальных частей проекта.

Итак, по этому плану преобразование должно было коснуться почти всех учреждений империи, начиная с самых высоких и кончая самыми мелкими ячейками; оно должно было затронуть и основные отношения, существовавшие между подданными и государством, и сословиями, и произвести очень крупные перемены в социальном строе России. План был подготовлен очень быстро, в несколько месяцев, и следует думать, что при разработке отдельных вопросов Сперанский имел помощников. Так, в бумагах его сотрудника по комиссии составления законов М.А. Балугьянского имеется «Plan du code du droit civil»*, и из сопоставления этих набросков с планом Сперанского не трудно убедиться, что некоторые приложения Балугьянского (например, о многостепенности выборов, о различии прав сословий и др.) были включены в «план», а от некоторых других Сперанский отказался. Балугьянский, начитанный в юрико-политической литературе того времени, знакомый с иностранными порядками, снабжал Сперанского сведениями и справками из этого материала, с которым Сперанский был знаком только поверхностно. А между тем «план» содержит очень много заимствований именно из этих источников. Учения Монтескье и Руссо, в те времена господствовавшие в политической литературе, отдельные положения из английского права, точнее из Блекстона, декларация прав**, французские конституции 1791, 1793, 1804 и в особенности 1799 годов (Сьеса***) лежат в основе и общего содержания государственной реформы, и отдельных частей его. Не невозможно, что и кроме Балугьянского в составлении справок участвовали и другие лица, но прямых свидетельств, подтверждающих такую мысль, нет.

Цензурный запрет, долгое время лежавший на самом труде Сперанского и на тех предметах, которые в нем за-

* «План кодекса гражданского права». — франц. — Прим. ред.

** Декларация прав человека и гражданина, принятая 26.08.1789 г. Политический манифест Великой французской революции. — Прим. ред.

*** Сьейес Э.-Ж. — см. Указатель имен. — Прим. ред.

тронуты, отразился на объективном историческом изучении плана преобразования. Политическая действительность недавнего прошлого во многом соответствовала тому, что так ярко критиковал Сперанский в 1809 году; конечная цель движения России к законности, политической свободе, о которой он так красноречиво рассказывал, еще недавно обрисовывалась только в тумане, и под предлогом критики записки 1809 года исследователями высказывались замечания, касавшиеся, пожалуй, не самого документа, а порядков близкого к ним времени. И если судить записку 1809 года с этой точки зрения, то, конечно, она оказывается отсталой и предложенное в ней никакой современной политической программе не удовлетворяет.

Политические права предоставляются обществу в очень скромных пределах, система выборов в Государственную Думу весьма сложна и открывает широкий простор для влияния правительства, а ценз, к тому же и неопределенный, ограничивает представительство в сущности только помещичьим классам. О гарантиях прав личности, которые обыкновенно прописываются (да и в то время прописывались) во всех конституциях, вроде свободы собраний, в плане ничего не сказано, а о некоторых (свобода слова) сказано лишь вскользь. Рабство сохранялось в силе и от первых дум, состоящих исключительно из рабовладельцев, трудно было бы ожидать большой поспешности в его отмене; вторая палата, если таковую, впрочем, можно считать Государственный Совет, состояла бы исключительно из членов по назначению и сменяемых по усмотрению монарха и т.д.

Очевидно, что такое политическое устройство, само по себе взятое, не удовлетворяет тем требованиям, которые теперь предъявляются к самой умеренной «конституции» и, осуждая эти проекты, не трудно было, без слишком обостренных конфликтов с цензурой, бичевать наши порядки конца XIX и начала XX века, когда по прежнему не было ничего такого, о чем писал Сперанский. В конце концов, план Сперанского казался многим критикам неискренним,

половинчатым, никого не удовлетворяющим. С другой стороны, консервативные голоса осуждали Сперанского как проводника каких-то беспочвенных мечтаний и, ссылаясь на аргументы, сходные с мыслями Карамзина и прочих доносчиков на Сперанского, очевидно, старались попасть дальше мишени и опровергали современные им «лжеучения». Были и такие исследователи.

Едва ли, однако, такая оценка справедлива. При оценке исторических событий нельзя брать явления вне исторической перспективы и, в частности, плана преобразования вне той обстановки, в которой он слагался. Нельзя искажать историческую роль Сперанского, нет повода ни преувеличивать, ни преуменьшать его значения в деле неосуществленного преобразования России и измерять его труды, мерою им несвойственную*. Записку Сперанского нельзя, далее, рассматривать как ученый трактат по государственному праву и критиковать как ученую диссертацию. Несомненно в ней очень много недоговоренного; например, положение Государственной Думы в ней обрисовано лишь в самых общих очертаниях, соотношение ее с другими установлениями вызывает очень много вопросов. Новый судебный порядок описан весьма суммарно, и сказанного в записке об устройстве судебных мест (например, о суде присяжных) совсем недостаточно для сколько-нибудь полной характеристики взглядов Сперанского на желательное устройство судебного строя.

Организация административной (исполнительной) власти также очерчена лишь в самой общей форме, и для введения в действие всего того, что было задумано, потребовались бы издания очень многих пространственных законодательных актов. Нетрудно обнаружить противоречия в

* Здесь уместно привести слова Сперанского к А.А. Столыпину (5 марта 1818 г.) по поводу «Истории» Карамзина: «Не приобщайтесь, ради Бога, к толпе людей, к сожалению у нас еще многочисленных, людей, кои не умеют или не хотят отдать справедливости самым истинным достоинствам, когда не находят в них своих систем или своих предубеждений».

записке, внутренние несогласованности даже по очень важным предметам, хотя бы, например, по вопросу о числе министерств. Такие недостатки, может быть, и устраненные в окончательной редакции проекта, вызывались и спешностью работы, и самим характером ее. Нет основания останавливаться на них подробнее.

«План» и был, и должен был быть именно тем единым целым, которое выражало результат многократных разговоров Сперанского с монархом, и не содержал ничего другого, как свод и мотивированную обработку того, что так или иначе было установлено в этих беседах. Конечно, по отдельным предметам Сперанский мог проводить свои взгляды и подсказывать свои решения, однако в общем плане он выражает те мысли, которые император искренно, а может быть, и притворно, не без задней мысли, одобрил и которые, как могло казаться человеку доверчивому, он действительно желал осуществить. Красноречивые рассуждения о необходимости политической свободы или исторические соображения, кстати сказать, не слишком убедительные, о благовременности реформы были включены в записку, очевидно, не как аргументы для того, чтобы склонить сомневающегося читателя, а как связное изложение всех тех светлых и возвышенных упражнений Александра, целью которых было всеобщее благоденствие. Сперанский, очевидно, был убежден, что они будут иметь успех.

Одним словом, записку 1809 года нельзя рассматривать как выражение политических идеалов одного только Сперанского; в ней воспроизведены, а местами отражены мысли императора, и теперь невозможно установить, что именно приходится на долю каждого из участников «упражнений». Во всяком случае, письма Сперанского из Перми с определенностью подтверждают такое предположение; из них видно, что основные идеи были уже установлены в стократных разговорах, что император был удовлетворен этой работой своего сотрудника, что он просматривал и исправлял ее, а такие поправки, очевидно,

могли касаться только более или менее важных частностей, но не основной сущности проекта.

Основная мысль с полной ясностью выступает из записки — вся цель преобразования заключалась в обеспечении политической свободы; именно для этого и предполагалось произвести перемену в государственном и словесном строе империи. Монарх, правда, оставался самодержавным, но его самодержавие должно было служить — так можно заключить из плана — только вящею гарантией этой свободы, обеспечением политических прав населения; других намерений, конечно, Сперанский и не мог приписывать Александру, от которого исходила инициатива такой великой реформы, такого великодушного отказа от своих прав. Однако теперь не разгадать, как себе представлял Сперанский возможность совместного существования неограниченной власти монарха и государственного строя, рассчитанного на его ограничение; думал ли он этим сказать только, что монарх есть средоточие власти, или же, напротив, этим подчеркнуть, что вся конституция всецело зависит в своем бытии от воли монарха, или же, наконец, это был просто оборот речи, редакционная попытка сделать весь план более привлекательным для Александра. Таким оборотом он развязывал себе руки; он мог резче критиковать существовавший в России порядок, если все, что касалось лично императора, оставлялось по старому. К таким оборотам речи неоднократно прибегали и впоследствии.

Коренной вопрос всякого преобразования России, к которому всегда, прежде всего, обращалась мысль всех реформаторов, как предшественников, так и преемников Сперанского, — освобождение крестьян, в записке обойден молчанием. Весьма вероятно, что к такому пробелу привели беседы с императором. Ибо в более ранних своих записках, как уже сказано, Сперанский намечал даже последовательные мероприятия. Очевидно, всякая попытка в этом направлении вносила огромный переворот в фундаменты тогдашнего социального строя. Основные нача-

ла представительного порядка также обрисованы в плане довольно туманно, и, может быть, Сперанский даже умышленно не распространялся по этому предмету, ибо и в 1809 году, как и раньше, да и впоследствии, не ожидал особенного успеха от него для России. Несомненно, темное место в записке отведено преобразованию центральных частей управления. Вопиющие чисто технические несовершенства существовавшего тогда порядка ему были известны лучше, чем кому-либо, и он сознавал, что никакая вообще реформа не могла быть осуществлена тем механизмом, которым тогда располагала власть. Необходимо было начинать с организации управления, с создания хотя бы технически самостоятельного законодательного учреждения, с преобразования гнусного судебного порядка, с водворения внешнего хотя бы строя на местах.

Наивно обвинять Сперанского в том, что он увлеклся формой, что верил в ее всемогущество (замечания Тургенева и некоторых других критиков идей Сперанского); ведь именно этих-то форм и не было, не было тех рычагов мелких и крупных, которые могли вдохнуть жизнь в государственную машину и сделать возможною какую-либо социальную реформу. И разве можно было серьезно думать об осуществлении крестьянской реформы при тогдашнем укладе местного управления полиции и суда, а разве возможно было его улучшение без преобразования министерств, Сената и прочих центральных частей? Конечно, как техник, как природный организатор, допустим, даже просто как чиновник, прошедший школу в центральных канцеляриях, Сперанский, естественно, по личной склонности мог увлекаться именно этой, на первый взгляд, бюрократически-организационной стороной предполагаемой реформы, но с нее именно и следовало начинать. Только по окончании этого можно было приступить к капитальной ломке господствовавшего тогда социального и сословного порядка, и до этого времени бесплодными оказывались бы все попытки наметить более точные, менее «легкомысленные» схемы для разгра-

ничения политического соотношения разных классов населения.

Записку нельзя далее рассматривать как политический памфлет, как произведение, рассчитанное на то, чтобы завербовать симпатии широких кругов населения. Записка была очень секретным документом; дальше императора и наиболее посвященных она не должна была идти; она составляла как бы основной скелет того, что следовало обдумывать, критиковать и разрабатывать. Понятно, что при такой деловой постановке, и это произведение Сперанского, как и прочие, не заключало в себе «души» и того, «что способно интересовать массы, что обращалось бы к тем благородным и сильным чувствам человеческого сердца, которые одни способны произвести какой-нибудь порыв к добру, к прогрессу, к совершенствованию». Эти замечания Н.И. Тургенева дискредитируют только их автора. Сперанскому, да и никому из тогдашних деятелей, не приходилось иметь дело с массами; его читатель, император, и без того казался преисполненным порывом к добру, великодушным самоотречением и прочими гражданскими добродетелями. «Ангела» переубедить не приходилось, и было бы очень безвкусно, если бы Сперанский говорил с императором языком вождя толпы, хотя бы и самого благонамеренного.

Красноречивых болтунов на темы о народном благоденствии, пытавшихся возжечь сердца, и тогда у нас было не меньше, чем теперь; можно только вменить в особую заслугу Сперанскому, что в ответственный момент он приложил все старания и все искусство к деловой постановке вопроса о преобразовании и стремился направить мысли царя именно по такому руслу. И нет никакой надобности оправдывать Сперанского тем, что он не прошел общественной школы и был далек от общественных течений. Составляя свой план, Сперанский чувствовал всю ответственность, ибо, по-видимому, был убежден, что ему суждено, если не в полном таком объеме, то хотя бы в значительной части, стать законом и, естественно, что в осно-

ву плана не мог он полагать только легковесный и беспредельный энтузиазм, к которому так склонны наши реформаторы, не у дел состоящие. Конечно, разрешение всякого вопроса Сперанскому представлялось прежде всего в виде канцелярского «дела», в обложке, начавшегося тогда-то и законченного тогда-то, несомненно, что яснее всего ему были вопросы упрощения и усовершенствования технической стороны, но в то время это было именно наиболее насущною потребностью государственного механизма, и без заботы об этом нельзя было предпринять ни одного шага.

Дальнейшее течение нашей истории в XIX веке подтверждает правильность его мыслей, стоит только вспомнить, сколько коренных перемен пришлось произвести в административном строении империи (когда было осуществлено освобождение крестьян и когда были предприняты скромные в общем попытки к укреплению начал законности), и не надо забывать, что некоторая, хотя и очень малая часть политических предположений Сперанского, была осуществлена на деле. А в плане предусматривались все они почти целиком; несовершенства существовавшего порядка Сперанскому были поразительно ясны в смысле критического отношения к этому порядку; записки Сперанского стоят, как справедливо указывают, быть может, выше всего, что только было сделано русскою мыслью до тех времен. Ясны были ему и те исторические процессы, которые приводили к созданию такого порядка, те внутренние силы, которые кое-как поддерживали устойчивость высшей власти и то направление, которое должна была получить внутренняя жизнь империи при отсутствии коренной реформы. Сперанским в точности указаны те задачи, которые оставались на долю государственной власти в случае, как то и произошло — она не вступит на путь реформы.

Впоследствии, в оправдательном письме своем, Сперанский изображал свой план как скромную попытку, «весь разум» которой состоял в том, чтобы посредством

законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сей власти более правильности, «достоинства и истинной силы», то есть чем-то вроде попытки укрепить самодержавие. Но письмо это писалось из ссылки, при изменившихся условиях, в убеждении, что покушение на это самодержавие есть главная причина опалы, и Сперанский обладал великим искусством выражать всякие обороты мысли.

III. Осуществленная реформа

План преобразования считался документом в высшей степени секретным. Оригинал его, то есть окончательный проект, еще в начале 1812 года находился в кабинете императора. Сперанский, указывавший на это в своем первом письме к Александру из ссылки (из Нижнего, в марте 1812 г.)* не мог бы знать об этом, если бы к плану иногда не обращались еще в 1812 году. Французский перевод был сообщен принцу Ольденбургскому, а в кабинете самого Сперанского сохранились бумаги, в описи представленные «в собственные Его Императорского Величества руки» (пункт 9), озаглавленные «Проект уложения государственных законов в Российской Империи о державной власти, о правилах избрания Императора, ежели бы линия законных наследников пресеклась и пр.». Нет указаний на то, чтобы записка эта в полном объеме поступила на обсуждение какого-либо совещания, специально для этой цели образованного или была сообщена кому-либо на заключение. С ней, вероятно, были ознакомлены только отдельные, очень немногие лица по прямому выбору Александра, и с их стороны могли быть высказаны различные замечания, до нас не дошедшие. Но записка содержала конспект реформ и для осуществления их надле-

* Подробно об этом см. главу V. Ссылка. — *Прим. ред.*

жало установить их последовательность и постепенность. Сперанский советовал, как видно из других документов, не терять времени и действовать без всякой торопливости, открывать установления не прежде, как все образование его будет изготовлено, и переход от настоящих учреждений к новым устроить так, чтобы он казался самым простым и естественным, «чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтобы ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться, ежели бы паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия».

Поэтому он предлагал начать с Государственного Совета, как средоточия нового порядка; открытие Совета на новых началах не представляло трудностей и было неотложно для упорядочения финансов и для управления, так как смешение в Сенате дел административных и суда довело до величайшего беспорядка. Совет следовало, по его мысли, открыть 1 января 1810 года, с тем, чтобы он тотчас же занялся гражданским уложением и планом финансов. Одновременно с этим надлежало «поименовать министерство финансов и казначейства», а также министерство полиции и присоединить коммерцию к внутренним делам. Сообразно с этими переменами требовалось распределить между министерствами компетенцию I департамента Сената. Сперанский рассчитывал, что с 1 февраля начнется работа Совета и министерств, и что, следовательно, можно после этого срока идти уже дальше. В 4 месяца Государственный Совет должен был рассмотреть проект гражданского уложения и под предлогом утверждения его можно было бы назначить выборы в Государственную Думу, созвав ее к 15 августа. 1 сентября могли бы начаться ее действия с рассмотрения гражданского уложения, «между тем распоряжения депутатов будут надлежащим образом испытываемы и приготавливаемы; если не встретится каких-либо непреодолимых препятствий, то с Божией помощью предложится государственное уложение; оно будет подтверждено общею присягой, Дума зай-

мет предназначенное ей место», а затем образуется и судная часть, и Сенат «станет также в порядке государственных сословий». «Если Бог благословит все сии начинания, то в 1811 году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразится».

Но вышло иначе: по мере того как приближалось осуществление реформы, у обоих реформаторов, в особенности же у Александра, стал охладевать пыл, а затем изменились обстоятельства и все остановилось. В оправдательном письме из Перми Сперанский потом писал императору: «Блистательнее, может быть, было бы все установления сего плана, приуготовив, вдруг открыть единовременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смешения. Но Ваше Величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшим терпеть на время укоризну некоторого смешения, нежели все вдруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предусмотрение сие ни было основательно, но впоследствии оно сделалось источником ложных страхов и неправильных понятий. Не зная плана правительства, судили намерения его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемен, утрастились вредных обновлений». Из этих очень осторожных слов можно заключить, что Сперанский действительно рассчитывал в короткий срок осуществить реформу если не в полном, то в значительном объеме. Конечно, не в 1811 году должно было оно закончиться, да тот или другой срок и не могли иметь никакого значения, но самый факт созыва Государственной Думы и представления ей проекта государственного уложения со всеми намеченными в нем изменениями прав сословий, был бы событием огромной важности. После этого шага, пожалуй, трудно было бы отступить, и Александр это прекрасно понимал.

Фактически же события протекали в следующем порядке. Прежде всего занялись проектом образования

Государственного Совета, затем учреждения министерств и Сената. Однако император, по-видимому, все-таки колебался, и для устранения его сомнений Сперанский опять представил записку, в которой доказывал необходимость как можно скорее создать особое законодательное учреждение. «Все законы, — писал он, — имеют у нас вид произвола, изменяющегося по случаям и обстоятельствам», отсюда их несвязность, отсюда «та великая и горестная удобность, с кою законы наши были переменяемы». Одно лицо, действуя втайне, могло добиться издания закона, а другое, пользуясь той же степенью доверия, могло его отменить. Поэтому ни у кого нет уверенности в твердости закона, при всяком затруднении сейчас же возбуждается вопрос об его отмене, а в практике исполнительной поселилась несчастная привычка представлять постоянно о неудобствах закона. «Из сего происходят следующие истины: 1) что в настоящем порядке управления нет установления для общего соображения дел государственных в отношении их к части законодательной, 2) что от недостатка сего установления происходит главный беспорядок и смешение во всех частях управления, 3) что твердость и постоянство закона требуют такого установления, и 4) что, наконец, великие государства движутся установлениями, лица переменяются и умирают, а дух установления живет и в течение многих столетий охраняет оные». Эти мысли, в сущности, — повторение применительно к одному учреждению всего того, что пространно развивалось в плане преобразования, повлияли на Александра.

Наименее сложным было преобразование Государственного Совета. Совет уже существовал, к нему привыкли, так что принципиальных возражений проект не вызывал. Но это дело все-таки покрыто большою тайною; в него были посвящены только граф Н.И. Салтыков, Румянцев, Лопухин и Кочубей. Даже от Аракчеева оно держалось в секрете. Государь в это время был в Москве. Проект пересылался ему Сперанским по частям и возвращался обратно через камердинера Мельникова, в конвер-

тах без адреса, за вымышленною печатью. Аракчеев, чуявший какую-то тайну, был в ярости, грозил отставкою и отъездом в Грузино, но тем не менее узнал о реформе только накануне открытия Совета, когда государь предложил ему на выбор или место председателя департамента военных дел Государственного Совета, или же сохранения прежнего его звания военного министра. Аракчеев выбрал первое «желая лучше сам быть дядькою, нежели над собою иметь дядьку». Зная хорошо своего господина, Аракчеев предполагал, что новое учреждение, каковы бы ни были его функции по закону, первое время своего существования будет влиятельное уже потому одному, что оно новое.

Действия Государственного Совета были открыты 1 января 1810 года лично государем. В приветственной речи, сочиненной Сперанским, отмечено стремление государя создать единое средоточие для общего соображения дел государственных и его желание, чтобы благосостояние империи утвердилось на законе, а закон был неподвижен на установлениях. Таким объединяющим центром и должен быть Совет. В этой речи новая роль Совета в предложенном общем устройстве империи (согласно «плану») мало подчеркнута, не было ничего определенного сказано в ней и в манифесте, но в последнем имеются некоторые туманные намеки, дававшие пищу толкам и комбинациям. Государь передал на обсуждение Государственного Совета проект гражданского уложения и план финансов, и в связи с этим в манифесте имеются фразы о том, что гражданские законы, сколько бы они не были совершенны, без государственных установлений не могут быть тверды и что разум всех усовершенствований государственных должен состоять в учреждении образа управления на твердых и непременных основаниях закона; наконец, формула утверждения мнения Совета заключала непривычные слова «вняв мнению Государственного Совета»; все это заставляло размышлять о грядущих, еще более крупных переменах, об умалении самодержавной власти императора.

Торжественная обстановка открытия Совета, утверждение нового «Образования Государственного Совета», участие государя в заседаниях новой коллегии, — он лично председательствовал первые месяцы, почти каждый понедельник в общем собрании, назначение новых членов из числа влиятельных сановников, и самого влиятельного — Сперанского — Государственным Секретарем и другие обстоятельства, вместе взятые, также показывали, что высшая власть с особенным вниманием относится к деятельности обновленного Совета.

В «образовании» задачи его определялись оборотами речи, почти дословно заимствованными из «плана» Сперанского. «В порядке государственных установлений Совет составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соотносятся и через него восходят к Верховной Императорской власти. Посему все законы, уставы и учреждения в первообразных их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном Совете и потом действием Державной власти поступают к предназначенному их совершению». Эти положения могли остаться в силе и в том случае, если бы была образована Государственная Дума, ибо Державная власть направляла бы в нее для обсуждения в Совете предположений, которые относились к ведомству Думы.

От прежнего Совета новый отличался большею работанностью внутреннего устройства. Совет 1801 года был учреждением, также предназначенным для обсуждения дел законодательных, отдельным его членам представлялось даже право законодательной инициативы, ему предоставлялось право требовать от всех ведомств сведения о их положении, а дела, отвергнутые большинством, оставались без уважения. Однако Совет 1801 года стал как-то именно вне «порядка государственных установлений». Его компетенция, обрисованная в неопределенных для того времени выражениях, допускала обход его, и практика, то есть отношение к нему монарха и министров, которые, конечно, с этим отношением считались, допус-

кала такое пренебрежение. В Совет поступали дела иногда даже немаловажные, если брать их самих по себе, но не те, которыми правящие круги интересовались, и все дела легко можно было направить мимо него, особенно уже потому, что деловая сторона этого установления не стояла особенно высоко.

Напротив, в «Образовании» 1810 года предусматривалось деление Совета на особые департаменты (государственной экономии, гражданских и духовных дел, законов и дел военных), и этим самым уже давались более точные и определенные указания министрам; в составе нового Совета по должности своей участвовали министры. Государственная Канцелярия была обставлена более богато, чем Канцелярия Непременного Совета, при Совете состояла и комиссия составления законов. Течение дел также было определено законом — они поступали сперва в департаменты, а потом в общее собрание и для текущей работы по очень важной отрасли государственного управления; по делам финансовым в лице Совета создавалась определенная и неременная инстанция.

Благодаря всей совокупности указанных обстоятельств Совет по «Образованию» 1810 года действительно ставился в тесную связь со всею работой центральных ведомств и занимал среди них видное и влиятельное положение. Сперанский, если можно доверять его официальному отчету (за 1810 г.), был в восторге от своего создания. Законодательной власти, писал он, дан новый вид, никогда в России законы не были рассматриваемы с большею зрелостью, одним этим учреждением сделан безмерный шаг от самовластия к истинным формам монархическим, но польза сего учреждения должно измерять не столько по настоящему, сколько по будущему его действию и т.д. Жаловался только Сперанский на личный состав этого установления, но ждал в будущем исправления и этой стороны, «по мере успеха в прочих политических установлениях».

В начале 1811 года, когда сочинялся отчет, Сперанский еще считал не безнадежным осуществление всего

плана и предостерегал от доверия к суждениям неосведомленных людей, которые «ищут там конца, где полагается еще только начало; они судят об огромном здании по одному краеугольному камню». Но Сперанский полагает, что даже и в том случае, «если бы политические наши установления и не двинулись вперед, то и в сем предположении, Совет есть уже весьма важное установление», ибо есть меры — подати и налоги, которые одно лицо, хотя бы и всемогущее, не должно принимать на свою ответственность, по крайней мере, при нормальных обстоятельствах.

Но политические установления вперед не двинулись и потомству приходится оценивать этот «краеугольный камень» вне его связи с прочим задуманным, однако не осуществленным преобразованием. И приходится признать, что учреждение Государственного Совета не привело к осуществлению тех основных целей, которые поставил ему Сперанский. «Твердость и постоянство закона», то есть законность не была достигнута, законодательный произвол не был устранен; при неограниченной ничем власти монарха иначе и быть не могло. Если государственный строй покоится на правиле, что воля самодержца есть закон, то внешние формы проявления этой воли, конечно, не могут быть серьезной гарантией от произвольного издания законов. Наряду с мнениями Государственного Совета, получали силу положения Комитет министров, именные указы, манифесты и другие способы изъявления высочайшей воли и ни одна норма, утвержденная императором по существу, несмотря на все попытки наших юристов доказать противное, не могла быть признана слабее другой. То, что утверждалось в «законодательном порядке», то могло быть отменено указом и втайне от Совета: не только Комитет министров, но и отдельные министры подготавливали меры, с суждениями Совета совсем не согласные.

Обрядом делопроизводства нельзя связать самодержца; при самых благих намерениях, он все-таки человек, им «властвует мгновение»; он раб страстей и слабос-

тей и нельзя ожидать от него непрерывного самоограничения. Суждения коллегии, состоящей только из должностных лиц, хотя бы и высокого звания, но назначаемых монархом же, от него зависящих юридически и фактически, конечно, не могут связывать его. Из общего числа дел Государственного Совета за все царствование Александра (242) государь утвердил мнение меньшинства по 83 делам, а очень важные законодательные вопросы вовсе и не дошли до Совета, по-прежнему перемены происходили «по личным случаям и удобствам».

Конец царствования Александра, как правильно отмечено в официальной истории Государственного Совета, — эпоха наибольшего затишья его деятельности, Совет тогда был отдан под присмотр Аракчеева. Больше влияние он имел при Николае, который, в общем, прислушивался к его суждениям, хотя подчас и обходил с Советом начальственно и по-военному. С осторожностью также надлежит относиться к словам Сперанского о той свободе обсуждения дел, которая якобы царила в Совете. Здесь все зависело от гражданского мужества отдельных лиц. Одни смело высказывались по самым щекотливым вопросам, как, например, Мордвинов, другие же, опытные царедворцы и приказные, вроде кн. А.Б. Куракина или Лопухина, всегда знали, чего желает господствующее течение и соответственно с этим создавали себе «мнение», или молчали. Так было при Александре I, так продолжалось и при его преемниках.

Но справедливость требует признать, что все-таки создание Совета явилось очень крупным шагом на пути технического усовершенствования нашего внутреннего управления. Не мог, да и не пытался Совет бороться с самодержцем, но благодаря ему получило правильное течение то огромное количество государственных дел второстепенных, если брать каждое в подробности, но из общей сложности которых слагается весьма значительная часть законодательной работы. Не по всем делам бывало у царей предвзятое мнение, не по всем делам влиятельным са-

новникам и временщикам удобно было вступать в состязание с Советом; иногда одна только необходимость направления дела в Совет уже сама по себе затрудняла возможность такого влияния и, благодаря более правильной технической постановке их обсуждения и обработки, открылась возможность деловой критики и осмысленного их разрешения. В составе Совета почти всегда бывали опытные деятели, которые имели компетентное суждение по делам текущего законодательства; в канцелярии его оказались способные люди, привлеченные туда надеждою на быстрое движение по службе; формы делопроизводства установились новые и значительно более совершенные, чем сенатские, и это, на первый взгляд, второстепенное обстоятельство практически оказалось очень и очень важным; как новое учреждение Совет, к счастью, оказался свободным от многих темных сторон прежних коллегиальных установлений, где — даже и в Сенате — свили себе в канцеляриях прочные гнезда весьма подозрительные дельцы, а решающие коллегии были в полном порабощении у приказных. Одним словом, настала истинная и реальная потребность в создании такого учреждения, как Совет; он был необходим, во всяком случае, даже если отбросить мысль о коренном преобразовании строя империи. Сперанский ясно это сознавал и сумел уловить ту организацию, которая в условиях нашей государственной жизни оказалась жизнеспособной, — и в этом его историческая заслуга.

Вторым по очереди предметом, которого должно было коснуться преобразование, была реформа министерств. Она была связана с переустройством Совета. Выше уже показано, что Сперанский признавал существовавший порядок неудовлетворительным. Проект нового устройства был разработан им самолично; за время службы в министерстве внутренних дел он убедился в деловом несовершенстве существовавшего тогда переходного порядка от коллегиального к единоличному управлению, который зафиксирован в учреждении министерств 1802 года.

Уже в июле 1803 года министр внутренних дел Кочубей представил государю доклад, содержащий оценку работы новых ведомств, и несомненно доклад был написан Сперанским. Министр стоял далеко от работы своего ведомства; работа по существу производилась в коллегиальных учреждениях, а «департамент», числившийся в каждом министерстве, был только органом сношения с учреждениями, подведомственными министру, и не был органом управления. Отсюда проистекала медленность делопроизводства, множество форм, недостаток ответственности у подчиненных исполнителей. Несколько человек делало то, что с равным успехом мог кончить один; напротив, следовало бы организацию ведомств поставить так, чтобы каждый имел свое отделение, и работа каждого отделения была расположена по степени, одна другой подчиненной, «чтобы дело усложнялось и таким образом возрастая, восходило бы к начальнику отделения, а от него к начальнику части; в делах текущих, каковых большинство, не должно допускать разделения присутствия от канцелярии».

Таким образом, по смыслу доклада следовало выбрать одно из двух — или коллегии, или единоличное начало; Сперанский определенно высказывается в пользу единоличного и бюрократического начала. Может быть, правильны догадки тех, кто считает его только редактором, излагавшим чужие мысли, господствовавшие во влиятельном кружке друзей императора, но можно думать, что они не встречали возражений и с его стороны. Сперанский видел не теорию коллегиального управления, а практику тогдашних наших присутствий, и едва ли, как здравомыслящий человек мог сочувствовать этому порядку. По всему своему деловому складу и по всем своим способностям Сперанский, старавшийся все делать самолично, не мог не быть сторонником единоличного начала. В тех случаях, которые предстояло выработать в 1810 году, на первое место выдвигалась эта же техническая сторона дела. Вопрос о положении министерств в ряду государственных

установлений, то есть об отношении их к законодательным палатам, об ответственности министров, одним словом, политическая сторона дела стояла в тени. Для осуществления полного преобразования всего государственного механизма требовалось прежде всего отлить и отделить отдельные части будущей машины, а сборка их должна была произойти впоследствии, когда все разрозненное могло стать на свое место и вся машина завертелась бы полным ходом. Очевидно, что для этого требовалась, возможно, тщательная обработка этих частей, особенно внимательная забота о том, чтобы в своей деятельности они функционировали гладко и без задержки.

Реформа министерств распалась на две части. Прежде всего, устанавливался круг ведомства каждого из них, то есть государственные дела распределялись по этим ведомствам; затем надлежало создать общее учреждение министерств, то есть определить их управление, состав, порядок производства дел, пределы власти и т.п. Соответствующие проекты были разработаны при самом деятельном участии Сперанского и поступили на рассмотрение особого Комитета, состоявшего из председателей Государственного Совета и его департаментов, «потому что, как сказано в рескрипте, Канцлеру, Румянцеву, предмет сей не принадлежит ни к одному из департаментов». В этом Комитете проекты подвергались очень незначительным изменениям.

Распределение дел по министерствам было построено на том начале, что исполнительный порядок есть приведение в действие закона и разделение управления должно быть такое же, как и разделение законов. Пять главных функций государства различал Сперанский: а) внешние сношения, чему соответствовало министерство иностранных дел; б) устройство внешней безопасности — министерства военное и морское; в) публичная экономия, то есть народная промышленность и финансы, чему соответствовали министерства внутренних дел и финансов; д) устройство внутренней безопасности — министерство полиции;

е) устройство и надзор суда — министерство юстиции. Кроме того, в особые управления были выделены дела народного просвещения, иностранных исповеданий, почтовые и путей сообщения, особняком стоял контроль.

Разделение государственных дел было обнародовано в манифесте 25 июля 1810 года. Год спустя было издано общее учреждение министерств (манифест 25 июня 1811 г.), проект которого обсуждался и в Комитете, и в Государственном Совете и прошел в общем гладко. Замечания «председателей» были весьма малосодержательны и не существенны; в Совете также не было произведено крупных перемен. Больше прений вызывали проекты учреждений отдельных министерств, которые изготовлялись отдельными ведомствами и за тем исправлялись Сперанским по замечаниям Комитета. Таких сношений с министрами было у него немало, и, должно быть, они доставляли ему много хлопот. «Здесь каждый министр, — писал он потом Александру из Перми, — считая вверенное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель государства, — и это был я. Мне одному противу осьми сильных надлежало вести сию тяжбу. У одного министра финансов <Гурьева>, не говоря о других, убавлены целые два департамента и сверх того несколько отделений и таким образом уменьшены штаты ежегодно более ста тысяч рублей». Приходилось многое переделывать в проектах — «можно ли сего достигнуть, не прославив душиателем всякого добра, человеком опасным и злонамеренным».

Дело двигалось медленно, так что одновременно с общим учреждением были обнародованы частные только для министерств финансов и полиции. В своем оправдательном письме Сперанский с чувством удовлетворения отзывался об этих своих произведениях: «Смею утверждать с достоверностью, что ни одно государство в Европе не может похвалиться учреждением столь определительным и твердым. Оно лежит теперь покрыто пылью и пра-

хом, но время и опыт восстановят его и оправдают». Невольно возникают сомнения в искренности этих слов. Сперанский прекрасно знал, что не было разницы между положением министерств в 1811 и в 1813 годах, когда он писал свое оправдание, знал он также, что конституция России не была дарована и что, следовательно, в ряде государственных установлений они занимают совсем не то место, которое для них предназначается.

На деле министерства приобрели значение совсем не то, которое он отводил им по своему плану, а между тем даже в законодательных актах, определявших строй министерств, чувствуются совершенно ясные отзвуки этой первоначальной мысли. Определение министерств в законе, где сказано: «...в порядке государственных сил министерства суть установления, чрез которые *верховная исполнительная власть* действует на все части управления», невольно напоминает слова и мысли плана преобразования, и подчеркнутые слова как-то не соответствуют ни положению неограниченного монарха, ни обычным в то время, да и после, описательным терминам для характеристики власти самодержца. Особые оговорки о том, что «разделение частей управления по министерствам не есть разделение самого управления, которое по существу своему всегда должно быть едино», что министерства суть «установление», а не «установления», создают естественное предположение об однородности министерства и солидарной ответственности министров, о руководителе их деятельности, главе кабинета и приводит к представлению о монархии конституционной. Наконец, определение отношения министров к власти законодательной, предоставление им по учреждению 1811 года полного права законодательского почина, несомненно, стоит в тесной связи с организацией законодательной власти на началах народного представительства. Доклады министров царю должны были проходить через Сенат, ибо по мысли Сперанского, как он впоследствии, в 1826 году пояснил, министерства полагалось считать «самым Правительствующим Сенатом, коего ми-

нистры суть члены, а министерства суть составные части». Проект учреждения министерств составлялся именно как часть общего плана преобразования и приспособлялся к нему; но остальное осталось неосуществленным, и весь внутренний смысл его стал совершенно другим. Изменился основной угол зрения, под которым составлялся чертеж, изменилась перспектива, и окончательный рисунок оказался совершенно непохожим на первоначальный проект.

От этого пострадали прежде всего основные идеи, столь определенно проводимые в плане Сперанского «идея законности» и идея политической свободы. Было создано новое и более совершенное, чем прежнее, орудие для верховной власти, которая осталась такою же полновластной, какою и была раньше. По учреждению 1811 года каждое министерство представляет собою как бы пирамиду, во главе которой поставлен министр; ему предоставлена некоторая распорядительная власть, и по всем делам своего ведомства он, и только он, сносится с высшими властями. Обратно, прямо и непосредственно через него эта высшая власть может действовать на все дела его ведомства; воздействием на вершину приводилась в движение вся пирамида, самое слабое давление на вершину отражалось и на ее дне.

Для успешного производства дел ведомство делится на департаменты, которые дробятся, в свою очередь, на более мелкие подразделения, и министр имеет дело с одним, ему прямо подчиненным лицом, а начальник среднего ранга — с еще более малым чиновником. Одним словом, каждое «дело», каждая «бумага» проходила путь, по крайней мере, в теории, простой и быстрый; с точки зрения бюрократической, каждое дело, попадая в руки мелкого чиновника, «усовершенствовалось» по мере обработки и в наиболее совершенном виде доходило до главы ведомства и от него шло дальше. Всегда можно было найти «ответственное» перед своим начальством лицо, всегда можно было на него воздействовать; прежние, столь искусно использованные прикрытия, за которыми прята-

лись прежние приказные, вроде коллегий и присутствий, были устранены. При министерствах, правда, сохранились совещательные учреждения, советы и т.п., но роль их была строго ограниченная, и компетенция тоже.

«Министерство», в смысле суммы исполнителей, было послушным орудием в руках своего главы, — иным оно и не должно быть, эта мысль проходит через все частности и детали устройства, а цель их, «чтобы доставить законам скорое и точное исполнение», должна была обеспечиваться ответственным положением этого главы. По плану преобразования надзор осуществлялся Государственной Думой.

Многое можно было бы приводить за и против такой постановки министерской власти в общем плане преобразования, можно предлагать различные коррективы для обеспечения законности ее действия в целом и деятельности отдельных министерств как ведомств, но здесь важно напомнить, что та форма, в которую практически вылилось это детище Сперанского, не выражает основной его мысли и что построение такого бюрократического механизма, несомненно искусное, произошло при обстановке, на которую он не рассчитывал.

А затем жизнь взяла свое, Сенат не был преобразован; Комитет министров, по плану Сперанского подлежащий совершенному упразднению, напротив, приобрел еще большее влияние. Благодаря этому создалась ширма, отгораживавшая монарха от других установлений, также не бесполезных для охранения, хотя бы и в скромных размерах, начала законности. В Комитете министров, говоря словами декабриста Батенькова, «как на большой дороге толпились все неурядица, беспорядки и несправедливости», «ничего не можно было придумать к прикрытию всех беспорядков перед государем и к обнажению его одного лица перед народом». Мелкие сошки сумели сделать себе новые лазейки из новых материалов, которые они, конечно, разыскали в учреждении министерств, и бюрократический порядок, столь искусно задуманный Сперанским, в этих

опытных руках получил совсем не то направление, ради которого был устроен. А еще позднее, в конце царствования Александра, Аракчеев заслониł собою все, и Совет, и Комитет министров, да и всех отдельных министров, если не считать министра иностранных дел и финансов.

Коротко говоря, вследствие незаконченности преобразования на практике получилось как раз то, чего хотел избежать Сперанский, сочиняя свой план; правление самодержавное было облегчено внешними формами закона, в существе его осталось то же пространство, как раньше, и, пожалуй, даже еще большая сила; оно сделалось, если можно так выразиться, еще интенсивнее, оттого что получило более усовершенствованные орудия. В этом смысле был прав К.Д. Кавелин, сказавший, что перенесение в наши условия французских порядков режима Наполеона было печальным недоразумением, что, к истинному нашему несчастью, страшное орудие угнетения, выкованное военной диктатурой посреди хаоса революции, водворено в стране, где в течение веков народ работал над созданием ничем неограниченной верховной власти и где — вот тут только ошибся Кавелин — по самому составу общественных элементов политические социальные перевороты невозможны. Но следует признать, что в существе своем всякое усовершенствование государственного управления в монархии абсолютной практически должно приводить к усилению, может быть и временному, самовластия, и что в частности возможность такого исхода чувствовал сам Сперанский, но вовсе его не желал; это случилось, но против его воли.

В тесной связи с рассмотренными двумя частичными реформами двух важнейших центральных установлений стоял и проект преобразования Сената. Все знакомые с практикой управления сознавали, что невозможно совместное существование Сената в прежнем его значении, министерств, Комитета министров и отчасти даже Государственного Совета; очевидно, что после того, как определено направление реформ, не мог не возникнуть во-

прос о преобразовании устаревшего учреждения. Оно должно было потесниться или преобразиться, чтобы сохранить некоторое место наряду с новыми, или им не мешать. В плане преобразования Сенату отводится скромное место — он уже не «Правительствующий», а только высшее судебное место, лишенное какой бы то ни было связи с управлением. Если бы реформа Сената проводилась во всем согласно плану, то она сводилась бы к простому. Однако по мере того, как выяснялось, что преобразование в полном объеме едва ли будет осуществлено вообще когда-нибудь или в сколько-нибудь близкое время, по мере этого, у посвященных в дело крепло сознание о желательности сохранения за Сенатом некоторой роли в управлении и о соответственном коренном его переустройстве. Для непосвященных же мысль об оживлении Сената являлась только продолжением тех работ, которые начались еще в самом начале царствования.

Эта мысль имела тем более сторонников, что для многих с Сенатом было связано обаяние имени Петра Великого и старейшего из государственных установлений империи, которое надо сохранить во что бы то ни стало и притом с наименьшею ломкою его древнего строя. Так, например, даже Кочубей, сторонник Сперанского, не увлеченный идеей Сената, признававший, что «Сенат российский есть странное смешение всех понятий», в 1809 году высказывался за присвоение проектируемому Государственному Совету наименования Сената, между прочим, потому, «что привычки целого века утвердили то мнение, которое о Сенате, как о верховном правительственном месте имеют». Сперанский торопился с реформой Сената, ибо ясно себе представлял — это показывает его отчет за 1810 год и другие записки, — что смешение в Сенате суда и управления довело все до крайнего беспорядка, что Сенат не соответствует новому строю управления, что необходимо связать его с новыми министерствами и что необходимо Сенатом заменить Комитет министров, который вводит многоделие, «ставит министров в безот-

ветственность и часто унижает Державную власть, заставляя ее разделять ошибки ее исполнителей».

Таким образом, работа по реформе Сената при такой постановке должна была преследовать двоякую цель: создание высшего судебного органа и создание высшего распорядительного органа, взамен Комитета министров. Впоследствии многие упрекали Сперанского за такое покушение на некую святыню, закрывая глаза на то, какой вопиющий хаос и безобразие гнездились в Сенате. Работы по подготовке реформы Сената и проведение ее через различные коллегии, обсуждавшие ее, лежали всецело на Сперанском. Сохранившиеся бумаги свидетельствуют о том огромном канцелярском труде, который был вложен им в это дело и об искусстве, с которым он его проводил. В собирании материалов, конечно, у него были помощники, некоторые сведения о заграничных порядках были ему доставлены Розенкампом, может быть, и Балугьянским, цифровые и иные данные о деятельности Сената — Энгельсом; обработка их, создание из них необыкновенно простых и изящных записок, по несколько раз отделяемых, было выполнено Сперанским, и надо сказать, — в совершенстве.

Основные точки зрения изложены им во «Введении к образованию Сената»*. Оно начиналось с краткого исторического обозрения Сената, распределенного на 8 периодов, и характеристики положения Сената в 1810 году, когда он вмещал в себе власть судебную и, «если так можно сказать, обломки некоторых частей управления». Судебная власть Сената страдает, указывал Сперанский, несовершенством и ее надо организовать так, чтобы он не только решал дела по апелляции или по ревизии, но мог и управлять судами, ему подчиненными. Следовательно, судная часть должна слагаться из верховного суда, исполнения его и управления судами подчиненными.

* Оно имеется в 2 редакциях — краткой (3 отделения) и пространной (5 отделений), собственноручно написанных Сперанским.

Для правильной организации Сената нельзя в нем соединять все силы (власти), действующие в государстве, тем более, что законодательной он, по словам Сперанского, никогда не имел. Поэтому, если бы возникла необходимость установить особенное законодательное сословие «на началах, общему доверию свойственных», то его нельзя вмещать в Сенат, ибо это было бы равносильно преобразованию судебного и исполнительного сословия в законодательное. Нужно иметь три самостоятельных учреждения, по одному для каждой силы. Это положение он дополняет следующим, весьма характерным замечанием: «...но время ли помышлять нам в России о законодательном сословии в истинном его разуме, ныне в трудных положениях финансов, в трудном сопряжении политическом и в совершенном недостатке всякого рода законов и учреждений».

Эти слова показывают, что Сперанский уже терял веру в полное осуществление своих планов. «Когда придет время такому установлению, тогда не трудно будет придумать для него приличное имя, — продолжает он, — но это не основание для сохранения Сената в его бессилии и смешении». Нет основания для соединения в Сенате других двух властей, — Сенат судный должен быть отделен от исполнительного, правительствующего. Этот последний должен быть средоточием всех частей управления, должен состоять из министров и представлять в себе все министерства в соединенном их действии. К нему могли бы отойти дела: 1) не принадлежащие ни к какому министерству (например, обнародование законов), 2) те дела, которые и по действовавшим законам уже ему принадлежали (утверждение подрядов и т.п.), и, наконец, 3) те, которые восходили на Высочайшее разрешение (производство в высшие чины, назначения на высшие должности, соображения о движении какой-либо исполнительной части и т.п.). Эти последние дела обсуждаются в особом собрании Сената. Доклады отдельных министров сохраняются для дел чрезвычайных и тайных, но они проходят через осо-

бое установление — «Кабинет» монарха. Правительствующий Сенат состоит из министров и особых посторонних членов; председательствует в нем император, замещаемый государственным канцлером.

Судебный Сенат также строился на новых началах; его производство должно было быть гласным, а решения — окончательным, на них не могли быть подаваемы жалобы монарху. В состав его вводились выборные (от дворянства) члены, в количестве равном назначаемым. В видах приближения высшей инстанции суда к населению предполагалось учредить четыре сената — в Петербурге, Москве, Казани и Киеве, с разделением их на три департамента. При Сенате создавались верховные, уголовный и совестный суды. Реформу предполагал Сперанский провести сразу же в полном объеме.

Проект поступил сперва на рассмотрение комитета председателей Государственного Совета, а затем самого Совета, и вызвал довольно многочисленные замечания. Вопрос о реформе Сената был уже не новый, но из моды не выходил, так что у каждого из старых сановников оказалось в запасе некоторое количество мыслей, которые они и поспешили изложить при этом случае. За проект высказались многие, например, Кочубей, приславший длинные замечания, в которых он подчеркивал необходимость еще более резкого отграничения судебного Сената от правительствующего. Но в записке его есть соображения, которые дают повод думать, что он, кажется, не совсем ясно представлял себе назначение правительствующего Сената; он полагал исключить из его состава министров, дабы их присутствие в заседаниях не влияло на гражданское мужество сенаторов. При такой постановке получилось бы совсем не то, чего хотел Сперанский и чему, по-видимому, сочувствовал Кочубей. Оказалось бы, что некоторая коллегия стояла бы над министрами и являлась бы чем-то вроде контроля над ними, чем-то промежуточным между высшими носителями исполнительной власти и монархом; такой цели Сперанский, несомненно, не пре-

следовал. Но были и возражения против существенных новшеств проекта. Определенно высказывались некоторые критики против запрещения приносить всеподданнейшие жалобы на решения Сената (кн. А.И. Голицын), особенно же резко, но мало убедительно писал против проекта Державин.

Из этих записок и других критических замечаний, высказанных в Совете (июль и август 1811 г.), был составлен при непосредственном участии Сперанского свод; и по поводу каждого замечания Сперанским собственноручно были написаны очень обширные и искусные замечания-объяснения. Близкое знакомство с работой сенатской канцелярии, где он сам начал службу, ясное представление о приказном обряде и его сильных и слабых местах позволяли ему с легкостью устранить многочисленные мелочные замечания разных критиков (например, Вейденмейфа, Алексеева и др.), касающиеся чисто делопроизводственной детальной стороны проекта.

В вопросах принципиальных Сперанский также оставался при своем, хотя чувствуется какая-то связанность и осторожность в оборотах речи. Так, например, по вопросу о сенаторах выборных высказались голоса (Голицына и Салтыкова), указывавшие на то, что такой порядок противен разуму самодержавия, а кроме того, вреден дворянству, ибо выборы будут определяться влиянием местных властей или крупных помещиков, тем более что проект преграждал дальнейшее обращение жалобщиков к монарху. И в объяснениях Сперанский не столько отстаивает этот принцип, сколько старается как бы ослабить его практическое значение, указывая на то, что эти выборы ничто иное, как «дозволение представлять императору достойных кандидатов», что число сенаторов по выборам не определено в учреждении и зависит от верховной власти, то есть в сущности как бы сводил этот принцип на нет.

Несколько более решительно высказывается Сперанский в очень искусных объяснениях по поводу запрета приносить жалобы на решения Сената (против этого

были кн. Голицын и Попов). Рассмотрев вообще значение повторительного разбора дела разными инстанциями, останавливаясь на вопиющих несовершенствах наших законов, он в самом конце объяснений по поводу силы решений Сената касается «возможности непосредственного Высочайшего рассмотрения судных дел». Он указывает на то, что самодержец лично не в силах рассматривать такие жалобы, а поручение этого дела другой коллегии означает создание суда над верховным судилищем, и что умаление прерогатив монарха в этом запрете не заключается, так как «самодержавная судебная власть» создает верховный суд, им руководит и наблюдает за его деятельностью: «...в сей массе истинных и великих сил, что значат все юридические состязания с Сенатом или частным лицом о праве его на кусок земли?»

В заключительных заседаниях Государственного Совета председательствовал лично государь и на голоса были поставлены различные вопросы, возбужденные обсуждением дела. Большинство высказалось в общем как будто в пользу проекта, но два вопроса, однако самые важные, были решены против мнения Сперанского, а именно, — вопрос о запрещении приносить жалобы на решения Сената был решен отрицательно — 13 голосами против 9, большинством 12 против 9 было постановлено отложить преобразование до более удобного времени, причем с большинством голосовали все министры (кроме трех) и влиятельные члены Совета.

Государь согласился по этим двум пунктам с мнением меньшинства, однако в суждениях Совета были затронуты вопросы о самодержавии, всегда у нас щекотливые, и осуществление реформы как-то задержалось. Сперанский не раз, по-видимому, (две записки, одна черновая, другая чистовая по этому предмету сохранились в архиве) представлял императору о благовременности утверждений нового учреждения Сената, причем в черновой он предлагает ввести реформу постепенно, а в чистовой настаивает на осуществлении ее целиком, без околичного

пути. Может быть, по личным соображениям Сперанский был не прочь, чтобы дело о реформе отошло в тень, и его неудача в Совете была позабыта*.

В отношениях Александра к Сперанскому уже наступил перелом; император все внимательно прислушивался к голосам его критиков и противников и охладевал к своим планам. Другие «околичные» попытки оживить дело (записка Балугьянского) также остались безуспешными, близость войны с Наполеоном делалась все яснее, а в марте следующего, 1812 года, Сперанский уже был отправлен в ссылку.

В оправдательном письме своем из Перми Сперанский слегка коснулся возражений по поводу реформы Сената, которые, по его мнению, происходили от того, «что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разум людей, его составляющих, не довольно еще поражен несообразностями настоящего вещей порядка, чтобы признать благотворные перемены необходимыми». Указывал он и на то, что сам же советовал не торопиться и заключал свои замечания твердою уверенностью, «что без устройства Сената сообразно устройству министерств, без средоточия и твердой связи дел, министерства всегда будут наносить более вреда и Вам заботы, нежели пользы и достоинства».

Трудно сказать, какие последствия имела бы эта несуществующая реформа. Для течения судебных дел она несомненно оказалась бы благотворною, ибо всякое изменение сенатского порядка на пути улучшения, политическая же сторона, то есть создание нового «правительствующего»

Сената, едва ли обещала многое в будущем. Детальными перечислениями дел, подлежащих ведению правительствующего Сената и подробным описанием делопроизводственного распорядка, трудно было бы достигнуть реальных результатов и трудно было бы направить течение дел, заинтересовавших влиятельных сановников по формальному руслу. Если бы произвол и своеволие министров удалось изгнать через дверь, они вернулись бы через окно, и такую лазейкою оказался бы «кабинет» или иное учреждение, создавшееся как-то само собой, а в конце царствования заменой Сената, как и всех прочих высших установлений оказался бы все тот же Аракчеев.

* Трудно установить какая из этих записок была представлена. Из Пермского письма можно заключить, что Сперанский три или, по крайней мере, два раза докладывал государю о том, «сколь неудобно было бы при настоящем расположении умов продолжать сие дело», именно потому, что государь якобы настаивал на его исполнении. Весьма возможно, что государю были представлены совсем другие записки, а не те, которые сохранялись в архиве, и личную, так сказать, политику Сперанского по ним трудно проследить.

IV. Законодательная и финансовая работа

Обширными работами над преобразованием государственного устройства, требовавшими величайшего труда и энергии и притом выполненными Сперанским чуть ли не во всех деталях лично, не исчерпывается его деятельность в годы расцвета его влияния. В качестве доверенного советника и секретаря императора Сперанский соприкасался со всеми вопросами, интересовавшими Александра, а время тогда было очень оживленное. По должности государственного секретаря он стоял очень близко к работе Государственного Совета. Все законодательные акты проходили через его руки, а при трудолюбии Сперанского и его склонности к канцелярским занятиям это означало, что почти все мемории, журналы, записки и другие бумаги, восходившие через Совет на утверждение императора, либо написаны им лично, либо тщательно проредактированы. Сперанский знал пристрастие императора к хорошо записанным и отделанным бумагам и поэтому внимательно следил за этой стороной дела.

По «Образованию» 1810 года при Государственном Совете состояла комиссия составления законов, к учреждению которой Сперанский в свое время был также причастен. Но деятельность комиссии протекала долгое время без его участия. Короткое время во главе ее стоял гр. Завадовский, затем она перешла в ведение Держави-

на (1802 г.), и наконец в 1803 году это дело было поручено министру юстиции Лопухину. Действительным же руководителем комиссии оказался Густав Андреевич Розенкампф, имя которого неоднократно уже встречалось выше. Существует несколько рассказов о том, как с должности дерптского* уездного судьи он попал в Петербург и вдобавок на такое ответственное место. Сам Розенкампф объяснял свое возвышение тем, что его выдвинул Козодавлев, его товарищ по лейпцигскому университету, рекомендовавший его Новосильцову. Повидимому, некоторую роль в этом действительно сыграл Козодавлев, с которым, по словам Ильинского, одного из сослуживцев Розенкампфа, последний переписывался, «показывая свою способность и искательство на составление законов для Российской Империи», но, кажется, не меньшее значение имело и представительство придворного лакея Франца. Как бы то ни было, Розенкампф оказался в близости лиц влиятельных, несколько раз беседовал с императором и получил поручение реорганизовать комиссию составления законов. Стремление к реформам еще не ослабело в то время ни у Александра, ни у его друзей. Пробовались «хорошие» реформы, следовательно, надо было написать «хорошие» законы, а между тем подходящих людей для их составления не было. Дельцы старой школы были непригодны для этого, а новых найти не умели.

Конкретные мероприятия, вроде учреждения министерств, кое-как удалось осуществить, но оставалась еще какая-то огромная пустота, некоторая область законодательства, точные пределы которой никому из близких к Александру лиц ясными не представлялись. Ее надо было заполнить чем-то, и надо было подойти к этому систематически. Очень мало было тогда в Петербурге людей, способных справиться с задачей, требовавшей последовательного и упорного труда; Розенкампф, обладавший

* Дерпт — название г. Тарту в 1224–1893 гг. — *Прим. ред.*

юридической подготовкой и некоторыми познаниями, человек ума острого, за неимением других, показался пригодным, и эта работа была ему поручена. Ему были предоставлены большие средства, в комиссию были приглашены специалисты — не много их было в Петербурге — на вторые роли, и работа закипела.

В 1804 году комиссия представила государю доклад, написанный Розенкампом, в котором намечался план работ. Очень не ясен этот план; имелось в виду составить «общее законоположение» для всего государства и отдельные для окраин, разумея под этим собрание законов органических, гражданских, уголовных, полицейских, одним словом, всю совокупность норм, определяющих жизнь государства. Основной характер этого собрания в докладе описан туманно; судя по направлению работ комиссии, имелось в виду составить нечто среднее между сводом уже существующих законов и кодексов новых, подбирались материалы и для того и для другого. Практических результатов комиссия не достигла, Розенкамф оказался неспособным руководить таким сложным делом и открывать новые пути. России он не знал, даже по-русски плохо говорил; страдал самомнением, болезненно боялся, что его назовут плагиатором, если он будет пользоваться мыслями, которые выдумал не сам, а собственных мыслей удачных не имел.

К 1808 году комиссией ничего не было закончено, были произведены только обширные подготовительные работы для какой-то неопределенной цели, и имелось несколько несогласных между собой общих планов, систем кодификаций, сочиненных Розенкампом. Со Сперанским у Розенкамфа отношения были нехорошие; Сперанский однажды раскритиковал один из его проектов, а кроме того, как в то время говорили, знал про Розенкамфа какие-то темные делишки из прежней его адвокатской практики и намекнул ему про них, и этого Розенкамф простить не мог. Во всяком случае, Розенкамф искренно ненавидел Сперанского, под началом которого ему

пришлось служить в комиссии, и всячески старался ему напортить.

Оказавшись во главе комиссии, Сперанский кое-что переделал в ее организации, но в дела по существу не входил, кроме одного, которое, вероятно, ему было прямо поручено Александром и было в тесной связи со всей прочей его деятельностью в то время, а именно — проектом гражданского уложения. С этим делом Сперанский очень торопился, ибо намеревался передать его на обсуждение Государственного Совета тотчас же по открытии. Готового ничего не было, и поэтому Розенкамфу пришлось с величайшею поспешностью стряпать проекты, которые затем поступали на переработку Сперанского. Совет комиссии (кн. Лопухин, гр. Завадовский, Новосильцов, кн. Чарторыжский, гр. Потоцкий и сенаторы Алексеев и Корнеев) этого проекта фактически не обсуждал, ограничившись несколькими общими замечаниями, ибо, как утверждает Розенкамф, ему дали понять, что подлежащие главы уже одобрены государем.

В действительности же Розенкамф представлял Сперанскому «безобразные компиляции», как сказано в его письме из Перми, а тот уж отделявал их, или, точнее сказать, излагал статьи кодекса Наполеона с некоторыми отступлениями. Напрасно Сперанский впоследствии отрекался от этого избранного им упрощенного способа составления гражданского уложения, подмеченного уже и современными критиками (Карамзиным и др.) «другие искали доказать, что уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои обличить также нетрудно, ибо и то, и другое напечатано. В источнике своем, т.е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны; но с здравым смыслом, с знанием сил источников и коренного их языка, можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах». Достаточно сравнить оба уложения, русское 1809 года и кодекс Наполеона, чтобы убедиться в неточности этих заявлений Сперанского.

ранского. Сходство между ними необычайное, и, конечно, получилось оно не вследствие того, что Сперанский обращался к подлинным источникам римского права.

Выписанная из Пермского письма фраза, даже если относить многое на раздражение и считаться с тем, что письмо было адресовано к императору, в тонкостях гражданского права неискушенному, даже и со всеми этими объяснениями, свидетельствует только о страстном желании Сперанского оправдаться и о великой его неосведомленности как об историческом составе кодекса Наполеона, так и о задачах русского гражданского уложения. В то время Сперанский не имел никакого понятия о гражданском праве ни русском, ни иностранном (да и впоследствии его познания в этой области особенным богатством не отличались) и с поразительным легкомыслием сочинял статьи закона, не задумываясь над последствиями.

Первая часть уложения, внесенная в Совет в 1810 году, все-таки была просмотрена сведущими людьми, но когда дело дошло до второй и третьей, то механизм работы упростился до последних пределов. Занятиям по сочинению уложения Сперанский посвящал исключительно утро понедельника перед заседанием Совета. В 6 часов утра являлся к нему старший письмоводитель комиссии О.П. Вронченко с русским переводом тех тетрадей, которые поступали от Розенкампа на французском языке. Сперанский, прочитывая работу, перечеркивал большую ее часть, исправленное им Вронченко приводил в порядок, а четыре писца переписывали, и к началу заседания поспевало несколько стройных глав, стройных, конечно, больше только по внешней форме. Так описывает порядок составления проекта биограф Сперанского барон М.А. Корф со слов Вронченко. Можно думать, что такой же способ Сперанским применялся и ко многим другим работам, но качество их стояло несколько выше именно потому, что в области права государственного Сперанский все-таки имел большую практику. Несомненно, что во многих случаях его выручали только огромные даро-

вания и некоторое интуитивное чутье, уберегавшее его от слишком грубых ошибок.

Первая часть проекта была рассмотрена Государственным Советом, который раболепно принял ее без особых поправок. Нашли только, что статьи проекта не совсем соответствуют духу наших законов и потребовали на каждую статью указания тех российских законов, из которых она заимствована. Эта работа была поручена Ильинскому и, как он сам свидетельствует, оказалась выполненною не особенно успешно. В отчете за 1810 год Сперанский, умудренный опытом и сознававший несовершенство своего уложения, высказывает о нем трезвые суждения. Он отмечает неподготовленность материалов, недостаток сведущих людей, трудность самой задачи, сравнивает это положение с тем, как обстояло дело во Франции. Но все же не отрекается от своей работы, не отказывается от ее продолжения. Прошла через Государственный Совет и вторая часть уложения, третья задержалась, и в связи со ссылкой Сперанского все дело кончилось ничем. В виде некоторого оправдания Сперанского можно указать на то, что гражданскому уложению он действительно мог уделить только сравнительно мало внимания, так как раз в это время на нем лежала еще другая гораздо более спешная и не менее ответственная работа — преобразование финансов.

Очень многие причины (война, неустройство администрации, отсталость промышленности и многое другое) приводили к финансовому дефициту, из года в год возраставшему. Для борьбы с ним знали в сущности одно новейшее средство — выпуск ассигнаций. Вследствие этого, падая в цене, ассигнационный рубль с начала 1790-х годов уже потерял 1/5 своего нарицательного достоинства, и это падение, конечно, только усиливалось по мере новых выпусков. В 1800 году курс бумажного рубля составлял 66 1/4 коп. Уже тогда, то есть в самом начале царствования Александра, приняты были меры для борьбы с этим, и курс несколько поднялся — в 1802 году он составлял

80%, но затем в течение 1807–1809 годов было выпущено ассигнаций на 214 миллионов рублей (в 1805 году всего было в обращении 319 миллионов). Естественно, что с возрастанием количества, курс их падал стремительно; в 1807 году он составлял 53%, в 1809 году — 43, 3%. Ввиду такого угрожающего положения Сперанский указывал Александру на необходимость принять неотложные и экстренные меры и, как, впрочем, и следовало ожидать, — это дело было поручено ему (ноябрь 1809 г.).

В делах финансовых Сперанский в то время был так же мало осведомлен, как и в гражданском праве, но самое дело по существу в конце концов было проще, чем сочинение нового кодекса, и советники у него по этой части были более удачные, чем Розенкампф. Главным его помощником был опять-таки Балугьянский, профессор Санкт-Петербургского педагогического института (впоследствии университета) и чиновник комиссии составления законов, затем был приглашен Вирст, также занимавший видное место в этой комиссии и, наконец, профессор Харьковского университета, писец, выписанный из Галле, — Якоби. Из этих трех лиц был составлен комитет, труды которого не вполне удовлетворяли Сперанского, так что в основу дальнейшего дела были положены первые работы Балугьянского. Потом первоначальный проект записки был обсужден частным образом совещанием в составе гр. С. Потоцкого, Мордвинова, Кочубея и Кампенгаузена, при участии Сперанского и Балугьянского, затем особым Комитетом, собиравшимся у Гурьева, и, наконец, окончательно принятый план финансов поступил в Государственный Совет при его открытии. И в этом деле все наиболее важные записки были составлены или редактированы самим Сперанским; им было написано по этому поводу колоссальное количество страниц, и написаны они очень искусно.

Всех подробностей тех мероприятий, которые были намечены, здесь невозможно изложить; предполагалось произвести ряд в высшей степени сложных финансовых операций.

Сперанский исходил из того, что правильная финансовая система должна быть основана на твердой монетной единице и высказывал «утопическую надежду» не только приподнять ценность ассигнаций, но даже повысить их до нарицательного достоинства. Для этого было принято решение тотчас же прекратить выпуск ассигнаций, возмещенное в манифесте 2 февраля 1810 года; в этот момент общее количество обращающихся ассигнаций официально считалось в 577 миллионов, однако на деле их было всего 534 млн, остальные же 43 млн должны были быть пущены в оборот в течение 1810 года. Этот «секрет правительства», как о нем впоследствии выражался Сперанский, расстраивал расчеты, ибо курс ассигнаций стоял в зависимости не от предполагаемого количества ассигнаций, а от находящегося в действительном обращении и продолжал падать в течение 1810 года по мере реального выпуска ассигнаций. Затем ассигнации были признаны действительным государственным долгом, и для сокращения его были намечены меры к изъятию ассигнаций из обращения. Общее количество внутренних долгов составляло 668 млн (577 млн ассигнаций и 91 млн долгу кредитным установлениям); наличное имущество ассигнационного банка считалось в 182 млн, на ежегодный оборот государственных доходов считалось необходимым 200 млн ассигнаций и, следовательно, подлежало погашению 286 млн ассигнаций. Эту сумму рассчитывали получить: 1) путем продажи казенных имуществ на 183 млн, 2) путем займов на 100 млн (по 20 млн в год), 3) путем установления новых налогов. Кроме того, надеялись поднять цену ассигнаций расширением круга их обращения на губернии Прибалтийские и Западные, с Белостокской областью, где сохранился счет на металлическую монету.

Эти меры, как показал опыт, оказались безуспешными; казенные имущества продавались туго (вместо ожидавшихся 5 млн в 1811 году было выручено всего 292 000 р. серебром, 1 367 000 ассигнациями и 159 000 р. облигациями), заем успех не имел, увеличение налогов оказалось

недостаточным для покрытия текущих расходов, не говоря уже о займах. Распространение ассигнаций на новые губернии не могло дать быстрых результатов, тем более потому, что такая мера, как принудительное обращение ассигнаций, должна была быть установлена для всего государства, а во внутренних губерниях закон в то время не обязывал население принимать ассигнации к обязательному платежу. Поэтому приходилось задумываться над новыми мерами в написанном направлении, а финансовое положение в 1811 году под влиянием неминуемой войны сделалось уже более грозным.

За это время обострились отношения Сперанского с Гурьевым; Сперанский отстаивал серебряную монетную единицу. На эту монетную единицу, по его проекту, должны были быть писаны все акты, а платежи по казенным подрядам должны были заключаться на серебро с платежом ассигнациями по среднему петербургскому курсу ближайших к платежу 4 месяцев. Гурьев же, напротив, настаивал на том, чтобы все подати и сборы взимались ассигнациями по курсу, изменяющемуся распоряжениями финансового управления, чтобы все договоры заключались не иначе, как на ассигнации, и чтобы на ассигнации переводились по курсу все платежи, условленные на серебро; при такой постановке министерство получало гораздо большее влияние на курс.

Пришлось также озаботиться дальнейшим увеличением налогов манифестом 25 января 1811 года, налоги, установленные 2 февраля 1810 года как единовременные, были обращены в постоянные и были приняты меры к косвенному увеличению поступления. Посредством новой народной переписи было увеличено число плательщиков, при введении вольной продажи соли была установлена новая пошлина при приеме соли из магазинов, была возведена винная пошлина в привилегированных губерниях, за некоторое количество рекрут дозволено <было> вносить деньгами и др.

В 1812 году и этого оказалось недостаточным. Гурьев предлагал ввести новые налоги на доходы на наследст-

ва и на контракты. Департамент экономии или, точнее сказать, Сперанский от его имени (департамент, состоявший из Мордвинова, гр. Литта и гр. А.И. Салтыкова собственного мнения, в сущности, не имел) с этим не согласился. Решено было покрывать расходы из доходов, а новые налоги, весьма обременительные, были введены для ускорения уплаты долгов и предназначались единственно для этого. Но взимали-то их все с тех же карманов, и тонкости финансовых планов остались скрытыми для плательщиков и непонятными для непосвященных. Приходилось платить и платить, финансы не улучшались, а имя Сперанского, главного руководителя внутренней политики, все прочнее связывалось с новыми поборами, и в нем искали главный источник всех бедствий.

Финансовые предположения Сперанского не были осуществлены в полном объеме; его падение отразилось на дальнейшем движении его проектов. Осилило мнение Гурьева, согласно которому устанавливалась обязательность приема ассигнаций. Причем в отношении платежей между частными лицами правительство не вмешивалось в установление курса ассигнаций — департамент экономии, иначе говоря, Сперанский, предполагал укрепить курс (треть серебряного рубля), с тем, чтобы постепенно довести его до нарицательного. Мера, предложенная Гурьевым, была возведена манифестом 9 апреля 1812 года. Вследствие этого в России утвердилось, вопреки намерениям правительства, «совместное обращение сильно понизившихся, но мало колеблющихся в цене ассигнаций и звонкой монеты, обращающейся с очень веским лажем»*. Постепенно утвердилась определенная фактическая и не колеблющаяся ценность ассигнационного рубля, и это обстоятельство дало впоследствии возможность произвести окончательную девальвацию.

В ближайшие годы, следующие за началом осуществления «плана финансов», война расстроила все расче-

* Лаж — превышение рыночной цены денежных знаков по сравнению с их номинальной стоимостью. — *Прим. ред.*

ты. Ассигнаций пришлось выпускать на огромные суммы, финансовое положение изменилось к худшему, и при таких условиях намерения Сперанского не могли получить проверки на опыте. Но знатоки истории нашего монетного обращения свидетельствуют, что «план» его оказал благотворное влияние, что если Сперанский, быть может, и ошибался в выборе средств для борьбы с этим застаревшим недостатком нашего финансового строя, то и противники его в этом отношении были далеко не безгрешными.

Во всяком случае, огромна его заслуга; благодаря ему своевременно было обращено внимание на опасность, вопрос был поставлен ребром и в ранней стадии развития, когда лечение болезни еще не было безнадежным. Все меры того времени по финансам имеют исходною точкою его «план», в частях осуществленный, в частях осветивший направление для них, то есть прямо или косвенно содействовавший оздоровлению финансового хозяйства. И противникам приходилось, незаметно для себя, идти по тем путям, которые он наметил. Со свойственным и ему чутьем, и широтой взгляда Сперанский обнаружил и раскрыл слабые стороны устройства тогдашнего бюджета и пытался создать для упорядочения его определенные правила, не на один день. Вся вторая часть плана заключала проект постоянного финансового закона и «подобного систематического свода», говорится в официальной истории финансового ведомства, свода «правил о составлении, рассмотрении и исполнении смет» никогда у нас перед тем не было, а, следовательно, не могло быть и порядка в этом важном государственном деле. Как совершенно ясно сознавал Сперанский, прежняя «годовая смета была ничто иное, как пустой канцелярский обряд, полезный для надобностей низшего управления, но ничтожный в общем ходе государственных дел», и с этим он боролся.

О полноте и объеме плана можно судить по его оглавлению: Введение. Положение финансов в 1810 году. План финансов. Часть I. Временное устройство финансов на 1810

год. Отд. I. Начала общие. Отд. II. Способы соразмерности в приходах и расходах на 1810 год. Часть III. Постоянное устройство финансов на будущее время с 1810 года. Отд. I. О расходах. Начала общие: 1) о правильном разделении расходов, 2) о образе назначения. Способы приложения. Отд. II. О доходах. Начала общие. Способы приложения: 1) удобрение настоящих источников, 2) введение новых доходов. Отд. III. Теория монетной и кредитной системы. I. О свойстве монет. II. О разных родах кредитных бумаг. III. О соразмерности кредитных бумаг трех первых классов и о взаимном их влиянии. IV. О соразмерности и влиянии кредитных бумаг последнего рода или ассигнаций. VI. О кредитных бумагах наемных или о курсе. VIII. О превращении монет и кредитных бумаг из одного класса в другой. 1) О превращении бумаг I класса в кредиты иностранные. 2) О превращении медной монеты в серебро. 3) О превращении облигации в медную и серебряную монету. 4) О превращении ассигнаций в другие кредитные бумаги. Отд. III. Устройство постоянной монетной и кредитной системы. 1) Погашение ассигнаций. Положения общие. Способы исполнения. 2) Установление нового банка, на серебре основанного. Начала общие. Способы исполнения. III. Усовершенствование монетной системы. Начала общие. Способ приложения. Отд. IV. Об управлении финансов. 1. Постановления общие. II. Учреждения особенные. 1. Предметы министра финансов. 2. Предметы министра казначейства. 3. Предметы главного директора государственных счетов. Состав министерства финансов.

Разумеется, об этом нет повода подробнее распространяться, — разумеется, не все мысли принадлежат Сперанскому, но этим не умаляется его заслуга. План финансов тоже не ученая диссертация, в которой важны для оценки заслуги автора, оригинальность мысли. «План» есть изложение мыслей ответственного советника монарха и руководителя внутренней политики.

Для биографии Сперанского важно отметить, что он столкнулся здесь с одним из самых трудных вопросов фи-

нансового управления, быстро освоился со всем необходимым материалом, подметил самое важное, внося систему и стройность в дело, и поставил его в такие рамки, которые были необходимы для его разрешения. И должно преклоняться перед тем трудом, который он лично вложил в это дело. Все ответственные записки, самый план, журналы Государственного Совета, полемические рассуждения и пояснения почти полностью написаны лично им; собрание этих материалов составило бы печатный том не малого размера, и все написано изящно, просто и даже эффектно. И следует помнить, что в те же самые годы на нем лежало не только это одно бремя, что переустройство финансов влекло за собой спешную и нервную работу, и что «дел» у него было и без того очень много, не говоря о реформе государственного строя.

Так, например, в том же 1810 году по инициативе и при ближайшем участии Сперанского было рассмотрено «положение о нейтральной торговле», определяющее наш товарообмен с иностранными государствами, сильно страдавший в виду существования континентальной системы. Были установлены меры к сокращению привоза иноземных товаров (запреты ввоза, возвышение пошлин на ввозные, отпускные и т.д. товары) и к облегчению перевозки товаров морским путем на нейтральных судах. Этим путем имели в виду улучшить наш торговый баланс, сильно поколебленный континентальной блокадой, и не слишком обострять отношения с союзником — Наполеоном, изобретателем этого средства борьбы с Англией. Формально проект положения был представлен от имени Гурьева, министра финансов, но в действительности он был разработан Сперанским.

Но и другие обязанности лежали на Сперанском. В ноябре 1808 года, когда Финляндия уже находилась во власти России и успех войны со Швецией окончательно выяснился, был составлен особым комитетом из Аракчеева, Кнорринга и Спронгпортена проект управления новою Финляндией; но вскоре дела финляндские были по-

ручены Сперанскому. По разным, весьма веским причинам, устройство этой области требовало большой осторожности и внимательности. Желательно было — особенно ввиду неизбежного столкновения с Наполеоном — установить хорошие отношения с новою окраиною империи, иначе говоря, предоставить ей самостоятельность и выгоды не меньшие тех, которыми она пользовалась при шведском владычестве.

Дарование широкой автономии, создание представительных учреждений, одним словом, чего-то вроде конституционного строя, как раз в то время, когда намечался план преобразования империи, особенно соответствовало настроению монарха и его желанию явить всему миру величие души и бескорыстие, тем более, что это не умаляло привычных ему самодержавных прав. А с другой стороны, по исконной политике России в отношении к окраинам требовалось сделать это все в несколько недоговоренным виде, так чтобы можно было потом, при случае, обещания истолковать уже по иному, права области выставить как нечто сохраненное за нею не по договору, связывающему две стороны, а прекарно, до востребования, и предъявить к ней безусловные и безграничные притязания империи. Эта высшая государственная мудрость, плоды которой так плачевно сказались на прочности связи окраин с центром, в некоторой мере была применена и при организации новой области, но в силу различных условий, гарантии своеобразного положения Финляндии в составе империи оказались более сильными, чем у других окраин.

Личное участие Сперанского в первых шагах русской государственной власти очень значительны. Известные речи императора при открытии и закрытии Сейма в Борго (16 марта 1809 г.) написаны им, несомненно участвовал он и в редакции грамот того же времени, документов не слишком определенных, на которые могли ссылаться впоследствии и сторонники, и противники самостоятельных прав Финляндии; им же обработаны и те предложения (пропозиции), которые были представлены

русским правительством в Сейм. Сперанский, далее, руководил и отношениями первых представителей русской власти к Сейму, не позволяя им слишком вмешиваться в его деятельность, но вместе с тем решительно устраняя возникновение, уже тогда, среди финляндских политических деятелей, вопроса об утверждении проекта конституции и о присяге императора на сохранение основных законов. Сношения с финляндскими полицейскими деятелями велись Сперанским искусно; он не обострял ничего, выступал примирительно и сохранил с ними дружелюбные отношения; у многих после сношений с императором и его первым советником оставалась надежда, что «на будущих сеймах, при более мирных условиях, удастся организовать и укрепить конституцию Финляндии, надежда, которая в царствование Александра I была близка к осуществлению, но по неизвестным причинам не осуществилась» (слова барона Маннергейма). Дело решилось проще: при Александре I Сейм больше ни разу не созывался.

Одновременно с этим производились работы над положением о финляндском «совете», переименованном впоследствии в «Сенат». Проект этот был составлен местными людьми на французском языке и был исправлен и переведен на русский лично Сперанским, в приемной перед кабинетом императора, в Борго, среди шума и разговоров ожидавших лиц. Руководительство финляндскими делами осталось за Сперанским и впредь, но сам он считал желательным несколько облегчить себя от этого бремени. Множество дел текущих проходило через него, ибо «как следствие конституции сего края власть Державная должна была искать возможность усилить себя подробностями управления»; но, продолжал он (в своем отчете за 1810 год), «Финляндия есть государство, а не губерния», и предлагал расширить существующие в Петербурге учреждения по финляндским делам. В связи с этим был учрежден статс-секретариат по делам Финляндии и была реорганизована существовавшая уже комиссия по финляндским делам.

Однако еще при непосредственном участии Сперанского состоялся весьма важный акт, именно возвращение Финляндии Выборгской губернии, так называемой «Старой Финляндии», присоединенной еще при Петре Великом и Елизавете Петровне. Этим местностям было сохранено прежнее их устройство, права и привилегии, реформы Екатерины II, направленные к объединению с империей, окончательных результатов не принесли, а при Александре I вновь были подтверждены их прежние права. После завоевания прочих частей Финляндии, так называемой «Новой», был выдвинут вопрос о присоединении к ней «Старой» Финляндии. Инициатором его был Густав-Мориц Армфельдт, в то время пользовавшийся большим влиянием на императора, в особенности же по делам Севера. Сперанский, с своей стороны, также склонялся к такому решению вопроса — по-видимому, таковы были намерения монарха — и проект прошел быстро через Комитет председателей Государственного Совета, затем через Государственный Совет и был обнародован манифестом 11 декабря 1811 года.

По финляндским делам Сперанскому нередко приходилось входить в соприкосновение с названным выше Армфельдтом, который в то время занимал видное место среди многочисленной в Петербурге колонии иноземных авантюристов и проходимцев, стоявшей в очень близких отношениях ко двору и имевшей несомненное влияние на дела. В жизни Сперанского он сыграл некоторую роль. В свое время Армфельдт, изящный и ловкий человек, пользовался расположением шведского короля Густава III, затем при регенте, герцоге Зюдерманландском впал в немилость, бежал в Россию, где укрывался в Калуге, потом во времена Густава IV занимал при нем и при Карле XIII разные должности, а после избрания Бернадотта в наследные принцы Швеции ушел в отставку и в 1810 году переехал на жительство в Петербург. Там он сошелся с бывшим посланником неаполитанского двора дюком де Серра Каприола, центром борьбы с Наполеоном, а через финлянд-

ские дела при содействии Сперанского вошел в сношения с императором. По поручению Александра он занимался также и польскими делами, заботился даже и о русских, так, например, уговаривал монарха освободить крестьян, хлопотал об улучшении наших финансов и пр. Но Армфельдт, ярый противник Наполеона и человек очень сильный, склонный к интригам, относился враждебно к Сперанскому, в котором подозревал друга или даже агента Наполеона. Поэтому к нему тяготели все недруги Сперанского, крупные и мелкие, в частности, и Розенкампф устроился к нему в Финляндскую комиссию и снабжал материалами, могущими повредить Сперанскому.

Кроме Финляндии Сперанскому пришлось иметь дело и с другими окраинами. Так, через посредство того же Армфельдта, кн. Огипский и кн. Любомирский вели переговоры с императором об образовании автономного Литовского княжества, а к этому был причастен и Сперанский; устройство области Тарнопольской также находилось в его ведении; через него проходили дела области Белостокской, Молдавии, Валахии и др.

В связи с этим необходимо особо остановиться на участии Сперанского в тайной дипломатии Александра I. Официальный руководитель всей внешней политики канцлер гр. Румянцев и посол в Париже кн. Куракин были открытые и искренние друзья союза с Францией и убежденные поклонники Наполеона. Между тем Александр уже с 1808 года, а может быть и раньше, решил вступить в серьезную борьбу с Наполеоном и незаметно и осторожно вел к ней. Благодаря искусным интригам и деньгам ему удалось найти изменников среди ближайших советников Наполеона; самый важный в этом отношении сановник Франции Талейран начал предавать своего властелина уже в 1810 году.

Все эти операции были проведены, конечно, не официальными представителями России, а тайною личною дипломатией Александра. Такая тайная дипломатия в то время вообще была в ходу, в ней усматривалась особенная

государственная мудрость, а император Александр, при склонности своей делать все как-то и за чьей-то спиной и любви к интригам, довел это дело до виртуозности. К этому делу оказался причастным и Сперанский. По его указанию был командирован в Париж К.В. Нессельроде (впоследствии при Николае пожалованный в графы), якобы для заключения займа, а в действительности для негласного сношения с Талейраном. Письма Нессельроде, содержащие самые секретные данные, отправлялись Сперанскому и писались на условном языке. Они напечатаны в бумагах Нессельроде с приложением словаря условных терминов; Талейран, например, значится там под обозначениями: *mon cousin Henry, Anna Ivanovna, le beau Lyandre* и др.; *l'empereur de Russie — Louise Mollvo* и *le savant; Фуше — Natasche*, и т.п.

Должно быть, французской полиции не удалось перехватить ни одного письма Нессельроде, ибо указанные наивные уловки не могли бы скрыть истинный смысл переписки. А между тем она действительно имела большое значение; через Нессельроде Талейран извещал Александра обо всех намерениях Наполеона, в которые он, по своему положению, не мог не быть посвященным. Таким путем Сперанский оказался приобщенным к самым сокровенным тайнам монарха и даже участником, — во всяком же случае, свидетелем тех приемов, к которым он прибегал для обхода своих ответственных советников и иноземных союзников. Через его руки косвенно проходило решение самого, может быть, важного в глазах монарха вопроса.

В связи с такой близостью к одной из дипломатических тайн Сперанский получал доступ и к другим. Границу между дозволенным, по мнению императора, и недозволенным любопытством, ознакомлением со сведениями, скрытыми от всех, даже самых высоких сановников, трудно было соблюсти, и, кажется, Сперанский, ревнуя о своей осведомленности, зашел слишком далеко. Старый его приятель и подчиненный Жерве заведовал в министерстве иностранных дел, между прочим, экспедицией дешиф-

рования депеш. Специалистом по перлюстрации депеш, отправляемых иностранными дипломатами своим правительствам, был Бек. В январе 1811 года Бек прочел в депеше прусского посланника указание на то, что Александр ведет постоянную переписку с Нессельроде через лицо, обозначенное непонятным шифром. Бек догадался, что это Сперанский высказал свою догадку Жерве, дело дошло до императора, и после этого установлен был следующий порядок передачи дешифровок канцлеру, графу Румянцеву; перехваченные депеши представлялись канцлеру, от него шли к Беку в неразобранном виде, тот прочитывал их и представлял через гардеробмейстера Гесслера императору. Александр получал их таким образом в полном виде и вычеркивал из них все, что должно было оставаться тайною для Румянцева; после этого они переписывались и по такой отделке уже поступали к Румянцеву, <от> Румянцева к Александру, который делал вид, что содержание их для него новость. Сперанский же через Жерве получал *втайне* от императора полные дешифровки. Эта уловка была раскрыта уже после ссылки Сперанского. Но трудно сказать, как долго эта любознательность Сперанского действительно оставалась тайною для императора; личная полиция Александра была поставлена хорошо, император такого рода сыском интересовался, кажется, больше всего на свете и, может быть, кое-что подозревал про Сперанского еще раньше, однако доказать такое предположение документально нельзя.

Обозревая разные отдельные мероприятия того времени, проходившие через руки Сперанского, необходимо остановиться еще на двух, связанных с его именем, не потому что они были особенно существенными или важными, а потому, что они натворили тогда много шума и наделали ему много врагов. Указом 3 апреля 1809 года было повелено всем камер-юнкерам и камергерам избрать себе в течение двух месяцев род действительной службы, и впредь эти звания при новом пожаловании считать отличиями, не приносящими никакого чина, с обязанностью

для пожалованных проходить службу наравне с прочими дворянами. В соответствии с этим 10 августа того же года указанные чины двора, заявившие желание, были распределены по ведомствам, а всех прочих было повелено числить в отставке. Эти указы, решенные единственно между Сперанским и государем, вызвали великое неудовольствие среди дворянских кругов, и по адресу Сперанского раздавались весьма нелестные эпитеты.

Затем 9 августа 1809 года было повелено впредь никого не производить в чин коллежского асессора без представления свидетельства одного из русских университетов или сдачи особого испытания по программе, приложенной к указу. Такой же ценз устанавливался и для производства в статские советники, причем требовались еще предварительная десятилетняя служба и занятие в течение 2 лет особо перечисленных должностей. Этот указ также был решен между государем и Сперанским и полностью оставался в действии только до 21 марта 1812 года, то есть был частично отменен через 4 дня после ссылки Сперанского. Особенного практического значения он не имел и соблюдался не слишком строго. Но легко себе представить, какое возмущение он вызвал среди чиновников, которые в зрелом возрасте должны были засесть за «естественное право», дабы приобрести в нем основательное знание, за «естественную историю», за «общие сведения в главных частях физики» и др. И где им было учиться? Нет сведений о том, кому принадлежала инициатива издания этих указов, Сперанскому или императору, и, может быть, именно Александр измыслил их, — едва ли Сперанский, который, конечно, не мог не предвидеть всех неприятных лично для него последствий и не мог не понимать практическую ничтожность этих новых законов. Но как бы то ни было, общая молва обвинила именно его и недругов прибавилось у «выскочки» и «поповича».

V. Ссылка

Изобилие служебной работы, лежавшей на Сперанском с первых же дней его деятельности, заставляло его вести очень замкнутую домашнюю жизнь и отдаляло от светских кругов столицы. Домашние интересы исчерпывались заботой о нежно любимой дочери Елизавете, находившейся на попечении ее бабушки Стивенс, матери жены Сперанского; теща доставляла ему много тяжелых минут своим нервным и тяжелым нравом. В доме его бывали только самые близкие люди, с которыми он подружился при совместной службе в Сенате: Каразин, впоследствии основатель Харьковского университета, Аркадий Алексеевич Столыпин, богатый пензенский помещик, зять известного деятеля эпохи Мордвинова, Магницкий, так печально ознаменовавший свою деятельность в качестве попечителя Казанского учебного округа, Злобин, богатый откупщик, семья Амбургеров и их зятя Вейхардт и Жерве, а также некоторые мелкие чиновники, которых он к себе приблизил, в особенности Масальский и Цейер; последний даже жил в его доме.

Этот образ жизни не изменился и во время высшего государственного влияния Сперанского, в эти годы он стал еще более замкнутым, ибо, как уже указывалось выше, Сперанский старался по возможности все исполнять сам и бывал занят круглые сутки. Вследствие этого во

влиятельных знатных и придворных кругах у него были только чисто официальные связи. Он был знаком, конечно, со всеми сановниками и видными людьми этого времени, со всеми имел дела и пользовался симпатиями и уважением многих. Но и врагов у него было немало. Не любовь малого и среднего чиновничества, ненавидевшего Сперанского за указы об экзаменах и о чинах, влияние на его положение иметь, разумеется, не могла; опаснее были те лица, которые имели доступ к императору и не могли простить Сперанскому его быстрой карьеры и силы, или же не одобряли проводимой от его имени политики. Сюда относились прежде всего сановники прежних времен, славу которых затмил «попович» (например, Державин да другие).

Кроме того, «либеральные» идеи, проводимые в проектах Сперанского, встречали резкое осуждение приверженцев старины и всех реакционных кругов, которые осмеливались громко или шепотом возражать против них. Но так как известно было, что за Сперанским стоит император, то с прямыми обвинениями или критическими нападками долгое время многие не решались выступать. Однако постепенно их нашептывания делались все громче и громче, а в 1811 году, когда влияние Сперанского, казалось, было в апогее, но для опытных наблюдателей уже стали заметными некоторые колебания императора в его отношениях к своему советнику, получили распространение разные записки и памфлеты, прямо враждебные Сперанскому. Наиболее опасным врагом Сперанского в придворных кругах была великая княгиня Екатерина Павловна, самый близкий к императору член его семьи. Великая княгиня не могла простить Сперанскому его влияния на своего брата, и, кроме того, была очень недовольна им за то, что он не устроил для библиотекаря, ее мужа, принца Ольденбургского, чин коллежского асессора, а помешал этому делу указ о чинах. Поэтому великая княгиня охотно помогала всем недругам Сперанского и вследствие своей интимной близости к императору могла сделать многое.

В 1811 году именно через нее была представлена Александру записка Карамзина «О старой и новой России», направленная прямо против политики последних лет. В этой записке критически разбираются и даже осмеиваются уже выполненные мероприятия, связанные с именем Сперанского, — учреждение министерств и Государственного Совета, резко осуждаются проекты и попытки ограничить самодержавную власть императора и стремление подражать французским образцам. Старая Россия автору представлялась гораздо более привлекательной, чем та новая, которая должна была выйти из намеченных реформ, и эту тему Карамзин сумел искусно, с внешним блеском развить в своей записке. Император, по-видимому, остался сперва недоволен этим документом, но впечатление он на него произвел несомненно, тем более, что Карамзин являлся выразителем взглядов широких дворянских кругов, и императору это было хорошо известно.

В таком же духе действовал и другой приближенный ко двору Екатерины Павловны — Растопчин, обвинявший Сперанского в принадлежности к мартинистам, то есть к учению «неблагонадежному». В публике стали распространяться безымянные пасквилы на Сперанского, приписывавшиеся, кажется, без оснований, Растопчину, но пользовавшиеся интересом толпы, и они разносились сплетниками по всей России. И об этом, конечно, было известно императору, который внимательно следил за общественными настроениями через официальную и неофициальную полицию. А в широких кругах общества имя Сперанского связывалось с неприятными финансовыми мероприятиями этого времени, с возвышением налогов, с падением цены ассигнаций, с которым он тщетно боролся, с именем Наполеона, в котором все инстинктивно чувствовали врага.

Имя Сперанского делалось ненавистным в кругах крупного и мелкого дворянства, обвинявшего его в намерении унижить это сословие, ему предъявлялись обычные в России обвинения в стремлении ниспровергнуть нео-

граниченную власть монарха, в связях с масонами, от которых Сперанский в общем был далек (хотя и дружил с некоторыми видными деятелями), и с другими тайными и опасными обществами. Одним словом, он приобретал репутацию политически неблагонадежного человека, а к таким намекам все русские самодержцы всегда относились с большим вниманием.

Передавались и разные неодобрительные отзывы о личности императора, приписываемые Сперанскому, вроде, например, фраз: «*Tout ce qu'il fait, il le fait a demi*» <Все, что он делает, он это делает наполовину>, или «*Il est trop faible pour regir et trop fort pour etre regi*» <он слишком слабый, чтобы править, а слишком силен, чтобы быть управляемым (фр.)>.

Были ли эти словечки пущены Сперанским или приписаны ему понапрасну, этого теперь не установить, но такой навет несомненно должен был произвести впечатление на подозрительного Александра, который всегда боялся, что над ним смеются, и в мнительности своей доходил до крайностей. В числе упреков, высказанных им лично Сперанскому в прощальной аудиенции, имеется указание на «отзыв о правительстве», и Сперанский с особенной подробностью останавливается в своих оправданиях на этом пункте. Эту слабость Александра знали все близкие к нему, знал и Сперанский, и можно думать, что едва ли обычная сдержанность и осторожность ему изменили. Но молва, конечно, могла разукрашивать его слова, не говоря о прямой клевете.

Недоверие Александра к Сперанскому, как обычно указывается в его биографиях, старались поддерживать еще и другие деятели, как раз в то время стоявшие близко к императору, а именно те иностранные авантюристы, которые вели борьбу с Наполеоном. От кого исходил почин их работы, не узнать теперь, может быть, от самого императора. Во главе их был Армфельдт, который по природе своей не мог не интриговать против всякого временщика и не мечтать занять его место. Ему содействовал один из

второстепенных тайных агентов Людовика XVIII кавалер де Варнег, успевший завязать связи в высшем петербургском обществе, а все вместе они привлекли в число своих союзников министра полиции Балашова. Сперанский в свое время оказывал много услуг Балашову, в 1810 году содействовал его назначению членом Государственного Совета, но это не помешало последнему ревностно интриговать против своего приятеля. Современники рисуют Балашова в очень непривлекательном свете как человека хитрого, подлого, корыстного, обуреваемого желанием выслужиться и не стеснявшегося в средствах. Эти черты были известны и Александру, но он многое прощал Балашову и терпел его.

Итак, за исключением немногих понимавших значение Сперанского, все общество было настроено против него и разными способами выражало свою ненависть к нему. При таких условиях дальнейшая судьба Сперанского зависела всецело от характера Александра, его единственной поддержки. Во многих случаях, когда дело касалось приближенных к Александру, действительно пользовавшихся его личным расположением, Александр умел пренебречь общественным мнением, как бы резко оно ни выражалось. Стоит вспомнить хотя бы про Аракчеева, даже Балашова и других, менее заметных людей. Император охотно слушал все, что ему доносили, но оставался при своем.

Однако, если судить по общему впечатлению, оставляемому дошедшими до нас данными об отношениях Александра к Сперанскому, такой личной привязанности к своему первому министру не было у императора. Александр знал все его достоинства, ценил его способности, даже был уверен в его желании честно служить, по мере дарований. Поэтому он охотно поручал ему ответственные работы, прислушивался к его мнениям, если, конечно, у него самого не было уже предвзятого решения, но не замечается в его поступках именно чувства личной привязанности к Сперанскому, как к человеку. Их отношения были хорошие, но все-таки официальные, если так можно

выразиться, — служебные. Сперанский не был его другом, от которого можно отвернуться, но уход которого оставляет душевную пустоту. Правда, Александр умел расставаться и со своими друзьями, с людьми действительно близкими к нему, с которыми судьба связывала его многими нитями, но некоторые искры этого чувства продолжали тлеть в его сердце, он к ним возвращался, хотя и через много лет и на полную разлуку с ними, даже при своем переменчивом и предательском нраве, не всегда решался сразу. Таких струн Сперанский не затронул в душе Александра. Он всегда оставался докладчиком дел и при том, зная свое мастерство, охотно облакавший свои доклады в письменную форму. Даже за его сердечными беседами с императором по мистическим вопросам веры следовали соответствующие бумаги о достоинстве человеческой природы, о ее великом предназначении, о законе всеобщей любви, которыми он снабжал императора. Доклады же, в конце концов, могли надоесть.

Вместе с тем Сперанский был слишком крупной личиной и не мог быть причислен к разряду домашних слуг императора, придворных разного ранга, к которым он привык, как к своей постоянной обстановке, и с которыми не расставался, несмотря на временные ссоры и неудовольствия. Личная связь Сперанского с Александром носила своеобразный характер, как вообще своеобразна была его жизненная карьера; близость его к самодержцу сложилась на почве деловой и могла естественно прекратиться с изменением деловой обстановки.

Не следует забывать еще некоторых обстоятельств, которые могли получить особое значение и, по-видимому, действительно его имели. Сперанский был посвящен императором в такие щекотливые дела, как вопросы о насаждении в России политической свободы, иными словами, об ограничении самодержавия. Император забавлялся игрой с огнем и в своих «стократных разговорах» со Сперанским на эту тему, очевидно, заходил далеко. Сперанский не без основания писал в своем отчете 1811 года, намекая

на эти мечтания императора: «Из всех тех, кои имеют счастье к Вам приближаться, я имел случай, может быть, более других познать силу и пространство Ваших мыслей и желаний, не в подробностях ежедневных текущих дел, но в самых коренных истинах, на коих стоят государства».

Сперанский не предполагал, что при ревнивом и недоверчивом характере его благодетеля такая близость могла обратиться именно в величайшую для него опасность, так как императору, очевидно, не особенно было бы приятно встречаться со своим собеседником, когда обстоятельства сложились так, что он признал бы благовременным повернуть назад. Перед другими своими приближенными ему не в чем было оправдываться, ибо они не были посвящены в эти планы, а если и знали о них, то не бывали очевидцами жара увлечения и минутной искренности, свидетелем чего Сперанский не мог не быть. Для них эти планы были работой их редактора, Сперанского, и доля личного участия императора в содержании этих проектов для них не была ясна.

Что же касается самого Сперанского, то императору, конечно, было бы неприятно смотреть ему в глаза, когда пришлось бы все эти планы забросить и остаться при старом порядке, столь красноречиво и с явного одобрения монарха, раскритикованного Сперанским. Доверенный советник служил бы постоянно укоризною «ангелу», а таких впечатлений благословенный император не любил. К тому же деловая близость к императору раскрыла Сперанскому некоторые способы действия монарха, которым сам Александр хорошо знал цену и название, и которые поэтому тщательно от всех скрывал.

Дипломатические хитрости, обманы в обход своих же министров и послов, при которых самодержец лично разыгрывал совсем недостойные роли, могли быть известными только очень мелкой прислуге, лакеям, секретарям, полицейским агентам, но от людей сколько-нибудь крупных должны были оставаться тайною. А между тем, как уже отмечено выше, в такие личные тайны монарха Сперанский

ранский проникал и оказался, как в свое время поэт Овидий, свидетелем чего-то такого, чего видеть не должен был. Известно, что за такую свою удачу Овидий был изгнан из Рима, и понятно, что и в душе Александра такое неожиданное и нежелательное участие постороннего в деле деликатном и выставляющем «ангела» в столь неприглядном и даже смешном свете могло породить желание избавиться от молчаливой укоризны. Весьма возможно, что фактов, подобных истории с дешифровками и сношения с Талейраном, было несколько и что только дело Бека случайно дошло до нас, а остальные не оставили письменных следов. Одним словом, император слишком раскрылся перед своим ближайшим сотрудником и это ему простить не мог.

Такие ощущения не могли не влиять на решение императора расстаться со своим советником, а расставаясь с ним, император выигрывал очень многое. Россия стояла накануне решительной войны с Наполеоном; это знали все, и исход борьбы не мог не волновать императора. Удаление Сперанского, которого «все», то есть и приближенные к правящим кругам, и толпа считали его не то поклонником, не то клеветником Наполеона, могло поднять авторитет императора и укрепить его в общественном мнении. В такой серьезный момент Александр мог считаться с этим фактом и для своих целей использовать обстоятельства.

Если принять во внимание эти данные, то мысль о внезапном и эффектном удалении Сперанского от дел получает объяснение, соответствующее душевным свойствам главного деятеля в этом эпизоде, а инсценировал он его с обычным искусством.

Сперанский смутно чувствовал собирающуюся вокруг него грозу и пытался убрать паруса. В феврале 1811 года он представил государю отчет о своей деятельности и под этим предлогом высказал свои волнения. Он указывал на преследования, которым подвергался со стороны толпы подьячих и толпы вельмож, доказывал, что изобилие должностей, соединенных в его лице, слишком вы-

двигает его и на всех путях заставляет встречаться «и с страстями, и с самолюбием, и с завистью, и еще более с неразумием». Поэтому он просил освободить его от дел Финляндии и должности государственного секретаря, оставив только в незаметном звании директора комиссии законов. Тогда надеялся Сперанский «зависть и злоречие успокоятся. Они почтут меня ниспровергнутым, я буду смеяться их победе, а Ваше Величество раз навсегда освободите себя от скучных нареканий». Но император этой просьбе Сперанского хода не дал, вероятно, потому, что тогда время Сперанского еще не пришло, а политика еще не побуждала торопиться.

Однако к концу 1811 года обстоятельства изменились. Может быть, влияние оказало случайное событие, а именно, какое-то таинственное предложение Сперанскому со стороны двух лиц, пользовавшихся доверием государя, заключить с ними союз и учредить таким образом триумvirат, который управлял бы делами империи помимо монарха. Туманные намеки на такое предложение, без указания фамилий этих двух лиц (следует предполагать Балашова и Армфельда), имеются в одной записке Сперанского, и он склонен был придавать этому факту значение в деле своей отставки. По его мнению, в этом предложении заключалась уловка его врагов — они были уверены в том, что Сперанский на них не донесет, а они выставят его перед императором как человека, нарушившего Высочайшее доверие. Едва ли, однако, этот факт был решающий, — в конце 1811 года намерения Александра приобрели более определенные очертания, потому что приближалось объявление войны, и настала пора для эффектного акта.

В декабре 1811 года был привлечен лично императором, к полицейскому наблюдению за Сперанским видный чиновник министерства полиции, правитель канцелярии министра (Балашова) Яков Иванович де Санглен; это поручение должно было оставаться неизвестным Балашову. В записках де Санглена подробно рассказано о его тайных встречах с императором, о сношениях с Варнегом и Арм-

фельдтом, о подлом поведении Балашова, но из них нельзя извлечь ответа на самый интересный вопрос, что собственно желал выяснить Александр, привлекая де Санглена к непосредственному надзору за Сперанским, и в чем он подозревал Сперанского. Может быть, автор записок умышленно скрыл эту сторону дела, но вернее, что Александр не поставил ему никакой конкретной задачи и только собирал материалы о своем советнике для окончательного разговора с ним при разрыве. Из слов де Санглена можно сделать вывод, что и наблюдение за Сперанским никакого материала не дало и что де Санглен, со своей стороны, старался рассеять наветы, измышленные Балашовым.

Указанные мемуары (см. Русскую Старину 1883 г., январь и февраль, т. 37) были написаны де Сангленом по настоянию биографа Сперанского барона М.А. Корфа (см. Русскую Старину 1902 г., март, стр. 508 и след.), много лет после события 1812 года, когда автор их был уже в преклонном возрасте. Вероятно, кое в чем память ему изменяла, и едва ли можно верить каждому слову диалогов между ним и разными деятелями, в том числе и императором, которыми полны его рассказы. Опытный сыщик не стал бы вести дословных записей и дневников, которые при характере императора могли бы иметь для автора роковые последствия, да и судя по всему мемуары были действительно написаны на память. Но живость изложения свидетельствует о нетронутой умственной свежести автора. Он высказывает, между прочим, и определенные предположения о причинах падения Сперанского, но именно предположения, личные выводы, а не фактические данные. Все это вместе взятое заставляет думать, что Александр прибегал к услугам де Санглена, вовсе не имел в виду произвести розыск или дознание о каких-либо действиях или намерениях своего доверенного советника, а преследовал какие-то другие цели, сокрытые и от де Санглена. Может быть, он желал найти определенные фактические данные, которые могли бы облегчить ему мотивировку уже предрешенного удаления Сперанского, или собрать сведения о деятельности второсте-

пенных деятелей, в самом деле подозревавшихся в измене, которые вращались около Сперанского, или же просто не прочь был наблюдать, как грызлись между собой его агенты Балашов и де Санглен, и какими приемами оперирует первый в своей борьбе против Сперанского. И такое предположение не невозможно, если принять во внимание любопытство императора, его страсть созерцать людскую мерзость и в этом находить даже какое-то удовлетворение. Чистых людей он не любил и всегда старался найти у каждого его слабое место, рисующее его в неблагоприятном свете, и для таких изъязнов у него легко находились извинения.

Но с внешней стороны ничто не изменилось в положении Сперанского. Он остался при всех своих должностях и даже получил к 1 января 1812 года орден Александра Невского, сравнительно высокую награду. Однако вскоре же, в марте, император приступил к выполнению своего решения. 16 марта, когда уже все было решено, в беседе с дерптским профессором, академиком Парротом, которому он в это время любил доказывать благородство своей души и высоту своих чувств, император с негодованием рассказывал об измене Сперанского и грозил расстрелять его без суда. 17 марта Сперанский был вызван вечером к государю для доклада. После аудиенции, продолжавшейся более двух часов, Сперанский вышел из кабинета очень расстроенный со слезами на глазах. Из дворца он заехал к своему приятелю Магницкому, но оказалось, что его в этот же вечер уже выслали в Вологду. Дома же ожидали приезда Сперанского министр полиции Балашов и де Санглен, которые должны были опечатать его бумаги. После этой процедуры, поздно ночью, Сперанский, не пожелавший будить свою дочь и тещу, был увезен в ссылку в Нижний Новгород в сопровождении частного пристава Шипулинского.

Известие о ссылке Сперанского сильно поразило всех. Это событие описано во всех мемуарах эпохи, как нечто очень крупное по своим последствиям, неожидан-

ное, по крайней мере, в такой форме. И почти во всех мемуарах и письмах оно отмечается как нечто радостное, как справедливая, но слишком милостивая кара изменнику, продавшему и родину свою, и благодетеля. В этом отношении Александр в полной мере достиг желанного эффекта — вся Россия заговорила про его расправу; он очистился от скверны, державшей его в каком-то плену, отрекся от политики, проводимой через Сперанского, и мог уехать в действующую армию, примиренный с общественным мнением и поднявшийся в глазах всей России.

После изгнания Сперанского император разыгрывал свою роль с большим мастерством. В разговоре с наивным Парротом, человеком очень чистой души и стоявшим далеко от придворных и политической интриги, он выставил Сперанского изменником; наоборот, в беседах с людьми, близкими к своей особе и к Сперанскому, с кн. А.Н. Голицыным, Нессельроде, г-жой Кремерг, которым он стеснялся рассказывать такой вздор, напротив, он жаловался на «обстоятельства», отнявшие у него «его правую руку». Иным, например, И.И. Дмитриеву, он все-таки намекнул на то, что Сперанский опорочивал политические мнения правительства и старался разведывать какие-то государственные тайны. Но, в общем, император оставался непроницаем и об этом событии не распространялся в своих беседах с приближенными, а расспрашивать его, конечно, никто не смел. 26 марта получили назначение в армию Балашов и де Санглен, так что и наиболее близкие свидетели этого происшествия были удалены из Петербурга.

Естественно, что таинственная обстановка такого необычайного по форме удаления от дел самого видного сановника породила огромное количество слухов и предположений. Общий голос обвинял Сперанского в измене. Так думали и великосветские придворные, и дамы в заолустных усадьбах, и император открыто этого не опровергал. Оно и не удивительно — во время войны всегда люди склонны подозревать измену и предательство при малейшем к тому поводе, а в деле Сперанского их не трудно бы-

ло найти. Нет основания опровергать эти предположения. Сам император впоследствии и в собственноручном рескрипте Сперанскому 1819 года (который приведен ниже), и в беседах со своим другом Новосильцовым и некоторыми приближенными прямо отвергал эту мысль. Но причины изгнания Сперанского до сих пор считаются еще не раскрытыми, и бесспорного ответа на этот вопрос еще не имеется.

Тщетно искать какие-либо прямые сведения в архивах. Сперанский, как свидетельствует барон М.А. Корф, никогда не вступал в разговоры по этому предмету. Весьма возможно, что даже и запись прощальной беседы не пролила бы света на всю обстановку. Предположение, что последний разговор с монархом не содержал каких-либо веских и решающих обвинений, подтверждается последующими письмами Сперанского к Александру, прямо касающимися этого разговора. Из этих бесспорных документов видно, что и сам Сперанский ничего точного не знал, строил догадки и старался уловить в словах Александра какие-либо конкретные положения. В первом письме к Александру из Нижнего Новгорода, написанном 23 февраля* 1812 года, то есть всего неделю после высылки, под свежим впечатлением прощальной аудиенции имеются только косвенные попытки оправдаться от обвинений, которые, как казалось Сперанскому, играли решающую роль. Он пишет о бумагах, оставшихся в его кабинете и у императора, просит сохранить их, надеясь, что они послужат материалом для его реабилитации, а затем напоминает императору о необходимости особенно внимательного хранения рукописей «плана преобразований», причем в каждой фразе подчеркивается, что план этот составлен всецело по указаниям Александра. И говоря про план, Сперанский вставляет оборот речи совсем излишний, если бы он не имел в виду выразить в нем намек, разгадать

* Так в оригинале (стр. 99). В действительности — 23 марта. — *Прим. ред.*

мысль императора и ослабить ее значение: «Эта работа (т.е. план) — *первая и единственная причина всего, что со мной случилось*», документ слишком серьезный, чтобы оставаться в канцелярии. Так не мог бы Сперанский писать, если бы ему было прямо сказано, что намерения умалить власть монарха есть главная причина его изгнания, очевидно, говорилось что-то другое, чему ни Сперанский, ни монарх значения по существу не придавали, а из намеков и отдельных фраз у Сперанского сложилось впечатление, что настоящую причину надо искать именно в «плане».

В другом письме, более подробном, написанном гораздо позже (4 февраля 1813 г.), очевидно, припоминая весь ход разговора и сводя его к коротким тезисам, Сперанский пишет следующее: «Я не знаю с точностью, в чем состояли секретные доносы на меня взведенные. Из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвинений: 1) что финансовыми делами я старался расстроить государство, 2) привести налогами в ненависть правительство, 3) отзывы о правительстве».

Из этого и дальнейших оправданий Сперанского можно заключить, что беседа в существе своем сводилась к объявлению императором своего намерения тотчас же расстаться со Сперанским, причем, вероятно, Александр вел разговор не все время в гневном тоне, а намекал на необходимость удалить его от дел и из столиц, не распространяясь о месте и условиях ссылки.

Из других писем Сперанского к Александру, в которых он затрагивает причины и обстоятельства своего изгнания, можно делать вывод, что в прощальной аудиенции император проявил некоторые дружеские чувства. «При удалении меня от лица Вашего, Ваше Императорское Величество соизволили мне сказать, что во всяком другом положении дел, менее затруднительном, Ваше Величество употребили бы много времени и способов на подробное рассмотрение моего поведения и сведений, до Вас дошедших», — писал

Сперанский в июле 1916 года. Почти дословно те же выражения употребил и Александр, рассказывая Новосильцову (в 1912 г.) свое объяснение со Сперанским, а из дальнейших слов его видно, что он даже как будто для блага Сперанского настаивал на его отъезде из Петербурга и предоставил ему выбор места изгнания. Наконец, и из переписки Сперанского второго периода ссылки, до возврата в Петербург, видно, что не произошло ничего, делающего невозможным встречу его с Александром. Одним словом, не какие-либо отдельные факты и действия Сперанского руководили намерениями императора, а расчет на впечатление, какое он ожидал произвести в обществе.

В объяснение такого поступка, который он должен был хоть как-нибудь мотивировать, император сослался на указанные «три пункта обвинений», влагая их в уста обществу и давая понять, что и его личное мнение колеблется. Из всего контекста письма явствует, что император высказывался не очень определенно, а, скорее, намеками и давал понять Сперанскому, что им руководят обстоятельства, с которыми он только отчасти солидарен, и необходимость считаться с мнениями кругов, несогласных с политикой Сперанского. На такие туманные разговоры, из которых собеседник ничего определенного не выносил, Александр был великий искусник, и следует верить, что, несмотря на всю свою черствость и страсть играть людьми, эта прощальная беседа с ближайшим своим сотрудником, едва ли была для него совсем уже безразличной.

В отрывках, не включенных бароном Корфом в «Жизнь графа Сперанского» и опубликованных впоследствии И.А. Бычковым (Русская Старина 1902 г., апрель, стр. 5 и след.), имеется попытка реконструкции прощальной аудиенции на основании писем Сперанского и сообщений Ф.П. Лубяновского, которому Сперанский кое-что рассказал в Пензе в 1821 году. (На беседу Александра с Новосильцовым по поводу Сперанского Корф не ссылается). По этому рассказу вы-

ходит, что император, кроме обвинений, перечисляемых Сперанским в Пермском письме, упрекал его в стремлениях проникнуть в дипломатические тайны и в желании заключить союз с Армфельдтом и Балашовым и даже предъявил ему письмо, написанное Балашову, где говорилось, что Сперанский не может прибыть на свидание с Балашовым. Император вначале говорил гневно и не позволял Сперанскому вставить слово; в конце перешел на более мягкий тон и даже назначил Сперанскому явиться на следующий день к 12 часам, чтобы переговорить с ним о его отставке. Корф не ручается за достоверность рассказа Лубяновского, и, если не считать сомнительных мелочей, его сообщения мало в чем дополняют то, что можно извлечь из писем Сперанского. Интересный штрих вносит только фраза о том, что Александр назначил Сперанскому явиться к нему еще раз, отлично зная, что через несколько часов его должны были увезти.

Все это доказывается тем, что в Пермском письме Сперанский спорит с положениями, исходящими как бы от третьих лиц, но усвоенных временно или для вида Александром, и старается опровергнуть эти положения, прежде всего в смысле личной ответственности, указывая на то, что он являлся только точным исполнителем предначертаний, делал свое дело добросовестно, а кроме того, — и по существу, доказывая, что политика, которую проводил император, правильна и плодотворна и что к ней необходимо вернуться.

Если таким образом нельзя рассчитывать найти прямых свидетельств о «причине» изгнания, исходящих от Сперанского, то еще меньше надежд на отыскание каких-либо пояснений, исходящих от главного деятеля в этом эпизоде — от Александра. Совершенно невероятно, чтобы когда-либо император раскрыл все свои истинные мысли в беседах или на письме; после этого события он иногда вскользь высказывался о нем общими фразами, но смысл их всегда был <таков>, что «обстоятельства» вынудили его так поступить.

Следовательно, за отсутствием прямых свидетельств вопрос об этих причинах еще долгое время будет служить темой для всяких гипотез, но лично мне представляется, что разгадку его надо искать именно в общей обстановке и в личных свойствах Александра. Обстоятельства, как уже отмечено выше, действительно делали неудобным дальнейшее пребывание у власти сановника, дискредитированного в общественном мнении. Переустройство государства показалось и Александру невыполнимым в самый последний момент; очень заметные для всех финансовые мероприятия, порученные Сперанскому, казались неудачными и критиковались многими авторитетными лицами; реформы учреждений также давали объективный материал для осуждения, и, возможно, что император разочаровался в своем советнике.

Самым простым решением дела было бы увольнение Сперанского от дел, но личные свойства императора придали ему особое направление. Император пошел не прямым путем, а приложил все старания, чтобы по возможности в глазах общества углубить пропасть, отделявшую его от своего советника, чтобы дать обществу возможность признавать его, монарха, жертвою обманщика и преступника и тем самым подсвежить свой тускнеющий ореол. Ни один сановник, если не считать участников в убийстве Павла I, поистине недостойный, не был уволен при нем так эффектно и с таким треском, как Сперанский, казалось бы, самый близкий к нему человек. Но дело в том, что близость эта к тому времени уже прошла, ибо ослабели те увлечения, которым должен был служить Сперанский, каприз прошел, а нравственными чувствами, которые могли бы остановить императора от этой пикантной интриги, он не располагал.

Полицейскому уму де Санглена, как мне кажется, удалось разгадать намерения своего руководителя. «Государь, — пишет он, — вынужденный натиском политических обстоятельств вести войну с Наполеоном на отечественной земле, желал найти точку, которая, возбуждая пат-

риотизм, соединила бы все сословия вокруг его. Для достижения сего нельзя было ничего лучше придумать измены против Государя и отечества. Публика... все равно давно провозгласила по всей России изменником Сперанского. На кого мог выбор лучше пасть, как не на него... Государь доверил эту тайну графу Армфельдту, величайшему интригану... Армфельдт в свою очередь привлек других агентов, деятельность которых сталкивалась и перекрещивалась и поднимала некоторый шум вокруг этого дела. А затем, все актеры, кроме Царя, который был один деятелен и который один с Армфельдтом направлял таинственно весь ход драмы, остались в дураках».

Если принять во внимание обстоятельство и трудолюбие, с которыми Александр вел свои интриги, то, может быть, и вся вражда Армфельдта и его присных, одним словом, все то, что рисуется как последний натиск врагов Сперанского, было подстроено самим монархом. Однако такое предположение, лично для меня вполне правдоподобное, не может быть подкреплено прямыми доказательствами.

Ход рассуждений, которые изложены выше, соответствует тем выводам, которые желали выразить биографы Сперанского и Александра I, барон М.А. Корф и Н.К. Шильдер. Многого оба исследователя, в особенности же барон Корф, не имели возможности прямо сказать по цензурным условиям. Не дело истории читать в сердцах и выискивать неблагородные мотивы, руководившие теми или другими деятелями, но в обзоре личной деятельности Александра I, сотканного из самых разнообразных и не редко очень недостойных монарха переживаний, к сожалению, без этого не обойтись. В оправдание можно сказать только, что происходило это все в такой момент, который, по оценке Александра, был самым ответственным во всю его жизнь, и когда он взвешивал каждую мелочь, но в деле Сперанского он все-таки вложил слишком много своей души.

VI. Жизнь в ссылке

В Нижний Новгород Сперанский был доставлен 23 февраля*; везли его так скоро, что даже предписание министра юстиции к губернатору относительно его судьбы прибыло только на третий день по его приезду. Губернатору поручалось следить за перепиской Сперанского и доставлять ее в Петербург для доклада императору, а также следить за всеми лицами, которые находятся в общении со Сперанским, и доносить обо всем, достойном примечания. Но вместе с тем предписывалось оказывать Сперанскому «всякую пристойность по его чину».

Нижегородский губернатор Руновский, по свидетельству знавших его, человек сердечный и благородный, отнесся к Сперанскому благожелательно. Ему был отведен дом на лучшей улице города, и там Сперанский устроился удобно. По прибытии в Нижний Сперанский написал несколько писем — государю — о нем уже сказано выше, родным — в Черкутино, успокаивая их, Масальскому по поводу своих хозяйственных дел и, наконец, в Петербург, теще своей Стивенс и дочери, приглашая их приехать. Но семья его выехала с разрешения императора в Нижний на следующий же день после отъезда Сперанского, причем император поручил Балашову узнать, не нуж-

* Так в оригинале (с. 103). В действительности — 23 марта. — *Прим. ред.*

но ли им какого-либо пособия на дорогу. От пособия г-жа Стивенс отказалась и приняла только придворную карету. Путешествие их было очень тягостное, так как слух об измене и ссылке Сперанского уже проник на большие дороги, и когда из документов (подорожной) узнавали, что едет его семья, то их подвергали всяким обидам. К тому же теща Сперанского все время громко проклинала свою судьбу за то, что ей пришлось выдать дочь за такого преступника и этим, конечно, только усиливала подозрения окружавших. Путешествие длилось долго, более 2 недель; приехав в Нижний, дочь застала своего отца в спокойном и ровном настроении духа.

Первое время Сперанскому в Нижнем жилось не плохо, он даже купил себе дом на окраине города. В Нижнем его посещали старые приятели Злобин и Столыпин, заезжавшие туда по делам, один из Саратова, другой из Пензы. Благодаря заботам других своих друзей удалось наладить сношения с Петербургом помимо официальной почты, и нужды в деньгах он не терпел. Но постепенно обстоятельства изменились. Слухи о его измене проникали в народ все больше и больше и встречались с полной верой. На родине Сперанского, в Черкутине, крестьяне даже собирались громить его родных, так что они предполагали бежать. В Нижний стали прибывать беглецы, покинувшие родные места вследствие нашествия Наполеона, и, конечно, они не находили добрых слов по адресу сосланного «изменника». Все это отражалось на настроениях местных жителей, и они начали сторониться Сперанского. Правда, он жил уединенно, мало с кем виделся, у властей бывал только по официальным случаям, но каждое слово его подхватывалось и толковалось так, как это хотела толпа.

Согласно приказанию министра полиции за Сперанским зорко следили местные власти. Особенно усердствовал вице-губернатор Крюков, и некрасивую роль играл губернский предводитель дворянства князь Грузинский. Последний был в хороших отношениях со Сперанским по

Петербургу, даже на ты с ним, но это не мешало ему доносить обо всех словах Сперанского по начальству. Из полицейских рапортов явствует, что за Сперанским действительно следили и уведомляли Петербург обо всех сколько-нибудь интересных событиях и о словах его, касающихся «случившегося с ним происшествия», или событий дня. Ростопчин, главнокомандующий в Москве, также не забывал про Сперанского и сообщил Крюкову, что злоба черни опять обратилась на него и что некоторые лица отправились из Москвы в Нижний с целью убить Сперанского.

Конечно, все донесения о жизни и словах Сперанского, представляемые через Балашова императору, не могли иметь влияние на искреннее его мнение. По ним Александр мог только делать выводы для дальнейшего развития своей интриги и сообразоваться с настроениями толпы и общества. В конце августа (22-го) Крюков со слов кн. Грузинского донес, что Сперанский на приеме у архиерея рассказывал про бережное отношение Наполеона к духовенству и храмам в Германии, то есть сообщал благоприятные сведения о враге рода человеческого, который в то время уже подходил к Москве. Почти одновременно с этим рапортом Александр получил письмо и от Ростопчина из Москвы (от 20 августа), в котором указывалось, что Сперанский через Столыпина и Злобина ведет в Саратовской и Пензенской губерниях какие-то козни. Рапорты показывали, что изменник еще не забыт толпой, а Москву тем временем приходилось очищать.

Неудивительно, что император признал нужным снова освежить впечатление в толпе и польстить ее требованиям, подчеркнув, что он пребывает в своем недоверии к Сперанскому. 15 сентября начальник округа ополчения граф П.А. Толстой получил собственноручный рескрипт императора, к которому было приложено донесение Крюкова от 22 августа, с повелением: «Если оно справедливо, то отправить сего вредного человека под караулом в Пермь с предписанием губернатору от моего имени, иметь его под тесным присмотром и отвечать за все его

шаги и поведение». Как ни сурово было это распоряжение по отношению к человеку, ни в чем неповинному, но надо отметить, что император все-таки соблюл некоторую меру. Пермь тогда была маленьким заброшенным городком, но она лежала по эту сторону Урала, и ссылка туда как никак не была ссылкой в Сибирь, истинным патентом на звание государственного преступника.

Но, разумеется, это новое изгнание было большим ударом для Сперанского. Приходилось уезжать тотчас же, без семьи и при очень тяжелых условиях. Сперанский отправил через гр. Толстого письмо государю, но оно не было переслано по назначению.

В Пермь Сперанский был доставлен 23 сентября, к гражданскому губернатору Гермесу. Для жительства ему было отведено помещение в доме купца Попова. Попов еще и раньше, издавлек, внимательно следил за деятельностью Сперанского, относился к нему с симпатией и со своей стороны сделал все, что было в его силах для облегчения его пребывания в Перми. В руках барона Корфа были записки Попова об этом времени, и они дают полную картину. Сперанского встретили в Перми с большим любопытством, прежде всего, но на первых порах довольно враждебно. Нередко кричали ему на улицах «изменник», а мальчишки бросали в него грязью. Губернские власти, губернатор и архиерей, люди робкие и малодушные, сторонились его, к себе не приглашали, и от них Сперанский не получал даже внешних и официальных знаков внимания. Единственным человеком, с которым он находился в общении, был Попов; но денежные дела Попова были очень расстроены, а скоро иссякли деньги и у Сперанского. Ему пришлось всячески ограничивать себя, отказываться от кофе, вина, хорошего табаку. Приходилось складывать вещи и занимать деньги у прислуги, так как сбережения, привезенные в Нижний, частью пошли на задаток по покупке дома, частью же были отосланы в Петербург. Между тем расходы увеличивались, так как вскоре приехала его семья, а затем и брат, Кузьма Михайлович,

уволенный внезапно от должности Казанского прокурора и оставшийся так же без всяких средств. Некоторую денежную помощь оказали Сперанскому семейства Лазаревых и Всеволожских, но на средства частных благотворителей он и не мог, и не желал существовать. Тогда он обратился к графу П.А. Толстому с просьбой выхлопотать ему у императора какое-нибудь пособие, однако Толстой и этому письму не дал движения. Прождав некоторое время, Сперанский обратился с такою же просьбой к Балашову, переслав ему письмо к императору, которое на этот раз было доставлено по адресу. Сперанский просил об уплате жалования, не полученного им по 17 марта 1812 года. Император приказал выплатить ему все причитающееся и, кроме того, назначил 6000 рублей в год на содержание. Затем Сперанский жаловался на местное начальство, окружившее его невыносимым надзором. Балашов сообщал, что губернатору было подтверждено «обходиться с ним согласно высочайшей воле и не далее пределов, ею означенных». Одновременно с этим митрополит Петербургский Амвросий поручил архиерею передать поклон Сперанскому. Все это случилось в декабре 1812 года, и с этого времени жизнь Сперанского в Перми стала значительно легче. Его начали приглашать к себе в гости и навещать, и материальная нужда была устранена.

Но тем не менее жизнь в Перми и опала были невыносимы для Сперанского, и он принимал все меры к тому, чтобы как-нибудь восстановить себя в доверии Александра. В начале 1813 года Сперанский решил отправить свою семью из Перми в деревню Великополье, Новгородской губернии, доставшуюся его дочери по наследству от ее тетки Марианны Злобиной. По предположениям барона Корфа, Сперанский при этом имел в виду, главным образом, доставить письмо в собственные руки императора, минуя все промежуточные инстанции, которым он не доверял. Действительно его дочь, уехавшая 4 февраля 1813 года, довезла письмо до Петербурга, и оно дошло непосредственно до Александра. Это оправдательное письмо,

известное под именем «Пермского», написанное с искренним чувством и поразительным мастерством, один из лучших во всех отношениях образцов пера Сперанского, уже неоднократно упоминалось здесь. Успех оно не имело. Очевидно, император считал прощение Сперанского преждевременным; в его услугах он не нуждался, о судьбе его думал мало, ссылка Сперанского еще была свежа в памяти у всех, и прощение могло только вызвать пересуды или ослабить первое впечатление, столь искусно созданное императором.

9 июля 1813 года Сперанский опять обратился к императору. Поздравляя его с заключением почетного мира, он просил «дозволения сокрыть остаток скорбных дней своих» в Великополье вместе с дочерью. На этот раз его просьба возымела действие. Министр юстиции (Вязьмитинов) сообщил Сперанскому (31 августа 1814 г.), что император разрешил ему жить в Великополье «в полной будучи удостоверенности, что скромное в оной деревне житье его не подаст повода к каким-либо в отмену сего мерам». До прощения еще было далеко, менялось только место ссылки, надзор по идее оставался прежний, но все-таки Великополье было ближе к Петербургу, и это обстоятельство подавало некоторые надежды.

Великополье, небольшое имение, в свое время принадлежавшее графу Минину (81 душа и 1420 десятин), лежит в 9 верстах от Новгорода, и в то время представляло собою очень красивую и отделанную усадьбу. Здесь представился Сперанскому случай заняться сельским хозяйством и распоряжаться своими крепостными. В этом отношении, как свидетельствуют все наблюдавшие его жизнь, он вел себя безукоризненно. Он старался всячески поддерживать своих людей, снабжать их всем необходимым, заботился о их нравственности и гигиене, дворовым платил жалованье, чего в то время почти никто не делал. Мягкое и отеческое обхождение его с крестьянами даже вызывало осуждение со стороны соседей; добрая память о нем долго сохранялась среди крестьян.

Кроме того, Сперанский посвятил себя воспитанию и обучению своей дочери, которой с большим искусством преподавал все необходимые знания. У них часто гостила другая девушка, сверстница его дочери, Софья Вейхардт, которую Сперанский также очень любил и поучал разным наукам, в том числе Закону Божию по лютеранскому вероисповеданию.

Великополье по своему расположению около Новгорода, то есть вблизи от проезжей дороги из Петербурга в Москву, предоставляло более случаев для встреч с интересными для Сперанского людьми. Но в общем он вел очень уединенный образ жизни; изредка к нему заезжали друзья и посетители из Новгорода, но это бывало нечасто. Надзор за ним осуществлялся в формах пристойных, губернская администрация, вице-губернатор Муравьев (отец Муравьева Амурского), которому было поручено наблюдение за ним, тяготился этими обязанностями и относился к их исполнению формально. Часто Сперанский выезжал только в соседний монастырь св. Саввы Вишерского, куда ездил на церковные службы; он завязал сношения с братией и монастырскими властями, но выдающихся людей среди них не было. Так что в общем в Великополье дни протекали столь же монотонно, как и в других местах ссылки, не омрачаясь какими-либо печальными событиями, но и без радостей. В личных делах только одно обстоятельство действительно облегчило Сперанского и развязало ему руки — отъезд тещи г-жи Стивенс в Киев. С трудом удалось Сперанскому выпроводить ее из Великополья, причем он не жалел никаких материальных средств (при очень скудных средствах), чтобы сделать ей пребывание в Киеве удобным; ее отъезд (1815 г.) избавил его и дочь от несносных домашних дразг и сцен.

Будучи в ссылке обречен на безделье и не имея какой-либо постоянной текущей работы, Сперанский с праздностью не примирился. Незанятое время он восполнил работой над вопросами, которые всегда его интересовали, но которым он раньше не мог уделять достаточного досуга, —

вопросами религиозными. Тотчас же по приезде в Пермь он обратился к единственной в городе библиотеке — семинарской и принялся за чтение богословских книг; там он начал учиться древнееврейскому языку и довел свои занятия до конца в Великополье и Пензе. Религиозные вопросы всегда привлекали его внимание. Детские годы он провел в духовной среде, воспитание получил в духовной школе; он вынес из этих школ солидные в богословских науках познания; духовная школа не убила в нем искреннего интереса к делам веры, и к ним он всегда очень охотно возвращался.

Развитие его религиозного миросозерцания можно проследить по многочисленным письмам его разных эпох, в которых он пространно излагает свои взгляды. Такую переписку он сперва поддерживал со своими товарищами по учению, а затем и с лицами других кругов, в которых находил отклик. Кроме того, во время ссылки и позднее он записывал плоды своих размышлений, может быть, даже с целью когда-нибудь обработать их и свести к единству. Однако в этом материале нелегко разобраться. С одной стороны, в писаниях этого рода отражаются распространенные в обществе идеи, которые Сперанский воспринял охотно, ибо они соответствовали его настроению, а с другой — проявляется некоторая самостоятельность, результат личной мысли и той богословской подготовки в духе православной церкви, которую он располагал. К тому же записки и письма по большей части отрывочны, выражают преходящие настроения и не всегда поддаются хронологической систематизации. Обширный материал, сохранившийся в рукописном виде* и отчасти опубликованный, разработан специалистами еще далеко не в достаточной мере, а для непосвященных в детали мистической литературы начала XIX века и тонкости официального церковного богословия, он почти недоступен; самостоятельной мысли профана трудно отличить от набора слов и слащавой галиматьи.

* В рукописях Сперанского сохранилось до 2800 листов разных записей и записок по вопросам религиозным.

Можно, как кажется, уловить три периода в развитии религиозного мирозерцания Сперанского. Первый относится к его юношеским годам, когда он еще состоял в тесной связи с Александро-Невской семинарией. Тогда он следовал преимущественно тому, чему научился, но с некоторыми оттенками либерализма. Таким он представляется по его проповедям, читанным в качестве студента, и по некоторым другим запискам. Смерть жены, глубочайшее и сильнейшее потрясение, перенесенное им на заре зрелой жизни, освободило его от некоторого поверхностного налета вольтерианства, приобретенного им во время пребывания в доме князя Куракина.

Под влиянием искреннего горя его мысли обратились к высшим вопросам бытия, и он пытался черпать утешение в религиозных размышлениях. При этом он тотчас же встретился с течениями, господствовавшими в то время в западном обществе, оттуда занесенными в Россию и получившими большое распространение — с течениями мистицизма. Сперанский увлекся модными книгами Таулера, Эккартсгаузена, Штиллинга, Фенелона и другими, им подобными. Руководителем его на этом пути первое время был И.В. Лопухин, убежденный приверженец мистицизма, принимавший деятельное участие в его распространении. О таком направлении мыслей Сперанского свидетельствует его переписка с Лопухиным и в особенности с епископом Феофилактом Калужским (1804 г.). Некоторые письма к Феофилактору представляют собой длинные (в печатном виде — до 15 страниц) трактаты по вопросам мистицизма, в которых Сперанский защищает это учение от критических замечаний своего корреспондента.

В то время мистицизм уже имел много приверженцев в России и пользовался благожелательным отношением со стороны высшей власти. Издавались книги, посвященные его проблемам, со стороны официальных представителей церкви гонения на него не было, и распространению его содействовали специальные журналы,

среди которых особенное значение имел издаваемый Лабзинным «Сионский Вестник». Благодаря этому указанное течение религиозной мысли у нас приобрело своеобразный оттенок. Исследователь религиозного мирозерцания Сперанского, профессор Катетов, замечает по этому поводу следующее: «Представить в коротких чертах сущность мистического движения в русском обществе, выразителем которого был «Сионский Вестник», довольно трудно. Мистицизмом вообще называется религиозно-философское учение, по которому источником и утверждением достоверности истинного познания считается непосредственное созерцание или внутреннее чувство. Рассудочная деятельность при этом отодвигается на второй план и уступает место чувству и воображению. Таким образом, «субъективизм» составляет основную характерную черту мистицизма вообще.

Эта основная черта мистицизма вообще более заметна в религиозном мистицизме в частности. Главными факторами в этом последнем являются религиозное чувство и вера, основанная на этом только чувстве. При помощи этих факторов, помимо всяких условных вероисповедных форм, человек вступает во внутреннее общение с Богом и достигает наконец воссоединения с Ним, возрождения своего внутреннего существа во всей его первоначальной чистоте, что и составляет цель всех исканий религиозной мистики. Постоянное внутреннее общение с Божеством здесь, на земле, сопровождается созерцанием высших тайн, и окончательное совершенное соединение с Ним там, на небе, составляет, если можно так выразиться, существенный догмат мистики, предмет содержания всех мистических книг, в том числе и «Сионского Вестника». Сам «Сионский Вестник» определяет мистику как «учение о таинственном обращении души с Богом, когда Бог создает в сердце человека храм Свой, в котором живет Дух Его». Сообразуясь со своим взглядом на истинное христианство, мистики сводили сущность его к трем основным положениям. Первое заключается в том, что че-

ловек по самому своему созданию назначен был причастником божественного естества, каким и был Адам до падения, второе — в том, что падение лишило человека его первоначальной чистоты и жизни небесной и низвело его в жизнь земную, чувственную и нечистую, в жизнь плоти и крови; и, наконец, третье — в том, что искуплением человеку дана возможность восстановить себя в первобытной чистоте и непорочности и сделаться снова таким, каким был Адам до падения.

Это восстановление в человеке первоначальной чистоты и непорочности называлось у мистиков возрождением, и было главным предметом их рассуждений. Они указывали пути к достижению этой основной цели и подробно описывали самый процесс постепенного восхождения от жизни чувственной к жизни духовной, свойственной вполне возрожденному. Таулер, например, указывал три системы в поступательном движении каждого человека к его конечной цели: «вхождение» человека в самого себя, то есть собрание внутри себя всех высших и низших сил; «исхождение» всех сил из души, иначе самоотречение и самоуничужение и, наконец, «соединение души с Богом, то есть рождение Бога в душе».

Несколько иначе представляется путь возрождения в книге «Мысли на досуге поучающегося истинам веры» (1815 г.). Приняв за основание слова Спасителя «Аз есмь путь, истина и живот», автор указывал следующие ступени на лестнице восхождения к возрождению человека: «Христос-путь возрождает чувственного человека через веру в Иисуса и через обращение от мира и чувственности к духу и внутренности на путь крестный. Христос-истина воспитывает обращенного и возрожденного через непрестанное укрепление его духом истины.; Христос-жизнь создает в обновленном сердце возрожденного храм Духу Святому, а Дух Святой уже наитеснейшим образом соединяет верующего со Христом».

Итак, царствие Божие следовало каждому искать в себе, и непосредственное созерцание обеспечивало досто-

верность истинного познания Бога. Человек причастен божественному естеству, при помощи веры и чувства можно найти Бога. Самый верный путь к нему — молитва, которая может быть трех степеней, устная, мысленная и созерцательная. Церковь внешняя, то есть обрядовая сторона, в самом широком смысле стояла на втором плане, на первый выдвигается церковь внутренняя, которую каждый носит в себе. Это учение, которое в различных вариантах излагалось и в заграничных, и русских рассуждениях, имело большой успех в обществе по разным причинам. Прежде всего потому, что оно увлекало императора, уже и в юные годы задумывавшегося над религиозно-мистическими вопросами. В связи с этим оно получило распространение в великосветских салонах и сделалось модным. Затем, оно по существу своему представлялось очень удобным и приятным. Никаких особенных жертв оно не требовало, тягостных или неудобных обрядов не навязывало; царство небесное обеспечивалось путем внутренних процессов, и в конце концов от каждого в отдельности зависело решить, достиг ли он уже высшей ступени совершенства при посредстве размышления и молитвы.

По свидетельству компетентных исследователей, второй период развития религиозного мирозозерцания Сперанского характеризуется исповеданием начал этого учения. Среди множества дел государственных он находил время на размышление над этими вопросами, и плодом его являются разные заметки и записки, сохранившиеся в его бумагах. Так, даже в 1809–1810 годах, когда, казалось бы, у Сперанского не было ни одной свободной минуты, он успел набросать рассуждение о «религии» и некоторые другие. Следует, однако, подчеркнуть одно обстоятельство, отчасти упущенное из виду указанными исследователями, а именно то, что Сперанскому в беседах с императором приходилось касаться и этих предметов и весьма возможно, что некоторые записки этого рода являются чем-то вроде всеподданнейших докладов по религиозным предметам. На них он прямо указывает в своем письме из Перми.

Затем последовала ссылка, и этот неожиданный удар судьбы послужил новым толчком для углубления его занятий вопросами веры. Этот третий период характеризуют исследователи как эпоху окончательного усвоения мистических учений; Сперанский искренно проникся ими, овладел ими не только с внешней, если так можно выразиться, литературной стороны, как некоторую программу, но действительно проникся ими и воспринял их как истинное убеждение. Об этом свидетельствуют обширные письма его из Перми к старым друзьям Цейеру и Славцову (товарищу по Александровской семинарии; с ним он лично виделся впоследствии в Иркутске), представляющие длинные религиозно-философские трактаты. Из этих рассуждений видно, далее, что Сперанский не утратил некоторой самостоятельности мысли, и выразилась она в том, что он не рабски следовал заграничным и русским авторитетам «по мистической части» и, в частности, не забывал про близкую ему православную, «внешнюю» церковь. Наряду с рационализацией мистического учения, прямого следствия его острого и аналитического ума, совершенно определенно выступало его увлечение красотами религиозного обряда, молитвой церковной. Это окончательно сложившееся мирозерцание затем сопровождало его до конца жизни.

Такое впечатление оставляют и рассказы очевидцев, перед которыми Сперанский не раскрывал своего сердца, но которые могли судить по внешним признакам. Все они описывают его как человека глубоко верующего, душа которого находилась в полной гармонии с тем религиозным миром и миром, который он в себе носил. «Аракчеев — богомол, но слабой веры; Сперанский набожен и добродетелен, но мало исполняет обряды», — так отзывался Батеньков (в своих показаниях по делу декабристов), хорошо знавший обоих. Но и обряды, и церковный строй в религии Сперанского играли роль не такую уже незаметную; это доказывается его пространственными и красноречивыми рассуждениями о литургии Иоанна Златоуста и Ва-

силия Великого, в которых он умел находить множество красот и возвышенного смысла.

В связи с таким настроением стоят его ученые и интеллектуальные работы во время досугов ссылки. В Перми он закончил перевод книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу», начатой им еще в 1805 году. Впоследствии, при посредстве князя А.Н. Голицына, этот перевод был напечатан на казенный счет (1819 г.), причем за печатанием наблюдал А.И. Тургенев. Переводил он также и отрывки из Таулера и, кроме того, занимался патристикой*. Особенно много времени уделял он писаниям отцов церкви в Великополье, найдя полное их собрание в монастыре Саввы Вишерского. По мере чтения он делал выписки и собрал огромную кипу заметок. Об этих занятиях Сперанского дают ясную картину его письма к кн. Голицыну, председателю библейского общества. Возможно, что Сперанский пытался свести плоды своих размышлений в систему; в бумагах его сохранился даже набросок плана обширного богословского сочинения, но осуществления этот план не получил.

Но не о божественном только размышлял Сперанский в ссылке. Мысль о реабилитации, мечта о возврате на службу все время преследовала его и заставляла искать необходимых для этого средств. Сперанский не мог не знать того, что знала вся Россия, а именно, что самым влиятельным человеком в те времена сделался Аракчеев. С начала 1816 года Аракчеев, по словам близкого к нему человека, «прибрал к рукам» все; через «Собственную Канцелярию», ему порученную, проходили все дела к царю, министры даже редко видели императора, а напротив все, что так или иначе интересовало Аракчеева, получало Высочайшую санкцию. Император даже не проявлял желания советоваться с кем-либо другим и сносился с импери-

* Совокупность теологических, философских и политико-социологических доктрин христианских мыслителей II–VIII вв. — т.н. отцов церкви. — *Прим. ред.*

ей через него. Некоторые предметы (например, внешняя политика), конечно, оставались по-прежнему в круге личных интересов императора, по некоторым вопросам он оставался непреклонным и возражения, весьма, разумеется, робкие, даже Аракчеева, его не останавливали. Поэтому Аракчеев, прекрасно знавший своего благодетеля, всегда проявлял величайшую осторожность в своих с ним сношениях, но никто кроме него не мог уловить или подстроить подходящую для просьбы минуту, и если что-либо не удавалось ему, то не удалось бы никому другому.

Представляя себе по-прежнему опыту с полной ясностью новую придворную обстановку и чутьем понимая сущность отношений Александра к Аракчееву, Сперанский решил действовать через последнего. Аракчеев часто бывал в своей деревне Грузино, находившейся всего в 70 верстах от Великополья, и эта близость облегчала сношения. Сперанского обыкновенно осуждают за обращение к Аракчееву и усматривают в этом поступке признак того душевного перелома, который он испытал в ссылке. Сперанский первой эпохи, как говорят, действовал бы иначе; тогда он был другим человеком, а после Нижнего и Перми, парализованный и расслабленный душевно, он уже был не прежним борцом за свободу, а слабым человеком. Едва ли это так; напротив, нельзя найти в поступках Сперанского первого периода своей деятельности примеров проявления особенного чувства собственного достоинства, непреклонности или гордости, не позволявшей ему идти на компромиссы или унижения. Судьба щадила его и избавила от таких конфликтов, а эластичность характера и природный такт сокращали поводы к ним; с влиятельными людьми он и тогда не вступал в борьбу, но не было случая, когда обстоятельства заставили бы его особенно унижаться.

В частности, с Аракчеевым у него столкновений не было, как не было и дружбы. Они вращались по разным орбитам; Аракчеев тогда еще не был в официальном фаворе, ибо Александр был иначе настроен, чем после 1812 го-

да, и внутренняя политика направлялась другими идеями. Одним словом, не было ничего такого, что делало особенно затруднительным обращение Сперанского к Аракчееву, кроме одного соображения — возможности получить от Аракчеева отказ, основанный на боязни снова приблизить Сперанского к императору и тем ослабить свое монопольное положение. И, разумеется, обращение бывшего первого министра и любимца к новому временщику не могло быть приятным для просителя.

Зная характер Александра, Сперанский отправил через Аракчеева два письма. Одно, адресованное лично императору, было кратко и сводилось к напоминанию слов монарха о том, что он карает его, не расследовав «по обстоятельствам времени» его виновности, и к просьбе обратить внимание на его судьбу. Другое, пространное — лично Аракчееву; однако Сперанский, зная, что и оно будет доложено Александру, редактировал его соответственно. Оно составлено искусно; в нем подчеркнута тяжесть ссылки, ложное его положение и намечаются выходы из такого состояния. Он просил или назначить над ним суд, или вновь определить его на службу, на какой угодно должности, с тем, чтобы службою он мог оправдаться. В письме подказывалась даже редакция соответствующего указа.

Письма эти возымели действие, но не сразу, Аракчеев любил созерцать людское унижение перед собою и, по видимому, потребовал личной явки к нему Сперанского (в Грузино). Но, взвесив все обстоятельства, Аракчеев счел все-таки возможным помочь Сперанскому; видимо, он не слишком боялся за умаление своего влияния, из осторожности, впрочем, устраняя личное свидание Александра со Сперанским, на котором, должно быть, и император не настаивал.

30 августа 1816 года состоялся указ о назначении Сперанского Пензенским губернатором, а Магницкого, за которого Сперанский также прямо просил, — Воронежским вице-губернатором. Указ четыре раза переписывался, ибо Александр никак не мог найти для него подходя-

щую редакцию. В ней он хотел выразить одновременно и то, что Сперанский в чем-то виноват, и то, что он ни в чем неповинен. В окончательной форме он гласит: «Перед начатием войны в 1812 году, при самом отправлении моею в армию, доведены были до сведения моего обстоятельства, важность коих принудила меня удалить от службы тайного советника Сперанского и действительного статского советника Магницкого, к чему во всякое другое время, не приступил бы я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращении моем приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их и не нашел убедительных причин к подозрениям. Потому, желая преподать им способ усердною службою очистить себя в полной мере, все-милостивейше повелеваю» и т.д.

Таким образом, со Сперанского была снята опала, и ему снова открывался путь к должностям. Правда, из записки Аракчеева, приложенной к указу, Сперанский узнал, что ему велено было прямо ехать в Пензу, никуда не заезжая, с императором он, следовательно, встретиться не мог, но время, как полагал Сперанский, должно было внести перемены и в эти ограничения. По дороге в Пензу Сперанский заехал на родину навестить своих родных, затем был во Владимире, где посетил семинарию, в которой учился. С бывшим своим учителем протоиереем Певницким он встретился необыкновенно дружественно и почтительно, и проявил искренний интерес к семинарским делам. По прибытии в Пензу (20 октября) он тотчас же написал благодарственное письмо Аракчееву.

Деятельность Сперанского в Пензе ничем особенным не ознаменовалась. Сперва дворяне побаивались, что он слишком будет держать сторону крестьян, однако Сперанский, вскоре же по прибытии, посек взбунтовавшихся крестьян одной большой деревни, и страхи рассеялись. Кроме того, большую помощь оказала ему дружба со Столыпиным, обладавшим в губернии обширными связями среди дворянства. А личным обхождением он очаровал

всех, кто с ним имел дело: и чиновников, и дворян, и губернских дам. В сущности, он большого и не мог сделать в этой должности, для крупных реформ простора не открывалось. Насколько возможно, он боролся с злоупотреблениями, в том числе и помещичьею властью, старался обеспечить правосудие, взяток не брал, а по тем временам все это вместе взятое составляло благодеяние для края. Не удивительно, что он снискал симпатии и уважение населения.

Его дочь одно время оставалась в Великополье, но потом, когда пребывание в Пензе затянулось, дольше чем рассчитывал Сперанский, приехала к отцу. В Пензе Сперанский продолжал коротать досуги занятиями над религиозными вопросами и завершил изучение древнееврейского языка; занялся также изучением немецкого.

Но к этим занятиям присоединились еще и другие. Официальное прощение открывало для Сперанского пути к возобновлению прежних своих связей. Можно было писать сановникам, к которым раньше Сперанский не решался обращаться, можно было пытаться вступить в неофициальную переписку с самим императором. Этим Сперанский не замедлил воспользоваться. Предлог к письму, адресованному лично императору, был выбран Сперанским очень ловко, — поздравляя его с Новым (1817 годом), он распространился о пользе и деятельности Библейского общества. Эта тема интересовала императора и давала возможность заговорить не официальным языком, а кроме того, ставила письмо вне контроля Аракчеева. В этих предметах Аракчеев ровно ничего не понимал, и эта область интересов монарха разрабатывалась другими приближенными, в частности князем Александром Николаевичем Голицыным. Правда и князь Голицын побаивался влияния Сперанского, но Голицын был большим барином и настоящим вельможею, следовательно, с ним легче было иметь дело. На это письмо государь отвечал в общем милостиво, хотя и не собственноручно, а через кн. Голицына, и этот ответ, начало личной переписки, очень обрадовал Сперанского.

Второе письмо он отправил императору к 1 января 1818 года, и опять получил ответ. Затем завязались у него сношения с бывшим противником своим, министром финансов Гурьевым. Несмотря на резкую оппозицию, которую Гурьев оказывал Сперанскому в последние месяцы 1812 года, после ссылки он сразу переменял свое отношение к нему и напротив старался ему помочь. Возможно, что такой оборот объясняется влиянием Нессельроде, женатого на дочери Гурьева, а вернее, свойствами характера самого Гурьева. Как бы то ни было, Гурьев прилагал старания, чтобы увеличить жалование и другие пособия, назначенные Сперанскому, а затем исхлопотал ему пожалование 5000 десятин в Саратовской губернии (1818 г.).

С Гурьевым Сперанский поддерживал оживленную переписку по разным финансовым вопросам, которые Гурьев пересылал ему, желая знать его мнение, и надо согласиться с бароном Корфом, что в письмах Сперанского обнаруживаются кроме таланта еще некоторые черты его характера, которых «отсутствие еще более увеличило уважение к этому таланту». Действительно, великое искусство и мастерство пера сквозит в этих письмах. Сперанский умел поставить себя так, что корреспонденты видели в нем «прежнего» своего знакомого, не простого губернатора, а человека с сановным прошлым; вместе с тем они должны были с удовольствием читать его письма, находя в них объективную, критическую, но всегда приятную оценку их действий и мыслей, полное признание их дарований. Но вот здесь не всегда Сперанскому удавалось соблюсти должную меру. Уже в письмах к Гурьеву он иногда перехватывал через край, а в письмах к Аракчееву заходил совсем далеко. Некоторые слова в этих писаниях можно было бы принять за насмешку, если бы не объяснялись они судорожным желанием автора во что бы то ни стало заслужить снисхождение этого влиятельного хама. «Всякий знак памяти вашей для меня драгоценен, но воспоминание из Грузина еще драгоценнее. В сей святой обители (!) все мысли идут от сердца чистого, от побуждений

благородных, один раз приятных и никогда не переменяемых» и т.д. Подобные фразы встречаются и в других письмах к Аракчееву.

В переписке с Аракчеевым Сперанский всегда, и в Пензе, и потом, проводил своеобразный тон, какого в других письмах не встречается. Они полны безвкусной шутовщины, слащавых фраз об обители Грузинской и ее настоятеле, и очень грубой лести. Очевидно, Сперанский считал этот тон для Аракчеева особенно подходящим и приятным и, вероятно, не ошибался. Тонких оттенков стиля и вкуса Аракчеев, должно быть, не улавливал (хотя сам умел свои мысли выразить точно и в оригинальной форме, подчас даже весьма искусной форме), и с этим сообразовался Сперанский. С Аракчеевым Сперанский обменивался письмами чаще, чем с другими, причем первый иногда и по своему почину писал Сперанскому, не только в ответ на его обращения.

Но, конечно, вообще все сношения Сперанского с петербургскими вельможами имели определенную цель — напоминать о нем и выводить его на дальнейший путь. Его мечтою было вернуться в Петербург, и он просил для себя не очень многого, должности сенатора. В первый раз он передал свою просьбу монарху устно через Нессельроде (1818 г.), который проезжал через Пензу и посетил Сперанского. Государь, как сообщил Нессельроде, расспрашивал его о Сперанском с интересом и с теплотой, а относительно дальнейшей его служебной судьбы выразился туманно, что де его роль будет расширена, то есть намекал на возможность назначения генерал-губернатором. Нессельроде поэтому не решился передать просьбы Сперанского, но определенно советовал ему прямо обратиться к монарху.

Сперанский тотчас же написал государю письмо через Вязьмитинова (1 августа 1818 г.), но получил вскоре ответ, что государь «соизволил принять оное весьма милостиво и оставить у себя», то есть что осталось оно без последствий. После этого Сперанский обратился к своему бывшему начальнику Кочубею, излагая ему свои жела-

ния. Но осторожный Кочубей, написавший ему в ответ пространное и любезное письмо, определенного содействия не обещал; он советовал представить императору проект преобразования губернского управления и проситься в отпуск. Сперанский некоторое время колебался, но потом отправил Вязьмитинову прошение о четырехмесячном отпуске в Петербург для устройства своих дел. Он не рассчитывал на успех, ибо в глубине души не мог не согласиться с замечанием Кочубея, вскользь брошенным в его письме «что трудно взять на себя увидеть Вас при самом несомненном однако же желании, чтобы сие совершилось». Насколько искренно было это желание, можно сомневаться, но бесспорно, что Александру было бы неприятно смотреть в глаза Сперанскому, а неприятных минут он не любил.

Сперанский надеялся на то, что просьба об отпуске так или иначе ускорит решение его судьбы, и наученный опытом, снова просил о помощи Аракчеева, у которого, как он ему прямо писал, «милость и истина сретотася, правда и мир облобызастася» (!) В ответ на это обращение получил он от Аракчеева два письма; в одном говорилось, что Великополье куплено в казну, как того хотел Сперанский, за 140 000 рублей, а что об отпуске он и не докладывал царю, ввиду удостоения Сперанского новою доверенностью и новым важным поручением, а другое было частного содержания. В нем Аракчеев открывается во весь рост; оно не длинно, но сколько в нем глумления и издевательства над своим корреспондентом! Все оно написано в отвратительном тоне поддельного добродушия и прямоты, с нескрываемой насмешкой. Он писал, что любил Сперанского «тогда, как Вы были велики и как Вы не смотрели на нашего брата», надеялся, что в старости, оставив службу, он будет из Грузина наблюдать и утешаться «как истинно русский новгородский неученый дворянин, что дела государственные находятся у умного человека, опытного как по делам государственным, так более еще по делам сует мирских», и будет беспокоить Сперанского толь-

ко «в необходимых случаях». Трудно в коротких словах наговорить больше обидного, чем сделано это в письме Аракчеева.

Одновременно с этим пришли и два собственноручных письма от государя. Одно было официальное — рескрипт о назначении Сперанского Сибирским генерал-губернатором. Проект рескрипта был заготовлен в канцелярии Аракчеева по общему шаблону, но, как видно из сохранившегося чернового наброска, император им остался недоволен и написал его сам. Это письмо настолько важно для характеристики чувств Александра к Сперанскому и его умения писать, что необходимо привести его целиком: «Более трех лет протекло от того времени, как, призвав вас к новому служению, вверил я вам управление Пензенскою губерниею. Открыв таким образом дарованиям вашим новый путь соделаться полезным отечеству, не переставал я помышлять о способе, могущим изгладить из общих понятий прискорбные происшествия, последовавшие с вами в 1812 году и столь тягостные моему сердцу, привыкшему в вас видеть одного из приближенных к себе. Сей способ, по-моему мнению, был единственный, то есть служением вашим дать вам возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали вас. Иначе призыв ваш в Петербург походил бы единственно на последствие дворских изменений и не загладил бы в умах оставшиеся неприятные впечатления.

Управление ваше Пензенскою губерниею и общее доверие, кое вы в оной приобрели, будет полезным началом предполагаемого мною способа. Но желание мое стремится к тому, дабы открыть служению вашему обширнейшее поприще и заслугами вашими дать мне явную причину приблизить вас к себе.

Ныне предстоит для исполнения сего наилучшая удобность.

С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия на счет управления Сибирского края. Разные жалобы присланы ко мне на губернские начальст-

ва и на потворное покровительство, оказываемое оным самим генерал-губернатором. Быв рассмотрены в Комитете министров, они показались столь важны, что предложена мне оным посылка сенаторов для обревизования Сибирских губерний.

Имея уже неоднократный опыт, сколь мало подобные ревизии достигают своей цели, кольми паче нельзя ожидать лучшего успеха в столь отдаленном и обширном крае. Посему нашел я полезнейшим, облеча вас в звание генерал-губернатора, препоручить вам сделать осмотр Сибирских губерний и существовавшего до сего времени в оных управления, в виде начальника и со всеми правами и властью присвоенными званию генерал-губернатора.

Исправя сею властью все то, что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям, предав кого нужно законному суждению, важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края, и, сделав оному начертание на бумаге, по окончании занятий ваших самим привезти оное ко мне в Петербург, дабы имел я способ узнать изустно от вас настоящее положение сего важного края и прочным образом установить на предбудущие времена его благосостояние.

По моему исчислению, возлагаемое на вас препоручение может продлиться года полтора, или по большей мере два. Сего времени я полагаю достаточным вникнуть вам во все подробности сибирских дел и сообразить с точностью, лучший порядок ко введению в сии отдаленные губернии.

Таким образом, я надеюсь, что устройство сего генерал-губернаторства, вами заведенное, и которое в начертании вы мне представите по приезде вашем в Петербург, поставит меня в возможность назначить вам преемника, с уверенностью о продолжении благосостояния Сибири. Вам же предоставляю я себе дать тогда другое занятие, более сходное тому приближению, в коем я привык с вами находиться».

В другом письме император отклонил просьбу об отпуске, ссылаясь на важность сибирских дел, и надеялся по окончании ревизии Сибири получить «действительную возможность основать уже ваше пребывание навсегда, при мне, в Петербурге». Оба документа помечены 22 марта 1819 года. Сперанский читал эти письма со смешанным чувством. С одной стороны, в них были выражены чувства, которые должны были его радовать, и обещания, которые шли даже дальше его пожеланий, но им он плохо доверял. Однако вместе с тем он, во-первых, отсылался еще дальше от Петербурга, чем был, и, во-вторых, мог опасаться, что эта новая «милость» в широкой публике будет истолкована совсем иначе. Сперанский очень ловко дал это понять Александру и особенно Аракчееву, а вскоре получил письмо в ответ на эти свои жалобы, но не от Аракчеева, а от князя Голицына, где ему передавалось по прямому поручению государя, что в публике новое назначение произвело вообще хорошее действие, а что отказ в отпуске остался тайною для всех.

Итак, сбылось предчувствие Сперанского. «Что я ни делал, — писал он А.А. Столыпину 1 апреля 1819 года, — чтобы избежать Сибири, и никак не избежал. Мысль сия, как ужасное ночное привидение, преследовала меня всегда, начиная с 17 марта 1812 года, и, наконец, настигла».

VII. Управление Сибирью

По смыслу рескрипта 22 марта 1819 года Сперанскому поручались в Сибири две задачи. Во-первых, ревизия этой окраины; для этого ему были предоставлены права ревизирующего сенатора. Сенаторские ревизии в те времена происходили довольно часто в разных местностях и в принципе рассматривались как полезная и нормальная мера высшего надзора за местным управлением. Впрочем, ревизии назначались нередко для того, чтобы дать занятие и прогоны заскучавшим сенаторам из обладающих влиятельными связями, но иногда действительно употреблялись как самое последнее и сильное средство для борьбы со злоупотреблениями на местах. Особенных результатов эти ревизии, если не считать отдельных случаев, в общем, не приносили. Сибирь не подвергалась ревизиям, ибо ездить туда было мало охотников*. Во-вторых, поручалось Сперанскому выработать проект новой организации сибирского управления.

Сибирь действительно нуждалась и в том, и в другом. Сибирские губернии, Томская, Тобольская и Иркутская, были учреждены по общему губернскому образцу, с

* Единственной ревизией, отправленной в Сибирь до Сперанского, была ревизия губерний Пермской, Тобольской и Иркутской сенаторами Ржевским II и Левашовым в 1800 году. Она результатов никаких не дала.

некоторыми отступлениями от общего порядка, сложившегося на почве Екатерининского Учреждения о губерниях и позднейших дополнений к нему. Так, например, за отсутствием дворянства, должности, в империи замещаемые по выбору от этого сословия (административные и судебные), в Сибири замещались по назначению от правительства. Но, кроме того, ряд местных условий затруднял проведение в жизнь даже тех незначительных гарантий законности и порядка, которые в теории должны были обеспечиваться этим законодательством. Подготовленных и добросовестных чиновников было мало, население было редкое, а расстояния огромные, и надзор, особенно необходимый при таких обстоятельствах, фактически ослаблялся в сильнейшей мере. Разнообразие культурного уровня населения и быта населения плохо принималось законодателем в расчет, а положение многочисленных инородческих племен не регулировалось сколько-нибудь достаточными правилами. То же самое можно сказать и про многочисленный, для местной жизни очень важный разряд населения, — про ссыльных. Людей ссылали в Сибирь, а что-то там из этого выходило, об этом никто не заботился. Отсутствовало, наконец, общественное мнение, то есть, точнее, мнение дворянских кругов, с которым, как-никак, а приходилось считаться администраторам в империи, и которое ставило им все-таки некоторые преграды.

Что же касается практики управления, то она была ниже всякой критики. Начать с того, что предшественник Сперанского по должности генерал-губернатора Пестель (отец декабриста) одиннадцать лет прожил в Петербурге (с 1808 по 1819 г.), а в Сибири провел всего только три года (1805–1808 гг.). Но от его пребывания там краю не было лучше; свою обширную власть он употреблял преимущественно для действий своевольных — уничтожал договоры частных лиц между собой и с казной, прижимал население и прогонял неудобных чиновников по своему капризу, причем страдали наиболее достойные лица. Двух губернаторов он преследовал в судебном порядке без до-

статочных оснований, главным образом, чтобы под этим предлогом жить в Петербурге, а другого видного чиновника, генерал-майора Куткина (управляющего Тобольской провиантской комиссией), продержал в тюрьме 9 лет только потому, что Куткин был человек независимого нрава и спорил с ним.

Таким образом, край был предоставлен трем губернаторам бесконтрольно. Тобольский, фан-Брин был в очень преклонном возрасте и ни во что не входил; Томский, Демьян Васильевич Илличевский, товарищ Сперанского по Александровской семинарии, был обыкновенный взяточник того времени, из мелких, а Иркутский — Трескин воплощал в себе черты настоящего сатрапа. Под их прикрытием свили себе гнезда все пороки тогдашнего управления — взяточничество второстепенных агентов власти, неправосудие, одним словом, все обычные атрибуты губернской администрации, особенно пышно развивавшиеся в Сибири. Все это вызывало жалобы населения, но Пестель прикрывал своих ставленников, а Пестеля поддерживал Аракчеев. Однако в 1818 году Аракчеев к нему охладел, по-видимому, потому, что покровительница Пестеля, некая Пукалова, разошлась со своим приятелем Аракчеевым, и тогда последний дал ход положению Комитета министров, в котором указывалось на необходимость назначения в Сибирь нового генерал-губернатора (ноябрь 1818 г.). Некоторое время прошло на подыскание кандидата, а тут как раз подошли прошения Сперанского об отпуске; его и назначили.

Деятельность Сперанского в Сибири оставила сильное впечатление в местном обществе. О его пребывании память сохранялась долгое время как о светлой эпохе, с которой началась лучшая жизнь. Многочисленные рассказы о словах и поступках Сперанского были записаны его поклонниками, о личных его настроениях свидетельствуют многочисленные письма, а официальные документы, сохранившиеся в архивах, разработаны и опубликованы исследователями сибирской окраины. Благодаря ука-

занным трудам можно получить ясное представление об этом периоде деятельности Сперанского.

Ревизия прежде всего предполагала расследование жалоб, поступивших на местную администрацию, и судебных дел, уже начатых, так как имеющийся следственный и судебный материал не внушал доверия. Для проверки его надлежало объездить все крупнейшие центры края. В этих работах Сперанский располагал небольшим количеством сотрудников; главную часть составляли чиновники канцелярии Пестеля, жившие вместе со своим начальником в Петербурге, а из верных ему людей были приглашены только очень немногие: Цейер, Жорж Вейкард, совсем еще молодой человек, Репинский и домашний учитель в доме Столыпиных Вильде.

В мае 1819 года Сперанский проехал через Казань и Пермь, где его чествовало дворянство, и 24 мая прибыл в Сибирь, в Тобольск, где вступил в отправление должности. В Тобольске свита его увеличилась Гавриилом Степановичем Батеньковым, капитаном корпуса инженеров путей сообщения; Сперанский его очень любил и впоследствии привез с собой из Сибири; он и в Сибири, и в Петербурге жил в доме Сперанского, до ареста по делу декабристов. Через месяц Сперанский выехал в Томск (26 июня), по дороге посетил Омск и через Каинск проехал дальше в Томск (6 июля). Здесь его уже ожидали всякие жалобы на Илличевского, только часть которых он успел разобрать, так как торопился в главное гнездо злоупотреблений — Иркутск. На каждой остановке в пределах Иркутской губернии его осаждали жалобщики и на губернатора, и на исправников. Одного из них, величайшего вора и негодяя Лоскутова, Сперанский тотчас же велел арестовать. 29 августа он выехал в Иркутск. Для разбора жалоб были учреждены две комиссии, в Нижне-Удинске и в Верхне-Удинске. Однако в Иркутске он прожил недолго. 13 февраля 1820 года Сперанский выехал в Нерчинск, причем побывал в Кяхте; его интересовал при этой поездке, между прочим, вопрос о распространении христианст-

ва среди бурят. К 7 марта он вернулся в Иркутск, а 1 августа выехал в Барнаул, оттуда через Семипалатинск в Тобольск (8 сентября), где остался всю зиму. Он надеялся закончить все дела к осени 1820 года и выехать тогда в Петербург, но получил через Кочубея (министра внутренних дел) повеление прибыть к исходу октября 1820 года. Оно было отправлено 8 марта, но 20 марта состоялось другое повеление через князя Голицына — прибыть к марту 1821 года. Лето Сперанский провел отчасти в осмотрах Тобольской и Томской губерний, зиму же жил в Тобольске, откуда 8 февраля 1821 года выехал наконец в Петербург.

При посещении всех этих мест Сперанскому пришлось лично наблюдать существовавший порядок, а, кроме того, большой материал доставили ему следственные комиссии. Главным предметом следствий было лихоимство по всяким поводам. Число обвиняемых в окончательном итоге составило 680, из них 174 приходилось на долю чиновников, 256 — на начальников из инородцев и 250 на купцов, разночинцев, казацких начальников и простых казаков.

Главной причиной обилия злоупотреблений было, по мнению Сперанского, отсутствие начала законности в управлении. Управляла личная власть, и естественно, что деньги получили большое влияние; если же встречались люди независимые и опасные по своему общественному положению, то их старались обезвредить ссылкой или тюрьмой. Предписания высших центральных властей нередко не исполнялись, если почему-либо шли вразрез с интересами местных администраторов. Например, торговля в Тобольской губернии стеснялась всякими незаконными ограничениями; казенные потребности удовлетворялись способами, совершенно незаконными и несоответствующими установленному порядку. В местностях, отдаленных от центров, например, в Нарымском крае, инородцы подвергались невыносимым поборам и разорялись местными властями. Интересы казны стояли, конечно, на последнем месте при сборе ясака; продовольствен-

ные ссуды населению сводились к продаже казенных припасов в пользу чиновников. Неграмотность населения и незнакомство его с русским языком давало возможность опутывать их всякими обязательствами. Нередко власти делали особые набеги на население, предписывая, например, наблюдать чистоту, нещадно пороли за несоблюдение этого правила и таким способом выколачивали себе отступное. Подати взыскивались по несколько раз, отчетности в их поступлений не было; сколько-нибудь правильной организации продовольственного дела не было, и от этого в несчастные годы некоторые волости вымирали и встречались даже факты людоедства вследствие голода.

Одним словом, на каждом шагу раскрывались злоупотребления, порядочные чиновники терялись в массе негодяев, а общие условия и несовершенство административного порядка парализовали все благие начинания. При этом необходимо иметь в виду, что назначенные Сперанским следствия далеко не исчерпывали всей массы преступлений, из которых слагалась деятельность административного персонала. Но даже отчет Сперанского, в который вошло не все, раскрывает ужасающую картину, и перечислять здесь отдельные факты зверств, утонченных пыток и мучительных способов вымогательства или скрывания следов преступления, было бы и невозможно, и бесцельно.

Итак, ревизия Сибири дала очень обширные материалы. Стоило закинуть сеть в любое место, и улов был обеспечен; достаточно было следователю приступить к обозрению какого угодно учреждения, чтобы найти сразу же данные для привлечения к ответственности огромного количества обвиняемых. Для личной характеристики Сперанского важно остановиться над его отношением к этой части порученного ему дела. Полномочия ревизирующего сенатора, предоставленные Сперанскому, давали ему возможность собственной властью расправляться с чиновниками мелкого ранга, каких было большая часть, или направлять дела в судебном порядке, если он призна-

вал это необходимым. Вопиющие злоупотребления по денежной части и насилия над личностью, описанные в разных следственных документах и сохранившиеся в точных и несомнительных свидетельствах современников, даже теперь еще вызывают глубочайшее негодование; естественным ответом должны были быть самые решительные репрессии и притом немедленные, без околичностей и проволочек.

Чувство справедливости такими мерами было бы удовлетворено в гораздо большей степени, чем привлечением к судебной ответственности, хотя бы и по статьям закона, грозящими самыми тяжелыми карами, ибо суд по должностным преступлениям в те времена вообще редко доходил до окончательного приговора, а если и доходил, то приговор почти никогда не соответствовал тяжести содеянного. Дела тянулись бесконечно долго, переходя из одной инстанции в другую, к моменту окончания процесса половины обвиняемых уже не оказывалось в живых, а вина доживших относилась к временам отдаленным и казалась искупленною томительным состоянием под судом. Такой суд был страшен для честных людей, случайно оказавшихся в положении обвиняемых, а мошенники только посмеивались и благоденствовали, проживая краденое добро.

Но к крутым мерам Сперанский оказался неспособен по своей природе. «Мое ли дело разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления», — писал он из Сибири своему другу Столыпину. Все это его очень тяготило и побуждало направлять дела в «установленном» порядке, несмотря на то, что он прекрасно знал его несовершенства. Этим с внешней стороны, конечно, подтверждалась «законность», но «справедливость» от этого не выигрывала. Снисходительность Сперанского еще более ослабляла значение этих следствий, он лично сдерживал инквизиционные стремления следственных комиссий и даже не включил в свой отчет о ревизии некоторые формальные следствия.

Большую часть дел о взятках он обращал в обыкновенные гражданские иски, и они заканчивались возвратом полученного. Секвестр на имущество обвиняемого налагался так осторожно, что все оно ускользало, оказываясь то жениным, то детским. Обвиняемые освобождались им от надзора полиции, арестованные по его распоряжению негодяи, вроде упомянутого уже здесь исправника Лоскутова, недолго оставались в тюрьме и освобождались по его же приказанию. Первостепенный преступник, Иркутский губернатор Трескин, который был вовсе не мелким чиновником, а по рангу своему оказался и попустителем, и первоисточником всяких мерзостей, согласно представлению Сперанского был устранен от обязанностей губернатора, но с согласия Сперанского оставался в Иркутске и преисправно получал жалованье, даже после своего отъезда в Россию — тоже разрешенного Сперанским. А вскоре в Сибирь стали приходиться слухи, встревожившие даже Сперанского, что Трескин устроился и вернется генерал-губернатором.

Другого деятеля, Тобольского губернатора Илличевского, Сперанский даже не устранил от должности, хотя был на это уполномочен особым повелением. Это показывает незлобивость Сперанского, ибо Илличевский, товарищ его детских лет, проезжая через Пермь, когда там находился Сперанский в ссылке, открыто уклонился от свидания с ним, но деловой суровости судьбы это не доказывает. Правильно говорили старые сибирские служаки: «Сперанский слишком милостиво поступил с нами, нас всех следовало повесить». Но кроме природной мягкости Сперанского в этом отношении играли роль еще и другие соображения. «По совести бы никого не обвинил, кроме тех, кои попускали злоупотребления, но по закону все без разбору виноваты», — писал он Столыпину. Не совсем точно это — и к попустителям он был мягок, и плохо их обвинял. Но действительно, с одной стороны, закон не проводил различия между крупными и мелкими ворами, для всех устанавливая — в принципе — тягчайшие наказа-

ния, а с другой стороны, возникал естественно вопрос, кем же заменить отрешенных от должности чиновников. Других на месте не было, из России их трудно было получить, никто не желал ехать в Сибирь, да и много ли в России было безупречных. Эта мысль останавливала его от полного разгона всей местной администрации, и в самом деле такое препятствие было почти стихийным.

Но если позволительно входить в гадания еще о других, прямо не выраженных мотивах такой снисходительности Сперанского, то следует указать еще на один. А именно, отчет о ревизии должен был поступить на суд высших инстанций Петербурга, и Сперанский отлично знал, что там не любят слишком густых красок. Ревизия не должна была дать слишком мрачной картины, хотя бы только такая и соответствовала бы истине. Рассказ слишком точный, описание всей бездны беспорядка и мерзостей звучал бы укоризной для вершителей судеб государства, он расстроил бы их чувства и выставил бы ревизора как неприятного человека. Недаром, как свидетельствует барон Корф, в Петербурге о ревизии Сперанского шли толки как о слишком жестокой, хотя она почти ничем не кончилась, а что бы стали говорить, если бы он сказал всю правду и все бы изобличил. С Сибирью Сперанский рассчитывал скоро расстаться и уже навсегда, ее жизнь и судьба интересовали его только как предмет служебного поручения, и он не мог чувствовать себя достаточно крепким, чтобы провести в Петербурге все им предполагаемое, потому и был умеренным.

В конечном итоге, по обсуждении отчета Сперанского в Сибирском комитете, из привлеченных к делу 680 человек пострадали только немногие, и не в той мере, как они того заслуживали. Два губернатора, Трескин и Илличевский, были преданы суду Сената; первый был приговорен к лишению чинов и знаков отличия, с запрещением въезда в столицы, а в сущности, место ему было бы на ка-торге; второй оказался оправданным. Пестель, о котором Сперанский писал с большою осторожностью в своем от-

чете, был уволен от службы; 48 чиновников мелкого ранга было предано суду, 43 были наказаны тем, что Комитет постановил «огласить их подозреваемыми в злоупотреблениях и не допустить впредь к определению ни к каким должностям». Остальные отделались еще меньшим, а в числе таких был, например, Киренский исправник Шевелев, который торговал в своем уезде в свою пользу хлебом, водкой, порохом, за деньги разрешал такую же торговлю ссыльным, свои долги взыскивал через особых нарочных и т.д., были и другие, заморившие расхищением продовольственных запасов не один десяток инородцев. Денежных взысканий было наложено всего на 2 847 000 руб., сумму гигантскую по тем временам, но взыскано было всего 83 388 руб., и то преимущественно с инородных начальников, да было описано 58 имений и движимости на 962 000 руб. Вот и все; Немезида явила себя в очень мягких формах. Понятно, что после этого решения на местах в Сибири шло ликование и устраивались пирушки.

Но не личные качества Сперанского, его природная снисходительность, неспешность ревизии привели ее к этим результатам, которыми кончались обыкновенно все предприятия этого рода. Сибирская ревизия в карательной его части была по сравнению с другими даже более успешною. Все управление того времени было построено на таких началах, что надзор за ним сводился только к пустым словам, а из высших властей никто не желал не только свирепствовать и наживать врагов, но и вообще себя расстраивать.

Однако Сперанский привез с собой из Сибири не только рассказы о тамошних ужасах. Он успел выполнить и второе задание — составление проектов к организации этого края на новых началах, противоядие, как он надеялся, против зла. «Если вид страстей и слабостей человеческих оскорбить вниманием Вашего Величества, то взамен того, возможность и средства устроить в сей части света лучший порядок, без сомнения представить благо-творной душе Вашей приятное упражнение».

И действительно для этого упражнения материала Сперанский доставил много — десять огромных проектов было разработано им при содействии Батенькова и единолично, причем на себя он взял, конечно, наиболее сложные и ответственные части*. Проекты охватывали все стороны местной жизни, но основой их являлось устройство административного строя. Главные цели, которые старался достигнуть Сперанский, по его собственному показанию, сводились к следующему: 1) «преобразить личную власть в установление», то есть устранить по возможности своеволие мелких и крупных сатрапов, смотревших на порученную им власть, как на собственное имущество и поставить их в рамки законности, 2) «усилить надзор, собрав раздробленные и потому бессильные его части в одно установление», задача тем более необходимая, что надзор «общего мнения» в Сибири отсутствовал, 3) разделить функции, соединенные без достаточного основания в губернском правлении, 4) установить связь между отдельными частями управления, 5) приспособить управление к собственному положению Сибирских областей, наименее населенных и, наконец, упростить делопроизводство. В административном отношении Сибирь, по мысли Сперанского, следовало разделить на две части — Западную и Восточную, составлявшие отдельные генерал-губернаторства, которые были организованы на одинаковых основаниях.

Как доказали позднейшие детальные исследования Сибирского учреждения, основные положения, сформулированные Сперанским, в самом законе нашли далеко не полное выражение. Наиболее характерным отличием си-

* А именно: 1) учреждение для управления сибирских губерний; 2) Устав об управлении сибирских инородцев, 3) Устав об управлении сибирских киргизов, 4) и 5) Уставы о ссыльных и этапах; 6) Устав о сухопутных сообщениях в Сибири; 7) Устав о сибирских городских казаках, 8—10) Положения: о земских повинностях в Сибири, о хлебных магазинах, о домовых обязательствах между крестьянами и инородцами. Сперанским лично написаны «Учреждение для управления» и «Положения».

бирского устройства от общеимперского является развитие совещательных органов при властях разных ступеней. В округах, населенных сравнительно густо, учреждались общее и частное (для полиции, суда и финансов) управления. Во главе «общего» был поставлен начальник округа, а при нем учреждался совет из окружного судьи, исправника, окружного казначея, стряпчего и городского головы (если в городе была дума). Совет призывался к подаче мнений, не связывающих начальника, при котором он состоял, но ряд дел должен был проходить через Совет непременно.

Губернское управление также распадалось на общее и частное, причем во главе отдельных отраслей последнего были поставлены губернское правление (для полиции), казенная палата и губернский суд. «Общее» же состояло из губернатора и губернского Совета. Совет также был органом совещательным, через который проходили определенные категории дел, но решения его для губернатора не были обязательными. Главнейшею задачею Совета был надзор за правильным и успешным движением всех местных и губернских управлений. Ведомству Совета подлежала проверка отчета губернатора в сборе денег на земские повинности, рассмотрение и утверждение сметы этих повинностей, представление министру финансов замечаний по этим предметам и заявлений о нуждах губерний.

Члены Совета имели право «предъявления» высшему начальству мнения, не принятого губернатором; он был образован из председателей губернского правления, казенной палаты, суда и губернского прокурора. Наконец, такой же Совет учреждался при генерал-губернаторе. По первоначальному проекту в него должны были входить два представителя военной власти, генерал-губернатору не подчиненные, далее, особые «советники главного управления», а затем гражданские губернаторы, председатели губернского правления, палаты и суда, губернский прокурор и представители других частей управления «по востребованию дел».

Из окончательного проекта военные представители были устранены, причем не невозможно, что в этом сказа-

лось влияние Аракчеева. Этим сокращалось число членов Совета независимо от генерал-губернатора. Число «советников» Сибирским комитетом было положено в 6, назначаемых высочайшими указами, три — по представлению генерал-губернатора, а три по представлениям министров; журналы поступали на утверждение генерал-губернатора, с изложением разных мнений, а присутствие его в заседаниях предполагалось как общее правило, но не было обязательным.

Предметы ведомства Совета главного управления были обширные; он обозревал отчеты, ревизии, следствия, замечания прокуроров, мог иметь влияние на судебные дела, мог составлять всякого рода предположения об изданиях общих правил в пояснение существующих постановлений и делать представления правительству о таковых или о вновь издаваемых узаконениях; в важных случаях мог приостанавливать приведение их в действие, представляя свои заключения Сенату. Все постановления Совета превращались в акты «главного управления» только с утверждения генерал-губернатора и не связывали его.

Таким образом, самостоятельной компетенции все указанные выше совещательные присутствия не имели; смысл их сводился к тому, что в компетенциях единоличных властей устанавливались различные категории: одни дела ведались этой властью непосредственно, а другие — при содействии совещательного органа, мнение которого он обязан выслушать, не будучи им связан. Поэтому нельзя говорить, что сибирским учреждением вводилось «коллегияльное» начало. Присутствия советов, как таковые власти не имели, они обслуживали подлежащего начальника и в этом смысле являлись особою формой канцелярского бюрократического делопроизводства и только. Состав советов не обеспечивал за мнениями их особой независимости или самостоятельности. Никаких попыток привлечь общественные силы к участию в управлении, иначе говоря, организовать самоуправление в сибирском учреждении не имеется. Правда, им предусматриваются

«старшины» и «десятские» в селениях, в нем общими чертами охарактеризовано волостное правление (голова, староста и писарь), избираемое миром ежегодно и утверждаемое губернскими или областными управлениями, но предметы ведомства волости оставлены без точнейшего перечисления, равно как не установлено в учреждении и соотношение их с высшими властями. С величайшею подробностью регламентированы правила делопроизводства установлений всех ступеней.

В Сибири сохранилось предание, что первоначальный проект Сперанского был несколько иной, но что он был им переработан в Петербурге под влиянием господствовавших там течений. Такое предположение возможно, и переработка несомненно имела место, однако едва ли можно предполагать, что Сперанский даже в первоначальных своих набросках особенно далеко уклонялся от существовавшего в империи порядка.

Несомненно, что содержание закона действительно не гарантировало достижения тех целей, которые Сперанский выставлял как основные положения проекта. Несомненно далее, что организация сибирского управления не свободна от множества недостатков общего губернского устройства, недостатков, подмеченных самим Сперанским, когда он в свое время критически его осуждал. Несомненно, наконец, и то, что практика применения сибирского областного устройства раскрыла впоследствии многие его несовершенства и доказала тщетность надежд на радикальное исцеление господствовавших беспорядков. Однако по щучьему велению ничто само собой не меняется; Сибирь и после реформы Сперанского оставалась по-прежнему отдаленнейшею окраиною империи, чиновничество ее не могло быть поднято сразу же на должную высоту, население было малочисленное, и перемены к лучшему произошли под влиянием действия разнообразных причин, по мере роста местной культуры. И не мог полуссылный реформатор брать на себя слишком много, идти напролом с такими проектами, успех которых был более чем гадательный.

Другие части проектов не имели столь важного принципиального значения, как общее учреждение, но касались очень важных сторон местной жизни. Так, устав о ссыльных внес много гуманных начал в организацию этой части и содействовал установлению некоторых правовых гарантий для положения поселенцев и их потомства; устав об этапах внес порядок в организацию передвижения ссылаемых в Сибирь и установил контроль за деятельностью органов, ведающих этим. Сперанскому пришлось лично наблюдать казусы, когда в партии ссыльных случайно попадали едущие по казенным надобностям чиновники и не могли выбраться из них, или когда в Сибирь направлялись люди по предписаниям несуществующих властей, и таким либо подобным эпизодам, он старался положить конец. И в общем, его уставы достигли цели.

Одним словом, если подвергнуть строгой и принципиальной критике его деятельность в качестве ревизора и организатора, то нетрудно найти в ней много недостатков. Но если брать ее в исторической перспективе, не упуская из виду всей обстановки, то следует признать ее в высшей степени плодотворной. В Сибири так и отнеслись к ней. Его ревизия «очистила воздух». Впервые население встретилось с администратором просвещенным, имевшим в виду не личное обогащение, своеволие или самодурство, а высшие государственные задачи, явившимся туда не для угнетения, а для поднятия края. Культурные начинания, касающиеся Сибири, попытки развить просвещение, поднять благотворительность и материальное благополучие находили в нем самую энергичную поддержку; из Сибири он вывез ценные материалы и коллекции, которые содействовали изучению этого континента. Сперанский принес с собой дух света, который ему везде сопутствовал. Пребывание его в Сибири действительно составляет грань, отделяющую два периода; с него начинается новая история этой страны, и светлая память о нем сохранялась долгие годы.

Как человека деятельность Сперанского в Сибири рисует с самой привлекательной стороны. Не жалея сил,

без достаточного числа помощников, в условиях очень трудных и морально тяжелых, он работал над делом для него очень неприятным, с полным сознанием своего долга. Нельзя низко оценивать организаторское творчество, проявленное им в Сибири; речь шла о необъятном пространстве со слабыми признаками государственности и притом такой, про которую трудно сказать, являлась ли она благом или злом. Все надлежало поставить на рельсы и сдвинуть с мертвой точки, и как-никак — это дело сделано.

Но отдаваясь целиком своей задаче, Сперанский, конечно, не думал оставаться всю жизнь в Сибири и в глубине души побаивался, что пребывание его может затянуться дальше намеченного срока. Поэтому он всеми силами старался поддерживать свои петербургские связи, напоминать о себе и укреплять мысли о необходимости скорейшего вызова в Петербург. Об этом свидетельствует оживленная его переписка с влиятельными сановниками. Дела ревизии давали ему повод к таким сношениям, а некоторые его корреспонденты искренно желали ему добра и поддерживали его советами. Чаще всего он писал Кочубею, министру внутренних дел, говорил с ним откровенно и о личных своих делах и получал от него пространные и доброжелательные ответы; оживленные сношения поддерживались им и с князем Голицыным, который служил обычным посредником между ним и государем. В письмах к Голицыну он был, конечно, осторожнее, так как не предполагал особого к себе расположения князя. Кроме чисто деловых сообщений в этих письмах он касался вопросов религиозных и деятельности библейского общества; тон писем по внешности как будто задушевный и сладкий, но в них чувствуется отделка и обдуманность. Писал он и Нессельроде, не забывал, конечно, и Аракчеева, хотя, по видимому, их переписка за это время не была особенно оживленной. Особенно тревожное время переживал Сперанский, когда в мае* 1820 года состоялась отмена вызова

* Так в оригинале (с. 142). В действительности — в марте. — *Прим. ред.*

его в Петербург, назначенного на октябрь 1820 года; «...расположите путь Ваш таким образом, чтобы прибыть в Петербург к последним числам марта будущего (1821) года», — говорилось в рескрипте, и кроме того, император пожелал узнать, на каком основании предполагал Сперанский оставить управление сибирскими губерниями по отъезде своем оттуда. Получив рескрипт, Сперанский писал отчаянные письма дочери, Голицыну и Кочубею, боялся полного заточения в Сибири и предполагал даже выйти в отставку. Должно быть, Кочубей на этот раз решился и сумел помочь Сперанскому, так что вскоре пришло официальное разъяснение, где ему сообщалось, что государь, признавая удобным вызвать его к марту 1821 года «не назначает никакого срока к выезду его из Сибири, который может он расположить соответственно удобствам своей и по соображении времени, какое признает нужным для покойного путешествия». Некоторый оттенок мысли в этом все-таки заключался, и Сперанский осторожно решил с приездом в Петербург не торопиться.

Он выехал из Тобольска 8 февраля 1821 г., 11-го был в Екатеринбурге, 17-го — в Казани, 23-го — в Пензе, где его снова чествовали и где он пробыл до 6 марта, 11 марта приехал в Рязань. Тут судьба его свела снова с Балашовым, который встретил его с почестями, от которого он что-то услышал в «дополнение к истории об его ссылке» — что именно, остается неизвестным. 16 марта он прибыл в Москву. 17-го — выехал в Петербург, не побывав даже у старых своих знакомых и начальников (например, Трощинского), 22 марта 1821 года вернулся в Петербург. В дневнике его записано: «К обеду в Царском Селе. Встреча Елисаветы (дочери). Какая встреча. Сколько горестей. Вечеру Петербург. Выехал 17 марта 1812 года; воротился 22 марта 1821-го. Странствовал девять лет и пять дней».